

84Р6
М 42

**Лауреаты Государственной премии РСФСР
имени Н. К. Крупской**

Валерий Медведев

Фантазии Баранкина

**Лауреаты Государственной премии РСФСР
имени Н. К. Крупской**

**Постановлением Совета Министров РСФСР
от 14 декабря 1983 г. № 552
МЕДВЕДЕВУ ВАЛЕРИЮ ВЛАДИМИРОВИЧУ,
писателю, за книгу для детей «ФАНТАЗИИ БАРАНКИНА»
присуждена Государственная премия РСФСР
имени Н. К. Крупской.**

Валерий Медведев

Фантазии Баранкина

Поэма в двух книгах

РР
М 42

Художник **Е. В. Бекетов**

М 4803010102—244 242—85
М-105(03)85

СЧАСТЛИВЫЙ КРУГ СЧАСТЛИВЫХ ЛЮДЕЙ

Зал — полный ребят: мы с писателем Валерием Медведевым гости на празднике детской книги. Ведущий объявляет — слово предоставляется автору повести-поэмы о Баранкине. Зал мгновенно вспыхивает, загорается восторженным ребячьим счастьем. Счастье это подарено замечательным произведением, которое теперь прочно вошло в литературу для детей, стало частью ее золотой библиотеки. Смеется автор, смеются ребята, смеюсь и я. Есть забавные литературные герои Сергея Михалкова, Николая Носова, Юрия Сотника. Есть мальчик Дениска, есть Карлсон, который живет на крыше и летает сам по себе, есть Пеппи Длинный-чулок, которая поселилась в вилле «Курица». Есть и Юра Баранкин. Ох, этот Баранкин, ох, этот хвостун, лентяй и типичный двоечник! «Двойка скачет! Двойка мчится!!!» Ох, этот обманщик и фантазер! Он, кажется, потерял в себе человека, как утверждает его одноклассница Зина Фокина. А? Баранкин? Слышишь нас? Слышишь, как смеются ребята, как смеется твой создатель Валерий Владимирович Медведев? Да, ты в детской литературе праздник, но, Баранкин, будь же человеком!

Валерий Владимирович рассказывает ребятам о себе. Как выясняется, Медведев был актером в театре, снимался в кино, писал сценарии.

Когда служил в армии, заметил, что солдаты всегда собираются вокруг жизнерадостного, неунывающего человека. Вспомните, например, Василия Теркина. Вокруг такого всегда улыбки, смех. Такие люди дарят окружающим энергию, силы, помогают преодолевать невзгоды, трудности. И когда Валерий Владимирович Медведев в одно чудесное утро прозвучал детским писателем — я подчеркиваю, именно детским, — он твердо решил, что должен подарить ребятам неунывающего героя. Так появился Юра Баранкин. Вначале на страницах книги «Баранкин, будь человеком!», потом на сцене театра. А потом в новой повести «Сверхприключения сверхкосмонавта». Здесь писатель рассказал про своего уже повзрослевшего героя. Я всегда был уверен, что Валерий Медведев когда-нибудь снова вернется к любимому герою. И я не ошибся. Помните, во время драки с воробьями Медведев предупредил и воробьев и читателей: «Внимание, внимание! Баранкин в воздухе!!!» И он появился! И снова в воздухе! Почти что в космосе! Бабочки и воробьи — это было так — «малый космос». И малого космоса Юре Баранкину было, конечно, мало. У меня было, между прочим, предчувствие, что Большому космосу без Баранкина, то есть, наоборот, Баранкину без Большого космоса не обойтись. Он без него и не обошелся... Почти что не обошелся!.. Я только не мог представить, какую новую фантастику откроет писатель в своем герое.

И в новой книге есть новая и неожиданная фантастика: Баранкин переучился. Он знает все. Почти что все. Знает все больше своих всех учителей. С Баранкиным иначе и быть не могло. Двоечник впал в другую крайность. И крайность эта под пером писателя Медведева становится снова остроумной и смешной.

В характере Юры — восьмиклассника глаз писателя «ухватил» сложный тип подростка. Ребята этого типа, уверовав в свою незаурядность, оказываются на грани конфликта с окружающими, становятся «неконтактными» с друзьями, учителями, родителями... с миром людей!

Но как изменился Юра Баранкин! И как изменился почерк писателя. Если в первой книге смешная и остроумная нравоучительность шла с самого начала под знаменем «Будь человеком!..», то во второй книге смысл многих страниц не сразу угадывается. То, что написано в начале, начинает пониматься где-то в середине, а то и в конце

повести. Так несовместимость переучившегося Баранкина становится окончательно понятной только во встрече — с кем бы вы думали? — со знаменитым английским естествоиспытателем Чарлзом Дарвином!

Интересно, что юмор писателя, его добрый смех сменяются здесь иронией. Автор не щадит своего героя — самовлюбленного зазнайку, решившего, что ему одному суждено стать «...не просто космонавтом, но сверхкосмонавтом, сверхлидером, первым в мире».

В чем же причина такого конфликта? Где зарыта собака? А она не зарыта, говорит писатель, она просто лежит себе на поверхности, а мы ее и не видим. И никакая это не собака, а старая, как мир, истина: не может из человека, если он противопоставляет себя окружающим, получиться настоящий человек.

Финал повести лиричен. Кризис «космической» болезни миновал, а душевное смятение героя — верный признак его выздоровления! Ведь у Юры даже пульс забился по-новому, по-человечески — взволнованно. Он впервые увидел «...дневные звезды, которых как будто и не было, но которые на самом деле были». Наконец-то герой заговорил «сердцем»! Это все дало ему возможность понять и оценить красоту земли, увидеть ее по-новому.

Но мне кажется, не исключено, что несколько позже Баранкин, личность масштабная, неумная, затеет еще какое-нибудь отчаянное мероприятие, потому что у него фантазия «сильнее его самого».

Да, Юра Баранкин вместе со своим верным другом Костей Малиным никогда уже не исчезнет из жизни наших ребят. И я не сомневаюсь, всякий раз, когда перед ними будет появляться Валерий Медведев, зал будет расцветать счастливыми улыбками. Медведева всегда будет окружать счастливый круг счастливых людей. Дарить людям смех могут только люди талантливые. Медведев владеет «тайной смешного».

Смех — это веселье. Но смех — это и задумчивость. Смеялся, смеялся, а потом и задумался.

Смех — это самокритика.

Смех — это самовоспитание.

Смех — это жизнь.

Кому из ребят еще не удалось познакомиться с деятельностью Юрия Баранкина, для кого он еще «белое пятно», пусть немедленно откроет эту книгу. Читайте аккуратно, берегите ее — она будет всегда

нужна юным, вновь подрастающим читателям. Посмотрите, что написано на обложке,— она из золотого фонда детской литературы.

Книга получила признание и за рубежом — диплом международного конкурса имени Ганса Христиана Андерсена. Так что книга эта и за пределами нашей Родины говорит на многих языках мира: «Ребята, давайте все будем людьми, и тогда всё будет прекрасно на нашей замечательной земле!..»

И ты, наш самый дорогой на свете читатель, всегда и во всем будь человеком в полном смысле этого слова и на всю человеческую жизнь. Замри! Сосредоточься! И пусть это будет твоим самым сильным желанием, и тоже на всю жизнь. Вот так! Об этом тебя прежде всего и просит Валерий Владимирович Медведев.

Договорились?

Михаил Коршунов

КНИГА ПЕРВАЯ

**БАРАНКИН,
БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ!**

*Тридцать шесть событий
из жизни Юры Баранкина*

Часть первая

БАРАНКИН, К ДОСКЕ!

СОБЫТИЕ ПЕРВОЕ

Позор на всю школу!

Если бы я и Костя Малинин не умудрились получить двойки по геометрии в самом начале учебного года, то, может быть, ничего такого невероятного и фантастического в нашей жизни не приключилось бы, но двойки мы схлопотали, и поэтому на следующий день с нами случилось что-то невероятное, фантастическое и, можно сказать, сверхъестественное!..

На перемене, сразу же после этого злополучного события, Зинка Фокина, староста нашего класса, подошла к нам и сказала: «Ой, Баранкин и Малинин! Ой, какой позор! На всю школу позор!» Потом она собрала вокруг себя девчонок и стала с ними, судя по всему, составлять против нас с Костей какой-то заговор. Совещание продолжалось всю перемену, пока не прозвенел звонок к следующему уроку.

За это же время Алик Новиков, специальный фотокорреспондент нашей стенгазеты, сфотографировал нас с Костей и со словами: «Двойка скачет! Двойка мчится!» — прилепил наши физиономии на газету, в раздел «Юмор и сатира».

После этого Эра Кузякина, главный редактор стенгазеты, посмотрела на нас уничтожающим взглядом и прошипела: «Эх, вы! Такую красивую газету испортили!»

Газета, которую, по словам Кузякиной, испортили мы с Костей, выглядела действительно очень красиво. Она была вся раскрашена разноцветными красками, на самом видном месте от края до края был выведен яркими буквами лозунг: «Учиться только на «хорошо» и «отлично»!»

Честно говоря, наши мрачные физиономии типичных

двоечников действительно как-то не вязались с ее нарядным и праздничным видом. Я даже не выдержал и послал Эрке записку:

«Кузякина! Предлагаю снять наши карточки, чтобы газета была опять красивой! Или в крайнем случае зачеркнуть лозунг!»

Слово «красивой» я подчеркнул двумя жирными линиями, а «зачеркнуть лозунг» — тремя, но Эрка только передернула плечами и даже не посмотрела в мою сторону... Подумаешь!..

СОБЫТИЕ ВТОРОЕ

Не дают даже опомниться...

Как только прозвенел звонок с последнего урока, ребята гурьбой ринулись к дверям. Я уже собирался толкнуть дверь плечом, но Эрка Кузякина успела каким-то образом встать на моем пути.

— Не расходиться! Не расходиться! Будет общее собрание! — закричала она и добавила ехидным тоном: — Посвященное Баранкину и Малинину!

— И никакое не собрание, — крикнула Зинка Фокина, — а разговор! Очень серьезный разговор!.. Садитесь на места!..

Что здесь началось! Все ребята стали возмущаться, хлопать партами, ругать нас с Костей и кричать, что они ни за что не останутся. Мы с Костей вопили, конечно, больше всех. Это еще что за порядки? Не успели, можно сказать, получить двойки, и на тебе — сразу же общее собрание, ну, не собрание, так «серьезный разговор»... Еще неизвестно, что хуже. В прошлом учебном году этого не было. То есть двойки у нас с Костей и в прошлом году тоже были, но никто не устраивал из этого никакого пожара. Прорабатывали, конечно, но не так, не сразу... Давали, как говорится, опомниться... Пока такие мысли мелькали у меня в голове, староста нашего класса Фокина и главный редактор стенгазеты Кузякина успели «подавить бунт» и заставили всех ребят сесть на свои места. Когда шум постепенно затих и в классе наступила относительная тишина, Зинка Фокина сразу же начала собрание, то есть «серьезный разговор», посвященный мне и моему лучшему другу.

Мне, конечно, очень неприятно вспоминать, что говорили о нас с Костей Зинка Фокина и остальные наши товарищи на том собрании, и, несмотря на это, я расскажу все так, как было на самом деле, не искажая ни одного слова и ничего не прибавляя от себя...

СОБЫТИЕ ТРЕТЬЕ

Как в опере, получается...

Когда все расселись и в классе наступило временное затишье, Зинка Фокина закричала:

— Ой, ребята! Это просто какое-то несчастье! Новый учебный год еще не успел начаться, а Баранкин и Малинин уже успели получить две двойки!..

В классе снова поднялся ужасный шум, но отдельные выкрики, конечно, можно было разобрать.

— В таких условиях я отказываюсь быть главным редактором стенгазеты! (Это сказала Эрка Кузякина.)

— А еще слово давали, что исправятся! (Мишка Яковлев.)

— Трутни несчастные! В прошлом году с ними нянчились, и опять все сначала! (Алик Новиков.)

— Вызвать родителей! (Нина Семенова.)

— Только класс наш позорят! (Ирка Пухова.)

— Решили все заниматься на «хорошо» и «отлично», и вот вам, пожалуйста! (Элла Синицына.)

— Позор Баранкину и Малинину!! (Нинка и Ирка вместе.)

— Да выгнать их из нашей школы, и все!!! (Эрка Кузякина.)

«Ладно, Эрка, я тебе припомню эту фразу».

После этих слов все заорали в один голос, да так громко, что нам с Костей уже совершенно было невозможно разобрать, кто и что о нас думает, хотя из отдельных слов можно было уловить, что мы с Костей Малининым — оболтусы, тунеядцы, трутни! Еще раз трутни, оболтусы, лоботрясы, эгоисты! И так далее! И тому подобное!..

Меня и Костю больше всего разозлило, что громче всех орал Венька Смирнов. Уж чья бы корова, как говорится, мычала, а его бы молчала. У этого Веньки успеваемость в прошлом году была еще хуже, чем у нас с Костей. Поэтому я не выдержал и тоже закричал.

— Рыжий, — закричал я на Веньку Смирнова, — а ты-то чего орешь громче всех? Если бы первым вызвали тебя к доске, ты бы не двойку, а единицу схлопотал! Так что молчи в тряпочку.

— Эх ты, Баранкин, — заорал на меня Венька Смирнов, — я же не против тебя, я за тебя ору! Я что хочу сказать, ребята!.. Я говорю: нельзя после каникул так сразу вызывать к доске. Надо, чтобы мы сначала пришли в себя после каникул...

— Смирнов! — крикнула на Веньку Зинка Фокина.

— И вообще, — продолжал кричать на весь класс Венька, — предлагаю, чтобы в течение первого месяца никому не задавали никаких вопросов и вообще не вызывали к доске!..

— Так ты эти слова ори отдельно, — крикнул я Веньке, — а не со всеми вместе!..

Здесь опять все ребята закричали в один голос и так громко, что уже нельзя было разобрать ни одного слова и вообще было невозможно понять, кто с Венькиным предложением согласен, а кто против.

— Ой, тише, ребята, — сказала Фокина, — замолчите! Пусть говорит Баранкин!

— А что говорить? — сказал я. — Мы с Костей не виноваты, что Михаил Михалыч в этом учебном году вызвал нас к доске первыми. Спросил бы сначала кого-нибудь из отличников, например Мишку Яковлева, и все началось бы с пятерки...

Все стали шуметь и смеяться, а Фокина сказала:

— Ты бы, Баранкин, лучше не острил, а брал пример с Миши Яковлева.

— Подумаешь, какой пример-министр! — сказал я не очень громко, но так, чтобы все слышали.

Ребята опять засмеялись. Зинка Фокина заойкала, а Эрка покачала головой, как большая, и сказала:

— Баранкин! Ты лучше скажи, когда вы с Малининым исправите свои двойки?

— Малинин! — сказал я Косте. — Разъясни...

— Вот пристали! — сказал Малинин. — Да исправим мы ваши двойки... то есть наши двойки...

— Когда?

— Юра, когда мы исправим двойки? — спросил меня Костя.

— А ты, Малинин, своей головы на плечах не имеешь? — закричала Кузякина.

— В четверти исправим,— сказал я твердым голосом, чтобы внести окончательную ясность в этот вопрос.

— Ребята! Это что же получается? Значит, наш класс должен всю четверть переживать эти несчастные двойки! — всполошилась Кузякина.

— Баранкин! — сказала Зинка Фокина. — Класс постановил, чтобы вы исправили двойки завтра!

— Извините, пожалуйста! — возмутился я. — Завтра воскресенье!

— Ничего, позанимаетесь! (Миша Яковлев.)

— Так им и надо! (Алик Новиков.)

— Привязать их веревками к партам! (Эрка Кузякина.)

— А если мы не понимаем с Костей решение задачи? (Это сказал уже я.)

— А я вам объясню! (Миша Яковлев.)

Мы с Костей переглянулись и ничего не сказали.

— Молчание — знак согласия! — сказала Зинка Фокина. — Значит, договорились на воскресенье! Утром позанимаетесь с Яковлевым, а потом придете в школьный сад — будем сажать деревья!

— Что? — заорали мы с Костей в один голос. — Еще и деревья сажать?.. Да мы же... мы же устанем после занятий!

— Физический труд,— сказала главный редактор нашей стенгазеты,— лучший отдых после умственной работы.

— Это что же получается,— сказал я,— значит, как в опере, получается... «Ни сна, ни отдыха измученной душе!..»

— Алик! — сказала староста нашего класса. — Смоди, чтобы они не сбежали!..

— Не сбегут! — сказал Алик. — Сделайте веселое лицо! У меня разговор короткий! В случае чего... — Алик навел фотоаппарат на нас с Костей. — И подпись...

СОБЫТИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

(Очень важное!)

А если я устал быть человеком?!

Ребята, переговариваясь, выходили из класса, а мы с Костей все еще продолжали сидеть за партой и молчать. Признаться, мы оба были просто, как говорится, ошарашены. Я уже говорил, что раньше нам тоже прихо

дилось получать двойки, и не раз, но никогда еще наши ребята не брали нас с Костей в самом начале года в такой оборот, как в эту субботу.

Я думал, что мы с Костей остались в классе совсем одни, и хотел уже поделиться с ним своими мрачными мыслями, но в это время сбоку ко мне подошла вдруг Зинка Фокина.

— Юра! — сказала Зинка Фокина. (Вот странно! Раньше она всегда называла меня только по фамилии.) — Юра... Ну будь человеком!.. Ну исправь завтра двойку! Ну исправишь?

Она говорила со мной так, словно мы были в классе совсем одни. Словно рядом со мной не сидел мой лучший друг Костя Малинин.

— Фокина! — сказал я официальным голосом. — Если бы я был некультурный, я бы тебе сказал: «Не при-ставай!..»

Фокина (*возмущенно*). С тобой совершенно невозможно разговаривать по-человечески!

Я (*хладнокровно*). Ну и не разговаривай!

Фокина (*еще возмущенней*). И не буду!

Я (*еще хладнокровней*). А сама разговариваешь!..

Фокина (*возмущенней в тысячу раз*). Потому что я хочу, чтобы ты стал человеком!

— А я что, не человек, что ли?

— Нет, Юра! — сказала Фокина серьезно. — Я хочу, чтобы ты стал человеком в полном смысле этого слова!

— А если я устал... Устал быть человеком! Тогда что?

— Как это устал? — спросила Фокина изумленным голосом.

— А вот так! Вот так! — возмущенно закричал я на Фокину. — Устал, и все! Устал быть человеком!.. Устал! В полном смысле этого слова!

Зинка Фокина так растерялась, что просто не знала, что мне сказать. Она стояла молча и только часто-часто моргала глазами. Я боялся, вдруг она разнюнится. Но Зинка не разнюнилась, а как-то вся переменилась и сказала:

— Ну, Баранкин! Знаешь, Баранкин!.. Все, Баранкин!.. — и вышла из класса.

А я снова остался сидеть за партой, молча сидеть и думать о том, как действительно я устал быть человеком... Уже устал... А впереди еще целая человеческая жизнь и такой тяжелый учебный год... А завтра еще такое тяжелое воскресенье!..

СОБЫТИЕ ПЯТОЕ

Лопаты все-таки вручают...

И Мишка вот-вот появится

И вот то воскресенье наступило! На папином календаре число и буквы раскрашены веселой розовой краской. У всех ребят из нашего дома праздник. Идут кто в кино, кто на футбол, кто по своим личным делам, а мы сидим во дворе на лавочке и ждем Мишку Яковлева, чтобы начать с ним заниматься.

В будние дни учиться тоже небольшое удовольствие, но заниматься в выходной день, когда все отдыхают, — просто одно мучение. На дворе, как назло, замечательная погода. На небе ни облачка, а солнце греет совсем полетнему.

С утра, когда я проснулся и выглянул на улицу, все небо было в тучах. За окном свистел ветер и срывал с деревьев желтые листья.

Я обрадовался. Думал, пойдет град с голубиное яйцо, Мишка побоится выйти на улицу, и наши занятия не состоятся. Если не град, то, может быть, ветер надует снег или дождь. Мишка с его характером, конечно, и в снег и в дождь притащится, зато в слякоть будет не так обидно сидеть дома и корпеть над учебниками. Пока я составлял в голове разные планы, все получилось наоборот. Тучи сначала превратились в облака, а потом совсем исчезли. А к приходу Кости Малинина погода вообще разгулялась, и теперь на дворе солнце и небо чистое-чистое. И воздух не шевелится. Тихо. Так тихо, что с березы, под которой мы сидим с Костей, даже перестали падать желтые листья.

— Эй вы, подберезовики! — раздался из окна нашей квартиры мамин голос. — Вы пойдете в конце концов заниматься или нет?

Этот вопрос она задавала нам пятый или шестой раз.

— Мы ждем Яковлева!

— А разве без Яковлева начать нельзя?

— Нельзя! — сказали мы с Костей в один голос и отвернулись от окошка и стали смотреть сквозь кусты акаций на калитку, из которой должен был появиться Мишка.

Но Мишки все не было. Вместо него за калиткой мая-

чил, то и дело высовываясь из-за дерева, Алик Новиков. Он был, как всегда, весь увешан фотоаппаратами и всякими фотопринадлежностями. Я, конечно, не мог смотреть спокойно на этого шпиона и поэтому отвел взгляд в сторону.

— Воскресенье называется! — сказал я, стиснув зубы.

В это время к Алику подошла Зинка Фокина; на плече она несла четыре лопаты, под мышкой у нее была зажата какая-то картонная коробка, а в левой руке сачок для ловли бабочек.

Алик сфотографировал Зинку с лопатами на плече, и они вместе направились к нам. Я думал, что Алик взвалит теперь лопаты на свои плечи, но этого почему-то не случилось. Все четыре лопаты продолжала тащить Зинка Фокина, а Алик продолжал держаться обеими руками за фотоаппарат, который висел у него на шее.

— Эй Вы, Фото-Граф,— сказал я Алику, когда они вместе с Зинкой приблизились к скамейке.— Кажется, эти лопаты Вам не по плечу, Ваше Проявительство!

— Зато они будут по плечу вам с Костей,— сказал, ничуть не смутившись, Алик Новиков, наводя аппарат на нас с Костей.— И подпись: староста класса З. Фокина торжественно вручает хозинвентарь своим соотечественникам...

Зинка Фокина прислонила лопаты к сиденью скамейки, а Алик Новиков щелкнул фотоаппаратом.

— Да,— сказал я, внимательно разглядывая лопаты.— Как в журнале «Костер» получается...

— Что это еще получается? — спросила меня Фокина.

— Загадочная картинка,— пояснил я.

— Понимаю,— сказал Алик,— где у этой лопаты ручка?

— Нет,— сказал я Алику.— Где мальчик, который будет работать этой лопатой?..

— Баранкин! — возмутилась Зинка Фокина.— Ты что, не собираешься сегодня озеленять школу?

— Почему это я не собираюсь? — ответил я Зинке.— Собираться я собираюсь... Только неизвестно, сколько времени я буду собираться...

— Баранкин, будь человеком! — сказала Фокина.

Она хотела сказать нам с Костей что-то еще, но раздумала, повернулась и с лопатой на плече молча зашагала по направлению к школе.

Алик Новиков снова занял свой пост у калитки за деревом. Костя по́мрачнел еще больше и уставился на лопаты; он смотрел на них как загипнотизированный, а я наоборот: я пытался на этот «инвентарь» не обращать никакого внимания. Стараясь изо всех сил казаться веселым, я стал смотреть на деревья, даже не догадываясь о том, что до невероятных, фантастических и, можно сказать, сверхъестественных событий, которые развернутся в нашем дворе, остается совсем немного времени...

СОБЫТИЕ ШЕСТОЕ

*Семь выходных дней в неделе —
вот что поразило мое воображение!*

В кустах громко чирикали воробьи. Веселыми компаниями они то и дело срывались с веток, перелетая с дерева на дерево, на лету их стайки то сжимались, то растягивались. Было похоже, будто все воробьи были связаны между собой резиновыми нитями.

Перед самым моим носом в воздухе беззаботно летала какая-то мошкара. Над клумбой порхали бабочки. На скамейке, на которой мы сидели с Костей, бегали черненькие муравьи. Один муравей даже залез мне на колено и стал греться на солнышке.

«Вот у кого, вероятно, каждый день воскресенье!» — подумал я, с завистью глядя на воробьев. Не сводя глаз с акации, я стал, наверное, в двести пятидесятый раз сравнивать свою жизнь и жизнь воробьев и пришел к очень печальному заключению. Достаточно было взглянуть один раз, чтобы убедиться, что жизнь птиц и разных насекомых была беззаботной и просто замечательной: никто из них никого не ждал, никто ничему не учился, никого никуда не посылали, никому не читали нотации, никому не давали в руки лопаты... Каждый жил сам по себе и делал все, что ему вздумается. И так всю жизнь! Все дни раскрашены розовой краской! Все время — праздник! Семь дней в неделе — и все воскресенье! А у нас с Малининым один выходной в семь дней, и то разве это выходной день? Так, только одно название. А хорошо бы пожить хоть один денечек вот так, как живут эти счастливые мураши, или воробьи, или

бабочки, только чтобы не слышать этих глаголов, которые с утра до вечера так и сыплются на твою несчастную голову: просыпайся, одевайся, пойдя, принеси, отнеси, купи, подмети, помоги, выучи! В школе тоже не легче. Стоит мне появиться в классе, только я и слышу от Фокиной:

«Ой, Баранкин, будь человеком! Не вертись, не списывай, не груби, не опаздывай!..» И так далее, и тому подобное...

В школе будь человеком!

На улице будь человеком!

Дома будь человеком!

А отдыхать когда же?!

И где взять время для отдыха? Немного свободного времени еще, конечно, можно выкроить, а вот где найти для отдыха такое местечко, чтобы тебе абсолютно никто не мешал заниматься всем, что твоей душе угодно? И здесь мне пришла в голову та невероятная идея, которую я уже давно тайно от всех вынашивал в своей голове. А что, если взять и попытаться ее осуществить! Осуществить сегодня же! Сейчас! Более подходящей минуты, может быть, больше никогда и не будет, и более подходящей обстановки и настроения тоже, может быть, никогда не будет!.. Сначала надо обо всем рассказать Косте Малинину. А может быть, не стоит?.. Нет, стоит! Расскажу! А там будь что будет!

— Малинин! — сказал я шепотом. — Слушай меня, Малинин!.. — От волнения я чуть было не задохнулся. — Слушай!

Конечно, если бы мне не нужно было в этот выходной день заниматься, а потом еще и работать в школьном саду, то я, может быть, никогда бы не поделился с Костей своим невероятным и неслыханным замыслом, но двойка, красовавшаяся в моем дневнике, и лопата, прислонившаяся ко мне своим черенком, переполнили, как говорится, чашу моего терпения, и я решил действовать.

СОБЫТИЕ СЕДЬМОЕ

Единственная в мире инструкция

Я еще раз взглянул на окна нашей квартиры, на небо, на воробьев, на калитку, из которой вот-вот должен был появиться Мишка Яковлев, и сказал по-настоящему взволнованным голосом:

— Костя! А ты знаешь, что утверждает моя мама?!

— Что? — спросил Костя.

— Моя мама утверждает, — сказал я, — что если по-настоящему захотеть, то даже курносый нос может превратиться в орлиный!

— В орлиный? — переспросил Костя Малинин и, не понимая, к чему это я говорю, уставился в стену нашего дома, на которой было написано мелом:

БАРАНКИН ФАНТАЗЕР НЕСЧАСТНЫЙ!!!

— В орлиный! — подтвердил я. — Но только, если захотеть по-настоящему.

Малинин отвел свой взгляд от забора и недоверчиво посмотрел на мой нос.

Мой профиль был полной противоположностью орлиного. Я был курносый. По выражению моей мамы, я настолько курнос, что через дырочки моего задранного кверху носа можно разглядеть, о чем я думаю.

— Так что же ты ходишь с таким носом, если он может у тебя превратиться в орлиный? — спросил Костя Малинин.

— Да я не о носе, дуралей!

— А о чем? — все еще не понимал Костя.

— А о том, что, если по-настоящему захотеть, значит, можно из человека превратиться, к примеру, в воробья...

— Это зачем же нам превращаться, к примеру, в воробьев? — спросил Костя Малинин, глядя на меня как на ненормального.

— Как — зачем? Превратимся в воробьев и хоть одно воскресенье проведем по-человечески!

— А как это — по-человечески? — спросил ошеломленный Малинин.

— По-человечески — значит по-настоящему, — пояснил я. — Устроим себе настоящий выходной день и отдохнем как полагается от этой арифметики, от Мишки Яковлева... от всего на свете отдохнем. Конечно, если ты не устал быть человеком, тогда можешь не превращаться — сиди и жди Мишку...

— Как это — не устал? Я очень даже устал быть человеком! — сказал Костя. — Может, побольше твоего устал!..

— Ну вот! Вот это по-товарищески!

И я с еще большим увлечением стал расписывать Косте Малинину ту жизнь, без всяких забот и хлопот, которая, по моему мнению, ожидала нас, если бы нам удалось каким-то образом превратиться в воробьев.

— Вот здорово, — сказал Костя. — Вдох — выход!

— Конечно, здорово! — сказал я.

— Подожди! — сказал Костя. — А как же мы с тобой будем превращаться? По какой системе?

— Не читал, что ли, в сказках: «Стукнулся об землю и превратился Иванушка в орла быстрогокрылого... Стукнулся еще раз об землю и превратился...»

— Слушай, Юрка, — сказал мне Костя Малинин, — а это обязательно — стукаться об землю?..

— Можно и не стукаться, — сказал я, — можно и при помощи настоящего желания и волшебных слов...

— А где же мы с тобой возьмем волшебные слова? Из старой сказки, что ли?

— Зачем — из сказки? Я сам придумал. Вот... — Я протянул Косте тетрадь, тетрадь, которую еще никто не видел на свете, кроме меня.

— «Как превратиться из человека в воробья по системе Баранкина. Инструкция», — прочитал Костя свистящим шепотом надпись на обложке тетради и перевернул первую страницу...

СОБЫТИЕ ВОСЬМОЕ

«Не хочу учиться, хочу быть птицей!..»

— «Не хочу учиться, хочу быть птицей!..» А это что, стихи, что ли? — спросил меня Костя.

— Не стихи, а заклинание. В рифму... — пояснил я. — В сказках так всегда полагается. Читал в «Снежной королеве»? Снип-снап-снур-ре-пурре-безелюрре...

— «Я уверен, без забот воробей живет! Вот я! Вот я...» А дальше неразборчиво...

— Чего неразборчиво? — сказал я. — «Вот я! Вот я! Превращаюсь в воробья...»

— Складно получается! — сказал Костя.

— Всю ночь не спал, — сказал я шепотом, чтобы нас с Костей кто-нибудь не подслушал.

— А что ж мы с тобой теряем время? — крикнул Малинин. — Давай скорее превращаться, пока Мишка Яковлев не пришел!

— Ты какой-то чужак, Малинин! Как это — скорей? Может, у нас с тобой еще ничего не получится, а ты уже радуешься да еще орешь на весь двор!

— Ну и что?

— Как это — ну и что! Дело таинственное, можно сказать, непроверенное. Кто-нибудь подслушает — потом смеяться будут, если у нас ничего не выйдет.

— Ты же сам говорил, что если есть волшебные слова да еще захотеть по-настоящему, то обязательно выйдет! — сказал Костя шепотом.

— Конечно, выйдет, если захотеть по-настоящему! А вот как это захотеть по-настоящему? Вот в чем загадка! — прошептал я. — Ты, Костя, в жизни чего-нибудь хотел по-настоящему?

— Не знаю, — тихо сказал Костя.

— Ну вот! А говоришь — скорей! Это тебе не двойку в тройку превращать. Здесь, брат, двух человек надо превратить в воробьев. Вот какая задача!

— А зачем — в воробьев? В бабочек, я думаю, легче.

— Зачем же в бабочек? Бабочки — насекомые, а воробы — это как-никак птицы. На прошлом уроке мы как раз проходили воробьев. Ты в это время, правда, постороннюю книгу читал.

— Верно. Я про воробьев не слушал.

— Ну вот, а я слушал. Нина Николаевна нам целый час рассказывала о воробьях. Знаешь, какая у них замечательная жизнь?

— В воробьев так в воробьев! — сдался Костя Малинин. — Я в драмкружке в «Снежной королеве» ворона играл, мне в воробья будет даже легче превращаться. Давай скорей!

— Тебе бы только скорей! Сначала надо хоть немного потренироваться, — сказал я, забираясь с ногами на лавочку.

Присев на корточки, как воробей, я втянул голову в плечи и заложил руки за спину, словно крылья.

— Похоже! — сказал Костя, повторяя за мной все движения. — Чик-чирик!

— Ну вот что! — сказал я. — Тренироваться так тренироваться, а раньше времени чирикать нечего. Давай лучше отработаем воробынью походку.

Сидя на корточках, мы стали прыгать по лавочке и чуть не свалились на землю.

— Тяжело! — сознался Костя, для равновесия размахивая руками, как крыльями.

— Ничего, — успокоил я Малинина, — когда мы станем настоящими воробьями, прыгать будет легче.

Костя хотел еще немного попрыгать, но я ему сказал, что тренировка окончена и что теперь мы переходим к самому главному — к превращению человека Малинина и человека Баранкина в воробьев.

— Замри! — скомандовал я Косте Малинину.

— Замер!

— Сосредоточься!

— Сосредоточился! — ответил Костя.

— А теперь по команде, мысленно, как говорится, в своем воображении, начинай превращаться в воробья! Понятно?

— Понятно!

— Если понятно, тогда к превращению из человека в воробья приготовились!

— Приготовились!

— Начали!

— Начали!

Я зажмурил глаза, напрягся и, мысленно повторяя слова заклинания, начал изо всех сил мысленно, в своем воображении, превращаться в воробья, сомневаясь про себя в том, что у меня хватит настоящего желания и настоящих сил, необходимых для такого неслыханного и невиданного и, можно сказать, сверхъестественного задания...

Часть вторая

ЧИК-ЧИРИК! ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА!

СОБЫТИЕ ДЕВЯТОЕ

Стоит захотеть по-настоящему и...

Сказать по правде, у меня всю жизнь часто возникали в голове всякие трудноосуществимые желания и фантазии.

Одно время я, например, мечтал изобрести такой аппарат, с помощью которого можно было бы у любого чело-

века на расстоянии отключить голос. По моим расчетам, этот аппарат (я его назвал ТИХОФОН БЮ-1 — отключатель голоса по системе Баранкина) должен был действовать так: предположим, сегодня на уроке учитель рассказывает нам о чем-нибудь неинтересном и тем самым мешает мне, Баранкину, думать о чем-нибудь интересном; я щелкаю в кармане выключателем тихофона, и голос учителя исчезает. У кого такого аппарата нет, те продолжают слушать, а я в тишине спокойно занимаюсь своим делом.

Другой пример: я вхожу утром в класс. Зинка Фокина налетает на меня и тут же начинает читать мне нотацию; я спокойно щелкаю в кармане рычажком и выключаю голос Фокиной на весь день...

Мне очень хотелось изобрести такой аппарат, но дальше названия у меня почему-то дело не пошло, может быть, потому, что я не по-настоящему хотел изобрести такой аппарат?

Или вот в прошлом году, в последний день летних каникул, перед тем как лечь спать, мне, например, ужасно захотелось стать взрослым, но не через пятнадцать — двадцать лет, как становятся все нормальные люди, а на завтра же. Скажем, так: спать ты ложишься еще мальчишкой, просыпаешься утром, смотришь — ты уже взрослый, с усами, и в школу идти не надо... Желание мое было ужасно сильным, я даже во сне только об этом и думал. Утром первого сентября я проснулся, конечно, пораньше. Смотрю — лежу в постели таким же, как уснул, без усов, и надо идти в школу...

Были у меня и другие сильные желания, но ни одно из них, конечно, не захватывало меня вот так, по-настоящему, как желание превратиться из человека в воробья!..

Я сидел на лавочке не шевелясь, не отвлекаясь, не размышляя ни о чем постороннем, и думал только об одном: «Как бы мне скорее превратиться в воробья». Я ждал наступления этого момента с такой силой, с какой не ждал даже начала летних каникул. А то, что во дворе с минуту на минуту должен был появиться Мишка Яковлев, только удесятерило мои силы и намерения.

Сначала я сидел на лавочке просто так, как сидят все обыкновенные люди, и не чувствовал ничего особенного. В голову по-прежнему лезли всякие неприятные челове-

ческие мысли: и про двойку, и про арифметику, и про Мишку Яковлева, но я старался обо всем этом не думать. Я считал, что если уж я решил твердо превратиться в воробья, то и думать надо только исключительно о чем-нибудь воробьином. Через некоторое время я заметил, что у меня в голове наконец-то вместо человеческих мыслей стали появляться и не человеческие. Так, например, мне внезапно захотелось немного пощебетать на воробьином языке.

Вслед за мыслями стали возникать сами по себе разные нечеловеческие желания и намерения: то мне захотелось вспорхнуть с лавочки и немного полетать по воздуху, то посидеть на самой вершине березы, то немного пожить в скворечнике...

А когда я, по привычке, попробовал опять подумать о чем-нибудь человеческом, то у меня, к моему удивлению, на этот раз ничего не получилось. Арифметика мне показалась глупейшим занятием. Двойка почему-то вообще перестала меня расстраивать и потеряла всякое значение, а Мишка Яковлев стал мне представляться не знаменитым на всю школу отличником, а каким-то неуклюжим и несчастным существом, которое не умеет делать даже такой простой вещи, как летать по воздуху.

В это самое время у меня по ногам начали ползать мурашки. Они ползли все скорее и скорее. Потом побежали по спине, по рукам, по всему телу. Вдруг совершенно неожиданно мне захотелось поклевать овса. Да, да! Овса! Нечищенного, сырого овса! И чтобы он лежал на земле в пыли. И чтоб его было много, этого овса, очень много. В общем, столько, чтобы я мог наклеватьсь досыта.

Сижу я на лавочке с закрытыми глазами, по телу у меня мурашки, словно сумасшедшие, носятся, как ребята на большой перемене, а я сижу и думаю: «Интересно, что же означают эти мурашки и этот овес? Мурашки — это еще мне понятно, это я, наверное, ноги отсидел, а при чем здесь овес?»

Я даже мамину овсяную кашу на молоке с вареньем и ту ел дома всегда без всякого удовольствия. Почему же мне хочется сырого овса? Я ведь все-таки человек, а не лошадь! Сижу, думаю, гадаю, но ничего сам себе объяснить не могу, потому что глаза у меня плотно закрыты, и от этого в голове совершенно темно и неясно.

Тогда я подумал: «Уж не случилось ли со мной чего-

нибудь такого...» — и поэтому я решил осмотреть себя с ног до головы...

Затаив дыхание, я чуть-чуть приоткрыл глаза и первым делом взглянул на свои ноги. Смотрю — у меня вместо ног, одетых в ботинки, босые воробьиные лапы, и этими лапами я стою босиком на лавочке, как самый заправский воробей. Я открыл глаза пошире, смотрю — вместо рук у меня крылья. Открываю глаза еще больше, верчу головой, гляжу — сзади торчит хвост. Это что же получается! Получается, что я все-таки превратился в воробья!

Я — воробей! Я больше не Баранкин! Я самый настоящий, самый что ни на есть воробейный воробей!

Так вот почему мне так вдруг захотелось овса: овес — любимое кушанье лошадей и воробьев! Все понятно! Нет, не все понятно! Это что же выходит? Значит, моя мама была права. Значит, если по-на-сто-я-ще-му захотеть, то можно действительно всего достичь и всего добиться!

Вот это открытие! О таком открытии стоит, пожалуй, прочирикать на весь двор. Да что на весь двор — на весь город, даже на весь мир!

Я распустил свои крылья! Я выкатил груды! Я повернулся в сторону Кости Малинина — и замер с разинутым клювом.

Мой друг Костя Малинин продолжал сидеть на лавочке, как самый обыкновенный человек... Косте не удалось превратиться в воробья!.. Вот тебе раз!

СОБЫТИЕ ДЕСЯТОЕ

Что на воробьином языке означает...

Малинину не удалось превратиться в воробья!

Он пыжился, жмурился, все время ощупывал себя руками, чуть слышно шептал себе под нос: «Вот я! Вот я! Превращаюсь в воробья!» — и все безрезультатно. А еще торопил меня, а еще кричал на весь двор: «Давай скорее превращаться в воробьев! Давай быстрее! Давай сейчас же!» А сам как был Малининым, так и остался. Только покраснел как рак, и больше ничего.

— Малинин! — закричал я на Костю. — В чем дело? Почему ты не превращаешься в воробья?..

Но вместо этих слов из моего рта вылетало обычно-

венное воробьиное чириканье: «Чик-чирик! Чьвит-чьвит! Чиу-чиу!»

Повернув голову, Костя посмотрел в мою сторону и с изумлением вытаращил глаза.

— Баранкин! — сказал он. — Это ты, Баранкин?..

— Чио! Чио! Чья! Чья! — ответил я ему по-воробьиному, что означало: «Конечно, я! Не узнаешь, что ли?!»

Убедившись, что я не вру и что я уже действительно не я, а самый настоящий воробей, Малинин покраснел еще больше — наверное, от зависти! — и чуть даже не разревелся.

— Как же это у тебя получилось? — спросил он, часто моргая глазами.

Я сказал:

— Чень-чень-чень! Чик-чик-чик!.. (Очень просто! Чик! Чик! Чик! И готово!)

Затем между мною и Костей произошел следующий разговор на разных языках:

Костя (со слезами на глазах). Значит, превратился! Вот здорово! А почему же я не превратился?

Я. Чирик! Чим-чирим! (Откуда я знаю!) Чирик-чик-вить-чить! (Наверное, хотел не по-настоящему!)

Костя. Что ты на меня чвикаешь? Говори по-человечески!

Я. Р-р-р-рчик! Чуть-чуть-чьвим-чим! (Как же я могу говорить по-человечески, если я воробей!) Чепчик! Чичинип!

Костя. Еще «чепчиком» обзывает!

А я совсем его и не обзывал «чепчиком». Я ему сказал: «Не падай духом, Малинин! Еще раз попытайся».

Костя стал ругать меня за то, что я, не дожидаясь его, превратился в воробья, но я ему не стал ничего чирикать в ответ. Мне самому тоже было это неприятно. Уговаривались вместе превратиться в воробьев — и вот вам, пожалуйста. Конечно, быть воробьем одному не так интересно, как вдвоем.

Я махнул крыльями. Взлетел. Уселся на забор злой-презлой и повернулся спиной к Косте Малинину. И надо же было, чтобы в эту минуту на улице из-за угла показался на велосипеде Мишка Яковлев. Я схватился крыльями за голову. Все пропало! Теперь Малинин уже ни за что не успеет превратиться.

— Вот я! Вот я! Превращаюсь в воробья! — донесся до меня снизу голос Кости Малинина.

Не сводя глаз с Мишки Яковлева, я крикнул Косте с забора:

— Чим-чим-чим! Чер-чилим! Чер-чилим! Черес-чур! Черес-чур! (Поздно! Мишка на велосипеде едет! Сейчас он тебя учиться поведет!)

Сам чирикаю и вижу, как Мишка уже въехал во двор и к лавочке подъезжает, на которой сидит несчастный Костя Малинин, то есть не сидит, а должен был сидеть... Я говорю «должен был», потому что, когда Мишка Яковлев подрулил к лавочке, Кости на скамейке уже не было. Вместо Кости на скамейке стоял на полусогнутых лапах воробей, и, судя по всему, этот воробей был не воробей, а бывший Костя Малинин. Значит, пока я переживал и уже ни во что не верил, Костя Малинин взял и тоже превратился в воробья со второй, а может, и с третьей попытки. Впрочем, неважно, с какой попытки, важно, что превратился.

— Костя,— крикнул Мишка, слезая с велосипеда,— Малинин! Ты куда спрятался? Странно! По-моему, я его только что видел не лавочке. Конечно, видел. Вот его учебники и тетради!

Мишка собрал тетради и учебники, и, не обращая никакого внимания на рядом сидящего воробья (который был вовсе не воробей, а Костя Малинин — вот смехота!), оглядел весь двор, потом посмотрел на наше окно, из которого показалась голова моей мамы.

— Здравствуй, Миша! — сказала мама. — А где же Юра и Костя?

— А я как раз хотел вас об этом спросить! — сказал Яковлев. — Учебники и лопаты на лавочке лежат, а их нет...

— Вот сорванцы! — сказала мама. — Наверное, на улицу убежали... Ты, Миша, заходи в комнату, они сейчас вернутся!

Мишка положил Костины учебники на седло и скрылся в подъезде, а я слетел с забора на лавочку к Косте Малинину.

— Ир-чик! Ир-чик! Чуть-чуть-чуть! — сказал я Косте. (Молодец, Малинин! Превратился все-таки!)

На что мне Костя прочирикал:

— Че-че-че? (Честное слово?)

— Че-че-че! — сказал я. — Чуф-чуф-чуф! Чи-чи-чи! (Честное слово! Открой глаза и увидишь!)

И Костя открыл свои голубые, как у девочки, глаза...

Глаза у него так и остались голубыми! Воробей с голубыми глазами! Здóрово! Стоит на лапках, качается, хвостом сам себе равновесие помогает держать и от удивления все еще прийти в себя никак не может.

А я вытер крылом пот со лба и сказал:

— Все в порядке! (Ч-уфф!)

— Ч-уфф! (Все в порядке!) — сказал Костя Малинин и тоже вытер крылом лоб.

Мы обнялись и, подпрыгивая от радости, закружились по скамейке...

СОБЫТИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Встреча с бесхвостым

— Сей-час наедемся овса,— сказал я Косте Малинину,— и пом-чим-чим-ся! Полетим!

— Куда?

— Можно направо, можно налево. Раз мы с тобой превратились, то теперь все можно.— Я поднял крыло, отставил лапку и прочитал с выражением: — «Мы вольные пти-ти-ти-цы! Пора, брат, пора! Туда, где за морем белеет гора!..» Одним словом, куда захотим-тим, туда и полетим-тим! Вот такая жизнь!

Малинин засмеялся.

— Юр-чи-чик! — сказал он.— В воробья ты превратился, а клюв у тебя остался курносый. Чу-чу-деса!

— Врешь!

— Ни-чуть, ни-чуть!

— А у тебя глаза голубыми остались, как у дев-чонки! Чеп-чик!

Я спорхнул с лавочки к луже и стал смотреться в воду. Клюв у меня действительно остался курносый, и вообще я весь получился какой-то серый, и перья у меня топорщились во все стороны, и на лбу торчал хохолок... Костя Малинин выглядел совсем по-другому: у него была нарядная белая грудка с галстуком, сам он был весь чистенький, аккуратненький, с приглаженными перышками, как будто он только что из парикмахерской вылетел.

Впрочем, я ничуть не расстроился: я, когда был человеком, тоже не отличался особенной красотой и аккуратностью. Подумаешь, курносый так курносый. Взъерошенный так взъерошенный.

Не в этом дело. Дело в том, что я во-ро-бей и что теперь мне никто и ничто не может испортить моего замечательного воробьиного настроения. А настроение у меня было действительно замечательное! Еще бы! В голове совершенно пусто — ни забот, ни мыслей, ни тревог! И так будет весь день! Целый день-день-день-день! Ну и день-день-день! Вот так день-день-день! Заме-ча-ча-тельный день! Че-че-рес-чур за-ме-ча-тельный!

Я напился дождевой воды и ударил крылом по своему отражению, обдав брызгами Костю Малинина, скакавшего по ту сторону лужицы.

— Костю-чок-чок-чок! Ну, как жизнь?

— Заме-ча-тельная! — чирикнул Малинин, брызгая в меня водой.

— А что я тебе говорил? А ты говорил: «Превратимся лучше в бабочек!» Давай искупаемся!

— Холодно! Давай лучше овес искать. Очень-чень есть хочется.

Найти овес на нашем дворе оказалось делом нелегким. Мне попадались и конопляные зернышки, и арбузные семечки, и семечки обыкновенные, а вот овса все не было.

— Ты че-чего дерешься! — услышал я вдруг за спиной Костин голос. — Юр-чик! Он у меня из хвоста перо выдернул! Хулиган какой!

Я оглянулся и увидел, что невдалеке от меня Костю Малинина гоняет по траве здоровенный бесхвостый воробей.

— Я скачу, — затрещал Костя, подбегая вприпрыжку и прячась за мою спину, — вижу, в траве овес лежит, нагнулся — слышу, у меня из хвоста кто-то перо дергает! Хулиганство какое!

— Ты че-чего к маленьким пристаешь? — спросил я, подскакивая к здоровенному воробью. — Че-чего ты людям выходной день-день портишь?

— Я ни-че-че-го! А че-че-го этот птен-чик на мой овес разлетелся? На чу-чу-жой двор заявились да еще распоряжаются здесь! Что-то я вас здесь раньше никогда не замечал!

Я хотел по-хорошему объяснить воробью, почему он не мог нас раньше видеть на дворе, но верзила-воробей и не стал меня слушать. Он подскочил ко мне и, не говоря ни слова, ударил меня по-воробьиному крылом в грудь. Ударил. Отскочил. Ноги расставил и крылья для устрашения распустил.

Но я не растерялся. Я тоже распустил крылья веером, хвост — трубой, подскочил к верзиле нос к носу да ка-ак дам ему подножку! Обыкновенную человеческую подножку. Конечно, верзила-воробей не знал такого приема и, хотя он был выше меня на целую голову, свалился на траву как подкошенный. Лежит на лопатках, ноги кверху задрал и молчит и больше не задирается. Он думал, наверное, что мы ему сейчас с Костей зададим хорошую взбучку. А мне этого воробья почему-то даже жалко стало.

— Эй ты, куций! — сказал я. — Вставай! У нас лежа-чего не бьют! Можешь проваливать... Впро-чем-чем, можешь и остаться! Мы тебя сейчас-час угостим овсом. Костя, где овес?

— Здесь, в траве. Вот ов-син-синки и вот ов-син-синки.

Но бесхвостый не обратил на мои слова никакого внимания. Он молча поднялся, отряхнулся и испуганно запрыгал прочь.

— Чеп-чик! — крикнул ему Малинин вслед, махая хвостом.

— Сам ты чеп-чик! — сказал я Косте, зажимая лапой золотистую овсинку. — Не мог без меня дать сда-чи!

Ко мне снова вернулось хорошее настроение. И Костя Малинин опять стал веселый-превеселый.

— А здорово ты его чеб-чеб-бурахнул! — сказал Костя, выгребая из травы зернышко овса.

У меня даже слюнки потекли от одного вида аппетитных овсинок. Я поточил клюв о камешек и еще крепче зажал зернышко лапой. Сейчас я эту овсинку раздолблю и съем... Сейчас!

— Кошка! — услышал я за спиной отчаянный голос Кости Малинина и обернулся.

СОБЫТИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Кошка Муська хочет меня съесть

Итак, я обернулся... Смотрю, Кости Малинина уже на земле нет, он уже на акации. Привесился к ветке вниз головой, крыльями машет и кричит как сумасшедший:

— Кошка! Сзади тебя кошка!

Я повернул голову в другую сторону. От мусорного сарая ко мне действительно приближалась кошка, обычно-

венная кошка. Только я никак не мог понять, что было в этом ужасного и почему Костя устраивает такую панику, как будто на дворе появился тигр. Просто псих какой-то этот Малинин! Если бы я знал, что он будет таким нервным воробьем, я бы ни за что с ним не связывался.

— Юр-чик! Скорей улетай! — продолжал метаться на ветке Костя Малинин.

Кошка подошла поближе и остановилась. Я бочком подскочил к ней. И в этой незнакомой кошке сразу же узнал любимую мамину кошку Муську. Когда я еще сидел на лавочке как человек, она спрыгнула с подоконника, подошла ко мне и стала тереться о мою ногу, а я ее прогнал, чтобы она не мешала мне думать.

— Здорово, Муська! — чирикнул я обрадованно. — Чу-чу-чу-ешь, кто я такой, или нет?.. Ты что, не узнаешь своего хозяина, что ли?.. Да ты не бойся, подойди поближе, я тебя не съем! Это же я! Вот чу-чу-дачка! А вон на дереве Костя Малинин. Тоже не узнаешь? Костя, не бойся, лети сюда! Это наша Муська!

— Ты с ума сошел! — снова затрещал на акации Малинин. — Она же тебя съест!

— Меня? Своего хозяина? Это ты с ума сошел!

Не успел я закончить фразу, как сзади на меня обрушилось что-то урчащее, тяжелое и подмяло под себя. «Муська!» — успел подумать я и рванул из всех сил в сторону и вверх по направлению к акации, на ветках которой продолжал чокать и трещать Малинин. Я летел, как камень из рогатки. Я чуть не сбил с дерева своего лучшего друга. Хорошо, что он удержался. Тем временем я тоже успел зацепиться за ветку. С ветки акации я взглянул вниз. Муська водила хвостом по траве, продолжая урчать.

В воздухе медленно, как рыбки в аквариуме, плавали выданные из моего бока маленькие перышки.

— Полу-чи-чил! Полу-чи-чил! — продолжал злорадно трещать Костя Малинин.

— Ниче-чего не понимаю, — чирикнул я. — Такая знакомая кошка... Можно сказать, родная...

— «Родная, знакомая»... Скажи спасибо, что вывернулся...

— Баранкин перед кошками никогда не отступал!

— Храбрый какой! Расчи-чи-рикался: «Иди сюда, я тебя не съем, чу-дач-ка!» Сам чу-чу-дак! Ты забыл, что ли, что кошки едят воробьев?

— Да нет,— сказал я,— просто я еще не привык к тому, что я воробей!

— «Не привык»! А почему же я сразу привык? — сказал Костя и добавил: — Вот съела бы тебя твоя родная Муська, что бы я твоей матери сказал?

Я представил на секунду, что было бы, если бы мне действительно не удалось вырваться из Муськиных лап, и мне стало не по себе. Откровенно говоря, я просто испугался, хотя опасность миновала и бояться было уже нечего, но перья у меня все равно зашевелились и встали дыбом.

— Что это с тобой? — спросил меня Костя. — Ты какой-то чу-чу-чумовой!

— Да так... Жарко! — сказал я, обмахиваясь одним крылом.

Костя опять начал ругать меня, а я взял и сунул голову под крыло, но в это время кто-то ткнул меня чем-то острым в бок...

СОБЫТИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

О чем чирикают бабушки

Я выглянул из-под крыла и увидел сидящего рядом со мной старого, облезлого воробья.

— Ты, птен-чик желторотый,— сказал мне старый воробей,— я тут все время за тобой с березы наблюдал. Ты что, вообще дура-чок-чок-чок или только притворяешься?

— А что вам от меня надо?

— Ты не груби старшим.

— Я не грублю. Это у меня такой голос.

Чтобы отвязаться от старика, я снова спрятал голову под крыло, но старик опять пребольно клюнул меня в шею.

— Слушай, когда с тобой разговаривают старшие! Чти взрослых! Чти-чти-чти! Не чуф-чуф... не чуфырься!

— А я не чу-фырюсь!

— А что это ты про кошек чирикал? Какие могут быть у воробья знакомые кошки? Ах вы, птен-птен-птенчики! И чему только учат вас родители?

Старик закатил глаза и стал чирикать о том, какие в его времена были прилежные и послушные воробьята,

какие они все были умные, как они не чуфырились, а теперь все чуфырятся.

Стоило превращаться в воробьев, чтобы выслушивать эту чеп-чеп-чепуховую нотацию. Да у нас по вечерам старухи как усядутся вместе на лавочке, только об этом и чирикают, то есть разговаривают.

— Вы чьи дети? Чьи вы? Чьи вы? — спросил меня старик.

— Ни чьи! Ни чьи! — сказал я, срываясь с ветки.

— «Чуфырься, не чуфырься!» — сказал Костя, работая крыльями. — Чок-чок-чокнутый какой-то!

Мы закружились над нашим двором, выбирая дерево, не занятое воробьями. Хотя я и сам был воробей, но мне почему-то вдруг захотелось держаться от них подальше. Знакомство с бесхвостым и со стариком произвело на меня не совсем приятное впечатление. А больше всего меня расстраивало вот что: с той минуты, как мы превратились с Костей в воробьев, прошло, наверное, уже полчаса, а наша воробьиная жизнь все как-то не налаживалась, и вообще все шло совсем не так, как я ожидал. Время идет... Завтра, между прочим, снова в школу...

Косте Малинину я, конечно, ничего не сказал. В конце концов, впереди еще целый день — жизнь наладится, и все будет хорошо. Главное, не надо отчаиваться и терять надежду.

Покружив в воздухе, мы опустились с Костей на дерево. На дереве не было ни одного воробья.

Ветка, на которую мы уселись, выходила на солнечную сторону. Солнце пригревало, как летом.

С удовольствием втянув голову в плечи, я уже собирался спрятать ее под крыло, как вдруг у меня над ухом что-то противно свистнуло. Раздался щелчок. Посыпались листья. Ну что еще такое? В чем дело? Я открыл глаза и посмотрел вниз.

СОБЫТИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Дальнобойная рогатка с оптическим прицелом

Возле лавочки, на которой мы еще недавно сидели с Костей Малининым, стоял мой сосед по квартире, белобрысый Венька Смирнов, и отвратительно щурился. В руках у него была рогатка с оптическим прицелом. Рогатку я узнал сразу. Никто лучше меня не делал таких даль-

нобойных рогаток. Венькину рогатку тоже смастерил я по его личной просьбе.

Венька смотрел на меня в оптический прибор. Я смотрел на Веньку. На Венькином лице было написано: «Не попал! А жаль!..» Так... Мало того что меня чуть-чуть не слопала кошка, теперь в меня стреляют из рогатки, сделанной моими же руками!

— Ну, подожди, Венька! — чирикнул я с дерева. — Подожди, белобрысый! Когда я опять превращусь в чело-века, я тебе покажу, как стрелять в меня из рогатки!

Не обращая никакого внимания на мое чириканье, Венька нагнулся и стал искать камень. Мы с Костей переглянулись и, не сговариваясь, одновременно рванули с дерева. Я решил улететь подальше от нашего двора, подальше от кошки Муськи, от белобрысого Веньки с рогаткой, от этих драчливых и негостеприимных воробьев. Мы пролетали один двор за другим. С высоты нашего птичьего полета оказалось, что в нашем городе кошек было гораздо больше, чем я предполагал, когда был человеком. Мальчишек с рогатками тоже было много. Это открытие меня расстроило. Из своего небольшого воробьиного опыта я уже успел понять, что любое знакомство с рогаткой или кошкой может окончиться очень плохо для воробьев. Малинин тоже меня стал почему-то ужасно раздражать. Тащится где-то там, в хвосте, отстают все время и вообще летит с таким видом, как будто он мне одолжение делает.

— Че-че-го ты все время отстаешь? — не выдержал я и напустился на Костю: — Тянушка противная!

— Я устал!

— «Устал»!.. Че-че-тыре квартала пролетели, а он уже устал!

— Я не летать устал. Я устал быть воробьем!

— Подумаешь! Полчаса всего как воробей — и уже устал! А как же воробьи бывают всю жизнь воробьями?! Знал бы, не связывался с тобой!

Я высмотрел сверху небольшой сквер и спланировал вниз.

— Можешь отдыхать! — сказал я Косте, когда он следом за мной плюхнулся на ветку.

Костя приподнял крыло и уже хотел спрятать голову под мышку, но вдруг над нами раздался голос:

— Вот они где, бездельники! Я их послала за соломой, а они греются на солнце! Хороши сыночки!..

СОБЫТИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

*Что бывает, когда сыновья
отрекаются от своей матери*

Я взглянул вверх и увидел толстую воробиху, свесившуюся с соседней ветки. Это она называла нас своими сыночками.

— А почему вы молчите, почему вы ничего не отвеча-ча-чаετε своей мамочке?

— Ничего не понимаю! — шепнул мне Костя. — Почему она называет себя нашей мамочкой?

— А че-че-го тут непонятного? Наверное, она приняла нас за своих птенцов.

— А мы что, похожи?

— Откуда я знаю...

— По-чему вы пря-че-тесь от своей мамоч-ки? — продолжала щебетать воробиха. — Не бойтесь! Летите сюда. Так и быть, на этот раз я вам ничего не сделаю.

— А может, мы действительно похожи на ее сыновей?

— Может, и дей-стви-тви-тельно!

— Этого еще не хватало! Извините, гражданка! — сказал Костя. — Мы ни от кого не пря-чем-ся, а вас мы вообще видим в первый раз!

— Это что еще за гражданка! — заверещала воробиха. — Воробьи добрые, вы только послушайте, как он называет свою мамочку!

Воробьи, сидевшие целой стаей на соседнем дереве, громко возмутились, а толстая воробиха так разозлилась, что даже клюнула Костю Малинина в шею.

Костя заорал.

— Те-теч-ка! — вступился я за своего друга. — Честное слово, мы не ваши дети. Ну, че-че-стное-пречестное!

— Глядите, воробьи добрые, и этот не хо-чет призна-вать свою мамочку, — затрещала воробиха, подскакивая на ветке и взмахивая крылышками.

Воробьи стали ругать нас с Костей еще громче, а наша «мамочка» задала нам такую трепку, что из нас с Костей пух полетел, как из подушек... Пришлось нам с Малининым взять свои слова обратно и назвать воробиху «мамочкой».

— То-то! — мгновенно успокоилась воробьяха. — А теперь, сыночки, летим! Учи-читься вить-вить гнездо!

— Как — учи-чи-ться? — закричали мы с Костей в один голос.

СОБЫТИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Мы с Костей учимся вить гнездо

— Вы что, все позабыли, что ли? — сказала воробьяха. — Вчера ваша мамочка у-чила вас, как нужно вить-вить гнездо, а сегодня будете вить-вить сами!

— Интересное дело! — чирикнул тихо Костя... — Почему ты мне не сказал, что воробьи тоже у-чатся?

— А откуда я мог знать?

— А за-чем ты говорил, что у воробьев замечательная жизнь?

— Это же не я, это Нина Николаевна говорила, — соврал я. — Вот привязался!

— В общем, ты как хочешь, а я лично не буду у-читься вить-вить гнездо! — прочирикал Костя.

— Кто сказал, что не хо-чет у-читься вить-вить гнездо? — спросила грозно воробьяха, подлетая к нам с Костей.

— Это не он сказал, это я сказал! — чирикнул я, загоразживая Костю, и добавил: — А драться, по-мо-ему, не педаго-ги-чно!

— Что! Ты где это таких слов нахватался?

Воробьяха изо всех сил клюнула меня в спину и погнала нас вместе с Костей на соседнее дерево, где были заготовлены впрок соломинки, конский волос и другие стройматериалы.

— Зна-чи-чит, гнездо вьется так... — защебетала воробьяха. — В клюв берется соломинка и сворачив-чивается в колеч-ко... Ну-ка, повторите, сыночки!

— В клюв берется соломинка, — прочирикали мы с Костей хором, — и сворачивается в ко-леч-ко...

Урок начался. Мы с Костей, не глядя друг на друга, с отвращением взяли в рот по соломинке.

«Интересно, бывают у воробьев на уроках перемены?...» — подумал я с тоской, сворачивая соломинку в колечко так, как учила нас толстая воробьяха.

— За-тем, зна-чит!.. — продолжала щебетать во-

робьиха, ловко укладывая соломинки и приминая их грудью.— За-тем, зна-чит!..

Но что делается «затем», мы так и не узнали, потому что в эту минуту к нам свалился с неба прямо на голову толстый рыжий воробей. Ветка, на которой мы сидели, так и закачалась под его тяжестью.

— Папо-чка прилетел! Чиканька наш! Чика! Чика! Чика! — обрадовалась воробьиха, приседая и раскачивая ветку еще сильнее.

Мы раскрыли с Костей от удивления клювы и выронили соломинки и уставились на рыжего воробья Чику, который, по словам толстой воробьихи, был нам с Костей родным папочкой.

СОБЫТИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Драка за скворечник

— Скорей, сыно-чки! Скорей, воробьятки! — затрещал рыжий дяденька-воробей, похлопывая себя крыльями по толстым ножкам и бокам.— Стрижи улетают на юг! Освобождается скворечник-чник. Чудесный сквореч-чник!

— Скворе-чник-чник! — зачирикала радостно воробьиха.— Моя меч-та! Меч-та! Меч-та!

— Да-да! Скворечник! Надо только успеть занять. Боюсь, придется подраться! Скорей в путь-путь-путь! Летим-тим-тим!

— Ле-тим-тим-тим! — подхватил я, решив, что уж лучше драться за скворечник, чем учиться вить гнездо.

— А может, не надо драться... Может, лучше поучимся вить-вить гнездо! — пискнул Костя Малинин.

— Хвост не дорос старших учить! Хотел бы я видеть, что ты запоешь зимой, когда будет холодно!

— Вот именно! — поддакнул я рыжему воробью.

Воробей сорвался с ветки, столкнул крылом меня и Костю и, отчаянно чирикая, рванулся вперед, показывая нам направление. Воробьиха пристроилась сзади, и, как только мы начинали с Костей отставать, она тут же своим острым клювом подгоняла нас и поддавала нам жару.

— Чур-чур, не отставать! Чур-чур! Вперед! Вперед! Чур-чур! — трещал рыжий воробей, то и дело оглядываясь.

— Ладно, Юрка, я тебе этого никогда не забуду! — сказал мне Костя на лету. — Если уж ты на всю жизнь решил остаться воробьем, и оставайся и дерись за свой скворечник. А я лично не буду. Вот выберу момент и сбегу! Улечу, и все!

— Тише, чужак! Все дело испортишь! Сейчас от этого рыжего все равно подобра-поздорову не отвяжешься!

— Что же делать? У меня уже сил больше нет быть воробьем!

— Что делать? Сбежим по дороге! Жди сигнала! С Баранкиным не пропадешь!

— Не пропадешь? Как же! С тобой как раз, того и гляди, пропадешь! — простонал Костя Малинин.

И он оказался прав. Мы действительно с ним чуть-чуть не пропали, и все из-за меня. И зачем я только согласился драться за этот скворечник?!

Сбежать по дороге нам, конечно, не удалось. Рыжий воробей и воробья все время внимательно следили за нами и не давали отстать ни на шаг. Дело обожалось хуже, чем я предполагал. Если мы вяжемся против своего желания в драку, то я-то, может быть, и вывернусь, а уж Косте наверняка несдобровать. Он и на земле не приспособлен к драке, а тем более с воробьями, да еще в воздухе.

Не успел я подумать об этом, как вдруг неожиданно рядом послышалось отчаянное чириканье, и мы всей «семьей» врезались в стаю воробьев, дерущихся в каком-то незнакомом саду за тот самый скворечник, о котором мечтали наши «родители».

Я даже не знаю, как это получилось, но мы с Костей внезапно очутились в самой гуще боя, сразу же потеряв из виду своих «родителей». Справа, слева, сверху и снизу, отчаянно чирикающая, кружилась совершенно чужие и незнакомые нам воробьи.

Хорошо, что Костя Малинин догадался вцепиться клювом в мой хвост, а то бы мы наверняка потеряли друг друга в этой суматохе.

Тащить Костю на буксире и отбиваться было, конечно, трудновато, но я довольно ловко увертывался от налетающих на меня воробьев, осыпая их всякими угрозами и проклятиями. Хорошо, что я совсем недавно прочитал книжку о фигурах высшего пилотажа. В этом воробьином бою все это мне очень здорово пригодилось...

Я взмывал вверх по всем правилам, падал на крыло,

взлетал свечкой, входил в штопор, и наконец-то на бреющем полете мне удалось выйти из воробьиного окружения. Костя, увидев, что опасность миновала, отцепился от моего хвоста, и мы вместе что есть духу пустились из последних сил наутек от этих проклятущих воробьев.

— Бей их чем-чем-чем попало! — раздались вдруг за нашими спинами воробьиные голоса.

Я оглянулся и увидел, как от дерущихся птиц отделились четыре воробья и сыпанули за нами вслед...

СОБЫТИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Костя Малинин «начирикался»

— Кон-чится это когда-нибудь или нет? — простонал Малинин, прибавляя ходу.

— Вот эти громче всех чи-рикали! — крикнул кто-то сзади.

Преследующие нас воробьи стали заходить нам в хвост.

— Ребята! Да ч-то вы! Мы же только чи-рика-ли! — оправдывался я на лету.

— А за-чем-чем прилетели?

— Ни за чем. Так просто — посмотреть!

— Посмотреть? Вот мы сей-час вам покажем!.. Сейчас мы из вас пустим пух!

Воробьи стали нагонять нас, и, вероятней всего, они задали бы нам взбучку и пустили бы из нас пух, если бы я не применил на лету один остроумный боевой прием, который у летчиков называется «бочкой». Выбрав удобный момент, я подпустил преследователей к себе поближе, потом совершенно неожиданно перевернулся в воздухе на спину и лягнул одного из наседающих на меня воробьев ногами — воробей отлетел в сторону и шмякнулся в забор.

— Ага! — закричал я страшным голосом. — Баранкин в воздухе! Берегись!

Я лягнул другого — и другой отлетел. Так я летел, и орал, и брыкался до тех пор, пока не разбросал в разные стороны всех преследователей. Противники, не имевшие, конечно, никакого понятия о высшем пилотаже, опешили, совершенно растерялись и стали отставать, отставать, отставать...

Пользуясь замешательством воробьев, мы, прибавив ходу, скрылись за деревьями и в изнеможении свалились на первую попавшуюся крышу.

От меня валил пар, а сердце прыгало, как крышка на кипящем чайнике.

— Конечно! — сказал Костя, еле переводя дух. — Ты как хочешь, а я лично на-чи-рикался! Все!

Малинин стукнул клювом по крыше и стал из последних сил ругать меня за то, что я все ему наврал с три ко-роба про замечательную жизнь воробьев.

— А еще целый месяц наблюдал за ними... — сказал Малинин, передразнивая мой голос: — «У них жизнь без забот! У них жизнь без хлопот!..»

— А что я, виноват, — сказал я, — если мне так показалось!..

А Костя Малинин сказал:

— Я говорил, что нам надо было сразу в бабочек превратиться. Бабочки и гнезд не вяют, и кошки их не едят, и питаются они не овсом, а сладким нектаром. Ох, и вкусная, наверное, штука!..

Я промолчал. В жизни бабочек Костя Малинин, конечно, гораздо лучше меня разбирался. У него одно время даже была их целая коллекция, только он ее променял на марки.

Вероятно, Костя был прав, и нам действительно следовало сразу же превратиться в бабочек. Заманчиво, конечно, целый день порхать с цветка на цветок и все время есть сладкое...

И все же, прежде чем начать превращаться в бабочек, я хотел расспросить Костю поподробнее об их жизни. А то как бы нам не напороться во второй раз...

— А помнишь, нам Нина Николаевна рассказывала, — сказал я, — что бабочки опыляют цветки...

— Ну и пусть опыляют себе! — сказал Костя. — А мы с тобой не будем! Дураков нет!

Несмотря на то что в Костином ответе была своя железная логика, я все-таки решил ему задать еще один вопрос.

— А как у бабочек в смысле учебы? — спросил я. — Может, они тоже чему-нибудь учатся?

— Ты еще долго мне будешь вопросы задавать? Вон уже кошки появились! — заорал на меня как очумелый Костя Малинин.

Я думал, он меня разыгрывает. Смотрю — из чердач-

ного окна действительно вылезли три кошки, перемазанные углем, и уставились на нас с Костей. Две из них мне были совершенно незнакомы, а третья была наша Муська. Видно, она все-таки окончательно решила меня съесть. Рассуждать больше было некогда.

— К превращению в бабочек приготовились! — скомандовал я лихорадочным шепотом.

— Приготовились! — отозвался Малинин.

— На-чали! — сказал я.

— Как — на-чали? — сказал Костя Малинин. — А чего говорить? Какие слова?

Действительно, я совсем и забыл, что мое старое воробьиное заклинание совсем не годится для нового превращения в бабочек.

— Сейчас! — сказал я. — Сейчас! Сейчас переделаю...

— Скорей переделывай! — заорал Костя.

— Готово! — сказал я. — Повторяй за мной!.. «Не хочу быть воробьем! Хочу быть бабочкой!.. То есть мотыльком!..»

Я уверен, без забот
Мотылек живет!
Вот я! Вот я!
Превращаюсь в мотылька!

— Нескладно получается! — сказал Костя, глядя в ужасе на приближающихся кошек.

— Вот очутишься в животе у кошки, — сказал я, — тогда складно получится! Повторяй скорее!

И Костя Малинин, закрыв от страха глаза, стал сыпать скороговоркой слова моего нескладного волшебного заклинания, обгоняя меня на каждом слове:

Я уверен, без забот
Мотылек живет!..

«Только бы успеть! — подумал я. — Только бы успеть превратиться до того, как нас сцапают кошки!..» Это была последняя мысль, мелькнувшая в моей измученной воробьиной голове, разрывавшейся от забот, тревог, ужаса и волнений...

Часть третья

Я — КАПУСТНИК И КОСТЯ — МАХАОН

СОБЫТИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Вредитель, известный населению

Пока мы с Костей Малининым шептали наперегонки слова заклинания и сосредоточивались, кошки во главе с нашей Муськой тоже не теряли даром времени. Осторожно ступая на лапы, они подкрадывались к нам все ближе.

«Ладно, Муська,— мелькнуло у меня в голове,— если я останусь в живых, я с тобой дома рассчитаюсь!»

Больше о кошках я решил не думать, так как это мне мешало превращаться в бабочку. Теперь я все свое внимание сосредоточил на цветах, на жизни, в которой не надо вить гнезд или драться за скворечники, а нужно только порхать с цветка на цветок, греться на солнце и есть один сладкий нектар, но вместо этого мне, как назло, в голову все время лез проклятый овес и перед глазами продолжали мелькать воробьи, кошки, Венька с рогаткой и всякая подобная чепуха из моей воробьиной жизни.

Я расстроился, открыл глаза и увидел, что расстояние между мною и кошками значительно сократилось, а я как был проклятым воробьем, так им и остался. Тогда я расстроился еще сильнее и решил больше не закрывать глаза — будь что будет!

Сделав еще несколько шагов, кошки вдруг остановились и стали о чем-то между собой фыркать и мяукать.

«Совещаются, кому кого есть,— подумал я,— делят двух воробьев на трех кошек. Ну и пусть... Теперь уж я наверняка не успею превратиться в бабочку...» На всякий случай я еще несколько раз мысленно произнес волшебное заклинание:

Я уверен, без забот
Мотылек живет!
Вот я! Вот я!
Превращаюсь в мотылька!

Тем временем кошки разделились: одна стала подкрадываться к Косте, а Муська со своей подружкой направились ко мне. «Вот хитрюга! Знает, что она одна со мной

все равно не справится... И что я ей такого сделал,— подумал я, не сводя глаз с Муськи,— только один раз чернилами облил, и то нечаянно...»

В трех шагах от меня Муська и ее помощница замерли на месте. Они присели, выгнули спины трамвайной дугой и заурчали. Царапая железную крышу когтями, приготовились к прыжку. «Собираются прыгать! Значит, мы с Костей не превратились в бабочек,— подумал я.— Не успели! Значит, все пропало!..» Мне стало холодно. По телу побежали мурашки. Очевидно, это были последние мурашки в моей жизни... Я уже хотел крикнуть: «Прощай, Малинин! Извини, что я втянул тебя в такую историю!»

Но здесь с кошками случилось что-то непонятное: они выпучили глаза, фыркнули и, вместо того чтобы прыгнуть вперед, изо всех сил прыгнули в обратную сторону от нас. Шерсть у кошек поднялась дыбом; покрутив очумело головами, все вместе еще раз подскочили на месте и дунули в чердачное окно.

Они исчезли так быстро и неожиданно, словно позади нас с Костей увидели огромную собаку. Я оглянулся — никакой собаки сзади не было. Зато я увидел бабочкины крылья, которые торчали за моей спиной, как два паруса.

Так вот почему кошки так испугались: на их глазах из съедобного воробья я превратился в несъедобную бабочку! Успел все-таки! Вот здорово! Я в восторге пошевелил маленькими треугольными крыльями и повернулся к Косте Малинину, чтобы поделиться с ним своей радостью, но от неожиданности вытаращил глаза. Рядом со мной, на том самом месте, где несколько минут назад лежал пластом и чуть слышно чирикал полуживой воробей Малинин, теперь сидела прекрасная бабочка с огромными треугольными крыльями какого-то сказочного черно-зеленого цвета. Такой красивой бабочки я еще никогда не видел, даже на картинках в книжке.

Не может же быть, что Малинину Косте удалось превратиться в такое красивое насекомое. Нет, эта бабочка безусловно настоящая бабочка — сразу видно. А если это самая настоящая бабочка, то где же тогда мой лучший друг Малинин?.. Уж не свалился ли он со страха с крыши на мостовую? Я посмотрел вниз. А может быть, Костю в суматохе незаметно для меня все-таки успела сцапать кошка? Я посмотрел в чердачное окно. А может быть, он испугался кошек и перелетел на соседнее дерево? Я по-

вернулся и стал разглядывать растущий рядом с домом тополь.

— Чего ты крутишься, как на уроке? — спросила меня вдруг сказочно красивая бабочка голосом самого обыкновенного Кости Малинина.

Я уставился на бабочку и спросил не своим от волнения голосом:

— А ты кто такая?

— Не кто такая, а кто такой!

— А кто ты такой?

— Да ты что, Баранкин, ты нарочно не узнаешь меня, что ли?

— Малинин, это ты?

— А то кто же! Не узнал?

— Да, попробуй тебя узнай! Вот это превратился так превратился! А я уж испугался, думал, с тобой что случилось.

— Как же! Держи карман шире! — сказал Малинин, разводя крыльями и поднимая вокруг себя ветер.

Я даже не мог отвести от Кости глаз: такой он был необычный.

— Костя, — сказал я, — как же ты называешься?

— Как я называюсь? Очень просто!.. Сейчас вспомню. Крылья у меня сверху черно-зеленые?

— Черно-зеленые.

— А с обратной стороны?

— Коричневато-черные.

— С золотыми точками?

— С точками... И еще на каждом крыле по половине луны и по целой радуге.

— Все ясно! Я превратился в махаона из семейства парусников.

— А я?

— А ты превратился в этого... Ну-ка, повернись!

Я повернулся. Малинин критически осмотрел меня с ног до головы.

— Так... — сказал он. — Крылья у тебя маленькие, желтенькие с черными пятнышками. Понятно. Ты превратился в этого... во вредителя.

— В какого вредителя?

— В огородного. Известного населению под названием капустник из семейства белянок...

— Вот тебе раз! — возмутился я. — А почему я превратился в капустника, а ты — в махаона?

— «Почему, почему»! Откуда я знаю! Наверное, потому, что махаоны водятся на Дальнем Востоке, а я жил три года в Хабаровске. А ты водишься в средней полосе России.

— А это точно?

— Точно! У меня же коллекция была! Я все породы бабочек знаю... Я — махаон, а ты — вредитель...

— «Вредитель»! От тебя очень много пользы! Если хочешь знать, так капустником быть даже лучше, чем махаоном.

— Это почему же?

— Потому что... потому что... у тебя крылья расфуфыренные, как у девчонки. Мне, например, с такими крыльями было бы просто стыдно появиться среди ребят... то есть среди мотыльков.

— Стыдно — и появляйся на своих!

— И появлюсь!

Я взлетел над крышей и сделал пробный круг возле чердачного окна. Крылья у меня были, конечно, не такие удобные и прочные, как у воробья, но летать на них было удивительно приятно.

Летишь и все время проваливаешься в какие-то воздушные ямы. Проваливаешься и летишь. И от этого в животе у тебя дух захватывает и такое ощущение, как будто ты на лету от радости умираешь. И поэтому тебе просто как девчонке хочется громко сказать или «ух!», или «ах!», или «ох!». Или просто завизжать от радости!

А впереди тебя ждет сладкий нектар! Амброзия, можно сказать! И новые воздушные ямы! И это удивительное ощущение, от которого в животе дух-ух-ух захватывает!.. И сознание, что все это, вместе взятое, будет продолжаться, сколько мы с Костей захотим.

И какая при этом разница, кто ты такой — безвредный махаон или вредный капустник? В конце концов, это люди знают, кто из бабочек кто, а сами бабочки в бабочках все равно не разбираются.

А если это все так, то — ух! ах! ох! — и молодец Малинин, что надоумил меня стать бабочкой.

В это время ко мне как раз подлетел мой лучший друг Костя — махаон — Малинин, и мы стали с ним качаться в воздухе на каких-то невидимых качелях.

— Ну как? — спросил меня Костя, слетая вниз.

— Порядок! — ответил я, взлетая вверх. — Только есть очень хочется.

— Ну, это дело поправимое,— сказал Малинин.— Ух, сейчас я тебя угощу нектаром. Нектар пить — это тебе не овес клевать! Это, брат, знаешь какая вкусная штука!.. Лапки оближешь! Летим скорее!

— Летим! — сказал я.— Во весь дух-ух-ух летим!

— Летим,— сказал Костя.— Во весь дух-ух-ух! Выдох — вдох-ох-ох! Крылом мах-ах-ах! Словно пух-ух-ух! Во весь дух-ух-ух!..

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТОЕ *«Спящая красавица»*

Мы с Костей сделали еще один прощальный разворот над чердаком и уже хотели лететь за нектаром, как вдруг Костя Малинин заметил на стене дома маленькую желтенькую бабочку. Она сидела под железным желобом, вцепившись лапками в кирпичную стенку, сложив крылья, как прочитанную книгу.

— Настоящая! — сказал Костя Малинин.— Не то что мы с тобой! Привет бабочкам! — крикнул он, помахав в воздухе лапкой.— Это крушинница.

— Ну и пусть! — сказал я.— Давай скорее — летим за нектаром!

— Подожди! Надо с ней познакомиться!

— Вот не было печали! Эх ты, девчатник!

— Здравствуйте, бабочка! — сказал Костя Малинин, цепляясь за стенку рядом с крушинницей.

— Костя-махаон — девчатник! Костя-махаон — девчатник! — стал дразнить я Малинина, летая над самой его головой.

— Привет крушинницам! — сказал Костя, поднимая в знак приветствия вверх обе лапки.

— Позор девчатникам! — сказал я.

Костя еще раз поздоровался с бабочкой, но она продолжала сидеть молча и неподвижно, не обращая на Малинина никакого внимания.

— Ух и воображает из себя! — сказал я.— Так тебе и надо.

— Да нет, она не воображает,— сказал Костя, внимательно разглядывая крушинницу.— Она спит! Конечно, спит!

— Спящая красавица! Понятно. Проснитесь, спящая красавица! С вами хочет познакомиться сам Костя-махаон из семейства парусников!

Я сел рядом с бабочкой и потормошил ее лапкой.

— Бесполезно! — сказал Костя. — Теперь ее из пушки не разбудишь. Она ведь на всю зиму уснула.

— Почему это — на всю зиму?

— Потому что у них, у бабочек, такой закон природы!

— Чего ты врешь, Малинин, какой еще закон природы?

— Да честное слово! Все бабочки осенью умирают или засыпают до самой весны. У них даже расписание есть, когда кому засыпать.

— Подожди, а как же мы с тобой? — встревожился я.

— Что — мы?

— Мы с тобой тоже бабочки, значит, мы тоже заснем по расписанию?

— Вообще-то раз мы бабочки, значит, тоже, наверное, должны уснуть... когда-нибудь.

Меня это «открытие» просто ошеломило.

— Так зачем же мы тогда с тобой превращались в бабочек? Если мы каждую минуту можем заснуть, да еще на всю зиму! Мы же на один день только превратились, а уснем вдруг — и каникулы зимние проспим. Эх, Малинин, Малинин!

— Чего ты орешь? — сказал Костя. — Тебе же пока спать не хочется?

— Нет еще.

— Ну и летим за нектаром, а там будет видно.

— Что значит «там будет видно»? А если я усну на лету и проснусь только весной, превращусь в человека, а на экзаменах что буду делать? По всем предметам двоек нахватаю из-за тебя.

— Подумаешь, — сказал Костя, — дома его спать не уложишь, а здесь он, видите ли, боится на лету уснуть. Не бойся, не уснешь. Я отвечаю!

— Не усну?

— Конечно, не уснешь. Осенью засыпают какие бабочки? Обыкновенные. А мы с тобой бабочки необыкновенные.

— А какие же мы?

— Мы с тобой человекообразные бабочки, вот какие! — заорал на меня Малинин.

— Ну и что? — заорал я на Костю.

— А то, что на человекообразных бабочек этот закон природы, может быть, не распространяется!

— Может быть, не распространяется, а может быть, и распространяется!

Я хотел еще немного поругать Костю Малинина за его легкомыслие и особенно за то, что он имел коллекцию бабочек, а скрыл от меня такой ужасный закон природы, но в это время над нами, шумя крыльями, пролетел воробей и тут же вернулся обратно. При виде воробья Малинин почему-то сразу перестал на меня орать, съежился и полез прятаться под крышу.

Воробей прицепился к стенке недалеко от меня и нацелился на меня одним глазом. Лицо воробья показалось мне почему-то очень знакомым. Когда он повернулся ко мне боком, я увидел, что у воробья нет хвоста. Теперь я его узнал сразу: это был тот самый куций воробей, с которым я подрался на дворе из-за овса.

— Здорово, чепчик! — крикнул я своему старому знакомому. — Ты на меня не сердишься?

— Баранкин, прячься сейчас же! — услышал я за спиной Костин голос. — Он тебя склюет!

— Кто это меня склюет? Баранкин перед воробьями никогда...

Не успел я оканчивать фразу, как выскочивший из-под крыши Малинин схватил меня за лапу и утащил под железный желоб.

В эту же секунду бесхвостый воробей оказался на моем месте. Обнаружив мое исчезновение, он повертел во все стороны головой, подобрался к спящей крушиннице, внимательно ее осмотрел, клюнул, моментально проглотил и полетел как ни в чем не бывало дальше. Я посмотрел из-под крыши вслед улетающему воробью, потом уставился на Малинина.

— Я тебя забыл предупредить, Баранкин, — сказал Костя виноватым голосом, — что настоящие воробьи очень любят есть бабочек, так что ты не очень-то старайся попадаться им на глаза...

Мне, конечно, очень хотелось высказать Косте все, что я думал в эту минуту и о нем, и о жизни бабочек, но я молча сложил лапы на груди и сдержался. В конце концов, я не Малинин, это он расхныкался, когда устал быть воробьем. А я Баранкин! Уж если я превратился в бабочку, то я все трудности и всякие нечеловеческие мучения буду переживать молча, как настоящий мужчина. Тем более, что у меня и сил-то не было ругаться с Малининым, так мне хотелось есть в эту минуту.

Кепка-зенитка

Подождав, пока воробей улетит подальше, мы с Костей осторожно вылетели из-под крыши и направились за нектаром к видневшейся внизу клумбе с цветами. Я, конечно, по-прежнему проваливался на лету в воздушные ямы, но уже того ощущения, что я умираю от радости, у меня почему-то не было. И «ухать» мне что-то вдруг расхотелось.

— Птицы только вверх опасны, — сказал Малинин, — а к земле чем ближе, тем безопаснее. В крайнем случае, увидишь воробья — маскируйся.

«Маскируйся»! А если, пока я буду есть нектар, меня самого съедят, тогда что?..» Меня так и подмывало задать этот вопрос Малинину, но я снова сдержался и промолчал. Цветов на клумбе было очень много — и красных, и белых, и синих, — и от всех шел такой чудесный нектарный запах, как от маминого печенья на кухне.

У меня от одного запаха нектара слюнки потекли и даже голова закружилась. Я уже не слушал, что говорит мне Костя. Я самостоятельно выбрал самый большой цветок и закружился над ним, выбирая место для посадки.

— Дави его! — раздался внезапно за моей спиной чей-то пронзительный голос.

Я перевернулся в воздухе и увидел невдалеке двух мальчишек с лопатами; они размахивали кепками и бежали по направлению ко мне, громко топая ногами.

— Это непарный шелкопряд! Дави! Я его знаю! — крикнул один из них и, заложив пальцы в рот, оглушительно свистнул.

Так как я, по словам Кости, был капустник и к непарному шелкопряду не имел никакого отношения, то я не обратил на крики ребят никакого внимания. Я опять спокойно перевернулся в воздухе и снова закружился над тем самым большим цветком, от которого так вкусно пахло нектаром. В это время сзади меня накрыла огромная тень, что-то свистнуло возле крыла и сильным толчком воздуха бросило на землю:

— Ур-ра! Сбили! — закричал один из мальчишек, закружив кепку над головой.

Голос этого мальчишки мне показался подозрительно знакомым.

— Нет, не сбили! — сказал другой мальчишка. — Он спрятался среди цветов! Ищи!..

И второго мальчишки голос мне тоже показался знакомым. Я присмотрелся получше к истребителям непарных шелкопрядов и узнал в них своих одноклассников — Веньку Смирнова, того самого Веньку, что стрелял в нас с Костей из рогатки, когда мы были еще воробьями, и Генку Коромыслова, Венькиного прихлебателя.

«Ладно, Венька! — подумал я про себя. — Твое счастье, что я сейчас бабочка, а то бы я рассчитался с тобой за все!» Тем временем Венька и Генка стали рыскать по траве и искать меня среди цветов. Но я не растерялся. Я, как только упал на землю, сразу же сложил крылья вместе и сделал вид, что я не бабочка, а сухой березовый листик. Ребята топтались рядом со мной, один из них даже отшвырнул меня носком ботинка. Подождав, когда они повернутся ко мне спиной, я подпрыгнул на крыльях и взлетел.

— Вот он! — заорали истребители непарных шелкопрядов, но было уже поздно.

Я уже взмыл высоко в воздух и совершенно неожиданно оказался рядом с Малининым.

— Я тебе кричу: «Улетай!» — завопил на меня перепуганный Костя, — а ты в цветок лезешь!

— Так ведь они кричали: «Дави шелкопряда!» — а ты сказал, что я капуста!

— Больно эти оболтусы в бабочках разбираются! — сказал Костя, опускаясь на электрические часы, висевшие на столбе над клумбой.

Я посмотрел, который час, и почесал лапкой затылок. На часах было уже ровно двенадцать, а наша жизнь опять шла совсем не так, как ее расписывал Костя Малинин. Есть хотелось все больше и больше, а Венька с Генкой так и не отходили от клумбы. Они подмигивали мне, махали руками, кивали головой и терпеливо ждали, когда я снова спущусь на клумбу. Как же, нашли дурака! Я думал, что им все-таки надоест ждать и они уйдут, и тогда уж мы с Костей наедемся нектара, но эти лоботрясы стали опять свистеть, размахивать кепками и называть меня всякими обидными именами и прозвищами.

— От вредителей слышу! — крикнул я, разозлив-

шись.— Зинка Фокина вас в саду на воскресник ждет, а вы здесь с бабочками прохладжаетесь!

После этого Генка запустил в нас кепкой, а Венька полез на столб и сорвался.

— Здесь не позавтракаешь! — сказал Костя так, словно он знал, о чем я в эту минуту думаю.

СОВЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Прощайте, ребята!

Может, больше не увидимся...

— Знаешь что, — сказал я Косте, — давай лучше слетаем на какой-нибудь огород. Там сейчас хорошо, все поспело: и репа, и морковь, и капуста! И цветы там есть. И народу не так много.

— Эх ты, капустник ты несчастный, — сказал Костя. — Да с тобой сейчас нельзя лететь ни на какой огород.

— Это почему это?

— Потому что сейчас на всех огородах таких вредителей, как ты, травят.

— Чем травят?

— Чем? Разными химическими ядами...

После таких слов у меня просто крылья опустились и перед глазами поплыли какие-то разноцветные круги.

— Что же это получается? — возмутился я. — На улице, того и гляди, крылья оборвут, в огороде травят, в небе воробьи клюют... Для чего же мы превращались в бабочек? Чтобы с голоду подохнуть?

— Ладно, Баранкин, — сказал Костя, — не расстраивайся. Угощу я тебя нектаром! Полетели!

— Куда полетели?

— В школьный сад!

— Там же ребята деревья сажают!

— Вот и хорошо! Мы там и нектара в цветнике наедемся, и заодно с нашими ребятами увидимся...

Костя Малинин сказал это так, словно он очень соскучился по нашему классу.

— В школу так в школу! — сказал я. — И ребята знакомые! Может, не тронут...

Мне, правда, и самому тоже почему-то захотелось увидеться с ребятами. Я даже не знаю почему. И, хотя в эту минуту мне вообще-то больше всего на свете хотелось есть, мне вдруг гораздо больше захотелось просто пролететь мимо нашей школы, мимо родного класса,

с которым у меня было связано столько замечательных воспоминаний!.. Кто сказал «замечательных»? Кто сказал «мимо родного класса»? Неужели это сказал я, Баранкин? Что это со мной происходит? Я, кажется, начинаю уже сходить с ума от этого голода. Чтобы прийти в себя, я взял и встряхнулся, как собака после купания.

И правильно сделал, потому что после встряхивания мои жалобные мысли, как брызги, разлетелись в разные стороны и мне сразу же стало легче. И теперь я мог думать о встрече мужественно, без всяких переживаний, не то что Костя Малинин. У него, как только он заговорил о ребятах, глаза сделались какие-то большие-пребольшие и, по-моему, даже мокрые-премокрые.

— Там и позавтракаем,— сказал грустно Костя Малинин.

— И пообедаем, и поужинаем,— сказал я бодрым голосом, чувствуя, что одного завтрака мне будет мало.

Спорхнув с часов, мы наперегонки полетели к школьному саду. Первый раз в жизни мы мчались в школу с Костей Малининым с такой скоростью, с какой обычно спешили из школы домой. Я, конечно, был уверен, что прилечу в сад первым. Каково же было мое удивление, когда я сразу же отстал от Малинина на три дома. Я сначала даже не поверил своим глазам. У нас в классе Костя считался самым слабосильным парнем, а со мной на уроках физкультуры даже никто не пытался тягаться. Уж по физкультуре у меня в дневнике всегда была пятерка. Только моя мать почему-то никогда не считала эту пятерку настоящей. Я решил поднажать и замахал своими желтыми треугольниками как сумасшедший, но и это не помогло ни капельки. На своих расфуфыренных крыльях Костя-махаон на этот раз летел, как по линейке, рассекая крыльями воздух и поднимая вокруг себя какой-то художественный свист, а я все время, как и раньше, проваливался в те же воздушные ямы, шатался из стороны в сторону, кувыркался и беззвучно падал то на одно крыло, то на другое.

Заметив, что я отстал, Костя Малинин, к моему стыду, вернулся обратно и сказал мне, Баранкину, первому силачу в классе, слова, которые я не забуду никогда в жизни: «Эй ты, капуста! Ты не можешь лететь побыстрее? Что ты все время отстаешь?» Сказав это, он

назло мне опять легко обогнал меня, потом опять вернулся, опять обогнал, крикнул: «Баранкин! Ты что лежишь, как пирог с капустой? Жми на все педали! Нектар близко!» Этих слов я Малинину тоже никогда не забуду.

Когда он, загребая своими крыльями, как веслами, еще раз пролетел, торжествуя, надо мной, я взял и схватил его за задние лапы и таким образом прицепился к Малинину на буксир. Убедившись, что я больше от него не отстаю, Костя перестал осыпать меня всякими ядовитыми словечками, и как ни пробовал от меня оторваться, теперь у него из этого ничего не получалось.

— Что-то тяжело лететь стало! — сказал Костя. — Выдох — вдох-ох-ох-ох!

— А по-моему, лететь стало гораздо легче! — сказал я и подумал про себя: «Пусть Костя поработает за двоих, раз у него такие крылья. Я же таскал его на своем хвосте, когда был воробьем, теперь могу и отдохнуть немного».

Сложив крылья, я скользил по воздуху вслед за Малининым, наслаждаясь художественным свистом Костиных крыльев и для вида изредка помахивая своими равнобедренными треугольниками. Так, на буксире, Костя доставил меня до самой школы, до того места, где в саду наш класс сажал деревья.

— Тормози! — крикнул я Косте, когда он, пыхтя, перетянул меня через верхушку дерева и потащил мимо ограды к кирпичному зданию нашей школы.

Опустившись на один из подоконников на высоте третьего этажа, мы подползли к самому краю и посмотрели вниз. В саду кипела работа. Одни ребята, весело переговариваясь, копали ямки, другие бережно опускали в землю саженцы и поливали их из леек водой. Костя Сергеев нарочно перемазался весь землей и строил всякие рожи. И все смеялись. Все были довольны! И всем было хорошо!

— Ну и пусть работают! — сказал Костя. — Они работают, а мы будем есть нектар. Если бы они узнали, что мы сейчас будем есть настоящий нектар, они бы нам наверняка позавидовали...

— Кому это — нам? — спросил я.

— Нам, бабочкам... — сказал Костя Малинин неуверенным голосом.

Я вспомнил «спящую красавицу», которую склевал

бесхвостый воробей, прислушался к урчанию в своем голодном желудке, посмотрел с ненавистью на воробьев, шныряющих в школьном саду, и сказал:

— Да уж, конечно. Они бы нам позавидовали... — Я сказал это без всякого энтузиазма, отвернулся от ребят и увидел, как в школьные ворота влетели на велосипеде Мишка Яковлев и Алик Новиков (он сидел на багажнике).

Что-то громко крича, они подкатили прямо к Зинке Фокиной и, соскочив на землю, стали о чем-то рассказывать ей и окружившим ее ребятам. В саду наступила тишина. Никто внизу больше не смеялся, не шутил, а Костя Сергеев даже вытер платком с лица землю и перестал кривляться.

— Что-нибудь случилось, — сказал Костя.

Я помрачнел. Мишка и Алик, поговорив со старостой нашего класса, снова сели на велосипед и укатили. Зинка Фокина посмотрела из-под руки им вслед, затем подозвала к себе еще троих наших ребят, отобрала у них лопаты и дала какое-то задание.

Ребята выбежали на улицу и разошлись в разные стороны.

— Ищут кого-то... — сказал Малинин.

— Не кого-то, а нас с тобой! — сказал я Косте.

— Ну и пусть! — сказал Костя. — Они будут искать, а мы будем есть нектар. Полетели!

Я промолчал. Есть, конечно, хотелось все сильнее и сильнее, и нектар был близок... Но воробьи тоже были совсем рядом, и их чириканье совершенно отбивало у меня всякий аппетит.

«Как бы они нас все-таки не склевали с Костей...» — подумал я, глядя на воробьев, шныряющих среди клумб с цветами. Подумал я об одном, а сказал, конечно, совсем другое.

— Летим! — сказал я громко и решительно и добавил тихо про себя: «Прощайте, ребята! Если нас с Костей склюют воробьи, то мы, наверное, больше никогда не увидимся!...»

Нацелившись на клумбу с цветами, я распустил крылья и прыгнул ласточкой с подоконника вниз, словно с купальной вышки в холодную воду...

Противочихательная прививка

В воздухе от цветов опять запахло вкусным нектаром, словно в кухне от маминого печенья. У меня потекли слюнки и опять закружилась голова. Я сложил крылья, нацелился в середину самого большого цветка и нырнул в него вниз головой, но промахнулся (неудивительно!) и воткнулся в траву по самые пятки своих задних лап. Пришлось выбираться из травы и начинать все сначала.

На этот раз я забрался на цветок по стеблю и запустил хоботок в самую середину цветка, туда, где, по моим расчетам, должен был находиться нектар. Однако долгожданного нектара в цветке не оказалось. Запах нектара был, а самого нектара не было. Пахло хорошо, точь-в-точь как в мамином пустом флакончике из-под духов, а поживиться было нечем. Тогда я взял и забрался в цветок прямо с головой, так что у меня наружу только одни крылья и ноги торчали, стал шарить в темноте хоботком по стенкам, но в это время из цветка кто-то полез мне навстречу.

Я решил, что это какая-нибудь посторонняя бабочка успела раньше меня забраться в цветок и слопать весь нектар. От одной этой мысли меня прямо зло разобрало. Ты из-за этого нектара, можно сказать, жизнью рискуешь, а у тебя его из-под самого носа слизывают. Я взял и боднул бабочку головой. Бабочка угрожающе загудела и боднула меня, затем она уперлась своей головой в мою голову и выдавила меня из цветка наружу, как зубную пасту из тюбика. Я со злости ударил крыльями по тычинкам с такой силой, что цветочная пыльца поднялась столбом и окутала меня, словно облаком. Я от этой пыли чуть не задохнулся.

— Ладно, бабочка,— сказал я, разгоняя крыльями пыльцу,— только появишься на свет, я тебе все лапы... А-а-п-чхи!!! Я тебе покажу, как чужой нектар... А-а-п-чхи!..

Пока я чихал, смотрю — из цветка вылезает... только, не бабочка, а пчела, самая настоящая пчела, вся полосатая, словно она в пижаме. Вылезла это она из цветка и уставилась на меня своими буркалами. Она на меня смотрит, а я сижу на краю цветка и чихаю на нее и, главное, удержаться никак не могу. А пчела, видно, так

растерялась, что даже гудеть перестала. Я чихаю, а она лапой утирается, я чихаю, а она утирается и молчит. Раз десять я, наверное, на пчелу чихнул, не меньше, а потом опомнился и даже в ужас пришел. «Баранкин, — сказал я сам себе, — на кого ты чихаешь, Баранкин? Ты на пчелу чихаешь, несчастный капустник... Вот она сейчас тебе... апчхи!.. как сделает противочихательную прививку, тогда ты будешь знать... как чихать на пчел!.. Тебя ведь, когда ты был человеком, кусали один раз пчелы, так что ты... апчхи!.. знаешь, чем это пахнет!..»

«Знаю!» — ответил я сам себе и, как сидел на краю цветка, так и повалился навзничь в траву. Перевернувшись несколько раз через голову и смотав поскорее свой пустой хоботок, я выровнял над самой травой полет и стал улепетывать от пчелы в кусты, подальше от цветочных клумб, через дорожку, за деревья, туда, где среди стволов мелькало что-то пестрое, похожее на крылья Кости Малинина.

Я думал, что Малинин позорно бросил меня одного посреди клумбы: оказывается, его в кусты тоже загнала пчела, она и сейчас все еще металась за ним и что-то грозно гудела на своем пчелином языке.

«Так ему и надо! — подумал я, наблюдая, как пчела усердно гоняется за Костей. — Жалко, что пчела только одна. Я бы сейчас сам напустил на Малинина еще штук сто пчел, чтобы он в следующий раз не болтал языком и не вводил никого в заблуждение. «Будем порхать с цветка на цветок!.. Во весь дух! Крылом мах! Словно пух-ух-ух! Нектара наедемся!..» Вот и пусть сейчас его пчела угостит таким «нектаром», чтоб ему в другой раз не захотелось больше превращаться в бабочку... Апчхи!»

— Спасите! — закричал в это время Малинин. — Баранкин! Где ты? Ой, мама!

Мне хотелось, чтобы пчела подольше погонялась за Костей и как следует его проучила, но, когда он закричал, да еще таким жалобным голосом, мне его даже жалко стало. И потом я вспомнил, что Малинин не человек, а бабочка. Его пчела ужалит, а он возьмет и заболеет или, того хуже, умрет от пчелиного яда. Что я с ним тогда буду делать!.. Я ведь не знаю, как бабочки переносят укусы пчел, а может быть, они их вообще не переносят...

Схватив в лапы легонький сучок, я подлетел к пчеле

сзади и изо всех сил ударил ее по голове. Оглушенная ударом, пчела свалилась в кусты, а у меня от голода потемнело в глазах, и я, кренясь на один бок, стал падать в траву...

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

...Но в действие вступает ужасный закон природы

Когда я открыл глаза, я увидел, что лежу на берегу большой лужи, а возле меня сидит мой лучший друг Малинин и обмахивает меня своими расписными крыльями.

Вообще-то я не знаю, для чего это я открыл глаза. Мне открывать их совсем не хотелось. И ухоть мне больше тоже не хотелось. И охоть не хотелось. И ахоть не хотелось. И желание визжать от радости тоже пропало. А с чего тут визжать-то? В носу все время эта проклятая пыльца свербит... Ап-чхи!.. И в животе совершенно куда-то исчезло это ощущение, что ты умираешь от радости... Ап-чхи!.. То есть ощущение, что ты умираешь от чего-то, осталось, только вот от чего?.. Наверное, от голода... Все куда-то исчезло. Только одно замирание духа осталось. Дух у меня все время продолжал замирать. И замирал он почему-то все больше и больше. Вот сейчас замрет совсем... и все... Ап-чхи!.. Даже чихать и то сил нет...

— Ты чего лежишь, Баранкин? — спросил меня Костя.

— Захотелось полежать, вот и лежу, — сказал я. — Ап-чхи!..

Да что такое, никак не могу прочихаться.

— Простыл, что ли? — спросил Малинин.

— Не простыл, — сказал я, — а наухахохался...

Малинин как-то печально-печально покачал головой, сделал выдох — вдох-ох-ох и сказал:

— А знаешь, где еще можно поестъ нектар?

— Иди ты со своим нектаром знаешь куда... Ап-чхи!.. — Я смерил Малинина презрительным взглядом с ног до головы и чуть не расхохотался.

Он сидел на берегу лужи, весь перемазанный цветочной пылью, одно крыло у него торчало торчком, а другое повисло, как ухо у собаки. И вид у него был такой несчастный-пренесчастный, что мне его опять стало ужасно жалко, но на этот раз я взял себя в руки.

Собрав последние силы, я пополз молча к луже и стал с наслаждением пить из нее обыкновенную дождевую воду. Малинин попробовал еще раз заговорить со мной, но я теперь на все его вопросы отвечал презрительным молчанием. Я решил с ним вообще больше никогда в жизни не разговаривать.

Я демонстративно пил из лужи сырую воду (это вместо обещанного нектара!) и размышлял. Неужели я все-таки ошибся? Да нет, не может же быть, чтобы на земле не было такой жизни, о которой я мечтал там, на лавочке во дворе. Есть такая жизнь, и я ее во что бы то ни стало найду! Просто мы с Малининым Костей, очевидно, не там ее искали. Конечно, наше превращение в бабочек и воробьев было ошибкой. Теперь-то уж это было совершенно ясно. Их жизнь выглядела только со стороны прекрасной, а на самом деле она оказалась просто невыносимой. Но почему? Я молча пил воду, думал, думал и решил, что такой жизни, о которой мы мечтали с Костей, наверное, вообще на земле нет...

В это время мимо меня пробежал по берегу лужи муравей. Муравей то бежал, то останавливался, а я смотрел на него и продолжал мучительно думать: «...Если такой жизни нет на земле, то, может быть, он есть Т А М, под землей, и если от всяких хлопот и забот нельзя улететь, так, может, от них можно просто взять и спрятаться, взять и скрыться от них, предположим, в том же муравейнике...»

Я проводил взглядом муравья и с сомнением покачал головой. Спрятаться в муравейнике, конечно, можно, а как быть с муравьями? Они же, можно сказать, знаменитые работяги. Сколько я ни наблюдал за ними, никогда я не видел, чтобы муравьи просто сидели бы на месте и ничего не делали. Все время они или куда-то бегут, или откуда-то возвращаются и всегда с собой тащат или какой-нибудь листик, или комочек земли, или хвойную иголку... И на муравейник как ни посмотришь, все время они его ремонтируют, с утра до вечера...

Вот так превратишься в муравьев, а они возьмут и заставят вместе с ними пыхтеть на строительстве... Нет уж, если и рискнуть еще раз, то превратиться в кого-нибудь другого, только не в муравья!.. А в кого? В кого же все-таки нужно превратиться так, чтобы опять не влопаться в эти ужасные перепалки и передраги, из

которых мы с Костей еле ноги унесли? В кого же надо превратиться? В кого?..

И тут я вдруг неожиданно вспомнил, как в тот злополучный день на общем собрании Алик Новиков почему-то обозвал нас трутнями! Тру-тня-ми! Минуточку! Минуточку! А что такое трутни? А трутни — это, между прочим, и есть такие существа, которые ведут такую жизнь, о которой мы мечтали с Костей на лавочке! И не «кажется», а абсолютно точно! Совершенно даже определенно! Поэтому они и называются тру-тня-ми! А если все это так, тогда почему же мы превращались в воробьев и в бабочек? Вот дураки! Какие же мы с Костей были беспросветные дураки!

— Малинин! — закричал я (когда я понял нашу ошибку, я, конечно, сразу же перестал сердиться на Костю и решил тотчас же поделиться с ним своим открытием). — Малинин! — закричал я. — Ох и дураки мы с тобой, Малинин!

— Конечно, дураки! — согласился со мной охотно Малинин. — Особенно ты, Баранкин!..

— Да я-то, я просто круглый идиот, Малинин! И как это мне сразу в голову не пришло!.. Сколько зря времени потеряли!

— Вот именно! — отозвался Костя.

— И зачем нам надо было превращаться с тобой в воробьев и бабочек?

— Вот я тебя и хочу об этом спросить, Баранкин! — сказал Малинин. — Зачем нам надо было с тобой превращаться в бабочек и воробьев?

— Когда нам надо было сразу же превратиться в трутней!

— Как — в трутней? Почему — в трутней? — закричал Костя Малинин испуганным голосом.

— Потому — в трутней, что трутни потому и называются трутнями, что они в жизни ничего не делают или делают только то, что им захочется! А мы с тобой на лавочке как раз об этом и мечтали!

— Знаешь, Баранкин! — сказал Малинин каким-то противным голосом. — Я из-за тебя уже столько истратил сил на то, чтобы ничего не делать, что уж лучше бы я все время что-нибудь делал!

— Малинин! — закричал я. — Но ведь я тоже не меньше твоего на это сил потратил! А теперь мы превратимся в трутней и от всего этого и отдохнем!

— Как — превратимся! — завопил Малинин. — Опять превратимся?.. Ну знаешь, Баранкин! Хватит с меня, Баранкин! Я и так за эти два раза напревращался по горло!

— Костенька! Так ведь те же два раза не в счет! Раз не в того, в кого надо, превращались, значит, не считается ведь!

— Почему это — не считается?

— Потому что надо же нам в конце концов превратиться в того, в кого надо было превратиться... А превратиться-то нам надо было в трутней!..

— Да в каких трутней?.. — спросил Костя вдруг каким-то спокойным и даже безразличным тоном.

— Ну что ты? — сказал я. — Что ты, не знаешь, что ли, какие бывают из себя трутни?

— Не знаю я, какие из себя бывают трутни, — ответил Малинин, почему-то потягиваясь и зевая.

— Ну что ты, Костя, — сказал я растерянно, — ты должен знать, какие бывают они из себя...

— Почему это я должен?.. А ты сам-то, Баранкин, знаешь?..

Я хотел по инерции закричать, что я, конечно, знаю, какие трутни бывают из себя, но поперхнулся и ничего не сказал, потому что, честно говоря, я... я не имел ни малейшего представления о том, как выглядят эти самые изумительные трутни, в которых нам давно бы следовало превратиться с Костей Малининым! Вместо этого я произнес совсем другое.

— Ну что ты, Малинин, — сказал я, — помнишь, нам Нина Николаевна рассказывала про трутней и рисунки показывала...

— Не помню, — сказал Малинин, — и ты не можешь помнить...

— Это почему?

— Потому что на этом уроке мы с тобой вместе изобретали новый язык...

Это правда, на том уроке мы с Костей действительно оба не слушали Нину Николаевну: в это время мы изобретали новый язык. Задача была трудная, нужно было изобрести такой язык, который на всем земном шаре понимали бы только два человека — я и Костя Малинин. Ясно, что нам было не до Нины Николаевны и не до трутней...

— Подожди, Малинин, — сказал я, — но ты же иногда посматривал на доску?

— Ну и что?

— Так, может, ты хоть случайно запомнил, как выглядят эти трутни?..

— Ничего я не запомнил,— сказал Малинин, снова потягиваясь и зевая.

— А ты, может, мне это нарочно говоришь, чтоб не превращаться в трутней?

— Да честное слово!!!

Это был ужасный удар. Ни я, ни Малинин не имели ни малейшего представления о том, как выглядят трутни, в которых нам следовало превратиться...

Это что же получается? Значит, перепревращение отменяется?! Значит, перепревращение не состоится?! А как же ОНО может состояться, Баранкин, если ты не представляешь, как выглядит ТО, во ЧТО ты должен перевоплотиться! И зачем только я на том уроке занимался посторонним делом! Эх, Баранкин, Баранкин! Нину Николаевну надо было слушать, а не новый язык изобретать!

— Тру... тру... тру...— вдруг ни с того ни с сего забормотал Малинин себе под нос.— Вспомнил, вспомнил... Пчелки такие маленькие... с кры... с кры... с кры...

С этими словами Малинин как-то странно закачался и стал валиться на бок.

— С кры... с кры... с кры... с крыльями! — подхватил я.— Правильно, Малинин!..

Вспомнил! Теперь и я тоже вспомнил рисунок трутней, что висел на доске в нашем классе... Это были пчелы, такие маленькие пчелы нашего, мужского, как говорится, рода с небольшими прозрачными крылышками...

Все!!! Вот теперь наконец-то мы отдохнем с Костей по-настоящему, как полагается! Отдохнем от всего на свете. Все надежды, весь мой энтузиазм и даже впустую растраченные силы — все, все вернулось ко мне!

— Вставай, Малинин! — закричал я на Костю.— Нечего тебе тут разлеживаться! Работать надо! — сказал я, подразумевая под словом «работать» то самое единственно необходимое, единственно правильное, единственно недурное превращение в трутней, которое предстояло нам сейчас совершить.— Вставай же, Малинин! — завопил я не своим голосом, весь дрожа от нетерпения и желания пополнить Костиной и моей персоной ряды трутней на земле.

Однако мои радостные крики почему-то не произвели на Костю никакого впечатления.

Малинин, все еще продолжая лежать на боку, что-то забормотал мне в ответ, но я не понял ни одного слова.

— Что ты говоришь? — спросил я его.

— Хр-ры... — сказал Костя.

— Костя, да что с тобой? — закричал я на Малинина изо всех сил и стал трясти его за лапку. — Ты что?.. Ты притворяешься, что спишь, что ли? Значит, не хочешь все-таки превращаться в трутней! Ну и черт с тобой! Я и один могу!

— Хр-ры! — отозвался Малинин и тут же начал чуть слышно бормотать такую чепуху, что я сразу понял: Костя не притворяется, он спит!

Костя Малинин спит! Он уснул. Вспомнил про трутней и уснул в последний момент! Уснул в такую минуту! Перед таким превращением! Уснул по всем ужасным правилам и законам природы, по которым осенью засыпают все настоящие бабочки... Уснул и даже не предупредил меня, а еще говорил, что этот «закон» на нас, на человекообразных бабочек, не распространяется, а сам взял и уснул, как та самая «спящая красавица», которую склевал воробей... Хорошо, что поблизости нет воробьев... Нет! Пока нет, а долго ли им появиться? Надо будить Костю Малинина, скорей будить... Будить, пока не поздно, пока не появились проклятые воробьи!

Я теребил Костю за лапы, я толкал его в бок, я дергал его за крылья, но все было напрасно — Костя Малинин не просыпался. Мне стало не по себе.

— Костя! — заорал я. — Проснись сейчас же! Слышишь? Или мы с тобой на всю жизнь поссоримся!

— Хр-р-ры... — сказал Костя Малинин.

«Если он заснул как человек, то я его, конечно, разбужу, — подумал я, — а если он заснул, как бабочка, до самой весны, да еще по расписанию, то я... то я!.. его все равно разбужу! Я должен его разбудить во что бы то ни стало! Надо ему... Что ему надо?.. Нет, надо его!.. Что его надо?.. Знаю!.. Надо его облить водой!..»

Я слетел с камушка к луже и стал набирать через хоботок воду и тут услышал приближающиеся из-за кустов голоса ребят из нашего класса...

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ

Такая бабочка, как я, у них в коллекции есть

— Несправедливо! — сказал Костя Семенов, появляясь из-за куста. — Мы здесь все работаем, а Баранкин с Малининым где-нибудь в кино сидят...

Все зашумели, а я подумал про себя: «Вам бы такую картину показать, какую мы с Костей видели!..»

— Правильно говорит Семенов! — сказала Вера Большова. — Если работать, так всем, а не работать, так тоже всем...

— Баранкин с Малининым сбежали, а Смирнов и Пенкин вообще не явились! — сказал Семенов.

«Вот еще не вовремя приперлись сюда, — подумал я, прячась за кустик травы. — Интересно, долго они собираются здесь торчать или нет?..»

— Да выгнать этого Баранкина из школы, и все! — закричала Эрка не своим голосом. — Хватит с ним нянчиться!..

— Куда его выгнать? — сказала Фокина. — На улицу, что ли?

— Почему — на улицу? — ответила Кузякина. — Перевести в триста пятнадцатую школу...

— А почему в триста пятнадцатую? — спросил Костя Семенов.

— Потому что мы с этой школой соревнуемся... Вот и пусть Баранкин там получает двойки! Нам это будет даже выгодно!..

— Значит, ты, Эра, предлагаешь перевести в другую школу Юрины двойки? — сказала Фокина. — А что с Баранкиным делать?

— Ладно, вы тут разбирайтесь, а мы пошли газировку пить! — сказал Костя Семенов.

— Надоело про этого Баранкина слушать, — добавил Валя Череваткин. — Пошли.

— Юннатов прошу остаться! — сказала Зинка Фокина.

Ребята ушли, а девочки расселись на полянке вокруг Зинки Фокиной, хихикая и о чем-то переговариваясь между собой.

— Тише, девочки! — сказала Фокина, раскрывая толстую книгу. — Не отвлекайтесь, пожалуйста! Темой нашего сегодняшнего занятия являются...

— Бабочки! Бабочки! — заверещали девчонки все вместе, размахивая сачками.

— Правильно! Бабочки! — подтвердила Зинка и стала листать книгу.

Бабочки? Это что значит? Это значит... Я и Костя — тема сегодняшнего занятия... Ну, знаете! Я чуть было не поперхнулся той самой водой, которой собрался опрыскивать Костю Малинина. Вот тебе раз!.. Теперь мне понятно, зачем эти юннатишки-лунатишки с собой сачки притащили: чтобы ловить нас, бабочек. Пожалуй, в таких условиях будить Костю даже опасно... Я выпустил из хоботка воду. Проснется еще, крыльями как замахаает спросонок, а девчонки его тут цап-царап... Что же с ним делать? Вот задача! Спрятать его, что ли?.. Вон клочок газеты. Взять и прикрыть его бумагой, чтоб никто не видел... Я вцепился в клочок газеты и стал тащить его в сторону Кости Малинина.

Зинка Фокина поправила очки, откашлялась и стала читать ужасно противным голосом:

— «Бабочки — одно из интереснейших явлений в мире насекомых...»

Я остановился на минуту, чтобы передохнуть, и с новыми силами поволок обрывок газеты через дорожку (самое опасное место! Как бы не заметили!). Перетащив бумагу через дорожку, я залез в траву и оглянулся. Все было как будто бы в порядке. Костя Малинин продолжал как ни в чем не бывало храпеть во сне. Девчонки сидели смирно. Фокина продолжала бубнить:

— «...Большое значение бабочки имеют и для хозяйственной деятельности человека...»

— Ой, Зиночка! Бабочка! Бабочка! — закричала вдруг одна из юннатов нечеловеческим голосом.

Я повернулся на голос и замер.

— Где? Где бабочка? Какая бабочка? — загалдели сразу все девчонки.

— Да вот же! Возле лужицы в траве! Неужели вы не видите?!

Зинка Фокина закрыла книгу, впилась в траву глазами и насторожилась, как собака-ищейка. Я от ужаса просто вспотел.

«Все пропало! — мелькнуло у меня в голове. — Кого-то из нас заметили! Но кого? Меня или Костю?.. Только бы не Костю, только бы не Костю!..»

Наступила тишина. Я стоял как дурак возле клочка

газеты, утирая лапой пот со лба, и глядел на девчонок. Мне казалось, что они все смотрели на Костю Малинина, а я стоял как дурак и смотрел на них (а что я еще мог делать?).

— Так,— сказала Фокина, поправляя очки и глядя куда-то в мою сторону,— капустница из семейства белянок. Не обращайтесь внимания, девочки! Такая бабочка у нас в коллекции есть!..— Она снова уткнула свой нос в книгу, а я от радости даже разозлился.

«У них в коллекции есть такая бабочка, как я!.. Как же!.. Держите карман шире! Юннатики-лунатики!»

Я сделал лапой «нос» девчонкам, которые после слов Фокиной сразу же потеряли ко мне всякий интерес. Впрочем, теперь мне это было на руку, теперь я мог, не привлекая к себе внимания, в два счета загородить Костю клочком газеты от глаз девчонок.

На счет «раз» я подтащил бумажный клочок к Косте, на счет «два» я стал поднимать клочок на ребро. Но взявшийся неизвестно откуда ветер вырвал бумагу из моих лап и понес над травой.

— Ой, Зиночка! — снова заверещала одна из юннатов, как будто ее змея ужалила.— Вы только посмотрите, какая бабочка! По-моему, у нас такой в коллекции нет!

— Девочки! Вы перестанете отвлекаться? — сказала Фокина недовольным голосом. Она отвела свой взгляд от книги и так и застыла с вытаращенными глазами.— Что такое?..— зашептала она испуганно.— Не может быть! Ой, девочки! Я, наверное, сплю! Ущипните меня!.. Ой, девочки! Да ведь это же ма-ха-он! Самый настоящий Мааков махаон из Уссурийского края... Как же он здесь очутился? Махаон в нашем городе? Вот чудеса! Поразительное явление! Целое открытие! Тема для научного доклада!

Бормоча эти слова, Фокина успела тихонечко взять у одной из девчонок сачок, подняться, сделать шаг вперед и застыть на одной ноге.

Итак, случилось то, чего я боялся больше всего на свете: кружок юннатов во главе с Зинкой Фокиной обнаружил спящего махаона, то есть не махаона, а спящего Костю Малинина, и сейчас моему лучшему другу грозила, быть может, самая смертельная опасность из всех опасностей, каким мы подвергались с ним все э-т-о в-р-е-м-я...

— Девочки! — скомандовала шепотом Фокина остол-

беневающим юннаткам.— Окружайте, только тихо... Чур, ловить буду я сама!..

Молча, с сачками на изготовку, девчонки стали окружать спящего Малинина, того самого Костю Малинина, которого они, по своему неведению, считали Мааковым махаоном, чудом залетевшим в наш город из далекого Уссурийского края!..

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ

*В морилку, потом в сушилку...
и в распрямилку...*

— Сейчас мы его поймаем! — прошипела шепотом Фокина, качаясь на одной ноге и боясь спугнуть Костю.— Поймаем — и в морилку, потом в сушилку, потом в распрямилку...

— Хр-р-ы... — донесся до меня голос сладко спящего Малинина...

Костя спал и даже не предполагал, какую страшную гибель готовила ему староста нашего класса Зинка Фокина. Нельзя было терять ни одной минуты.

Тем более что вернувшиеся с улицы ребята тут же присоединились к Зинке Фокиной и тоже выразили самое горячее желание поймать Костю Малинина, то есть махаона, и посадить его в морилку. (Вот лоботрясы несчастные! Что угодно согласятся делать, лишь бы не работать!)

Появившиеся на участке Венька Смирнов и Генка Коромыслов тоже решили принять участие в этом ужасном деле. Венька растолкал девчонок, взглянул на Костю Малинина и заорал: «Да мы же этого типа с Генкой недавно на улице ловили!..»

Зинка Фокина, вместо того чтобы сделать Смирнову и Коромыслову выговор за опоздание на воскресник, только зашипела на Веньку, а девчата, воспользовавшись суматохой, оттеснили всех ребят в кусты и стали осторожно сжимать вокруг Малинина Кости смертельный круг.

Что же делать? Что делать?

Я выпорхнул из травы, налетел на Зинку Фокину и стал виться вокруг ее правого уха и умолять ее, чтобы она оставила в покое Костю Малинина.

— Зиночка! — кричал я.— Остановись! Это же не

бабочка! Это человек в виде бабочки! Не махаон это! Это Малинин!

Но Зинка Фокина отмахнулась от меня, как от надоедливой мухи.

— Девочки! Да что же вы делаете! — кричал я из всех сил.

Но они все словно оглохли и ослепли: они меня не видели и не слышали, словно я и вообще не существовал на свете.

Страшное кольцо продолжало сжиматься вокруг Кости Малинина все тесней и тесней.

Я заметался, потом взлетел вверх; оставалось только одно: сбить спящего Малинина с камня — взять его на таран! Быть может, он хоть от удара проснется. Сложив крылья, я ринулся вниз, скользнул над травой и что есть силы ударил Костю головой в бок. От сильного удара в голове у меня все помутилось и перед глазами поплыла радуга, а Костя сорвался с камня, подпрыгнул, подлетел, проснулся в воздухе и как очумелый закрутил глазами.

— Костя! Делай свечку! Свечку делай! — заорал я не своим голосом.

— Какую свечку? — сказал ничего не соображающий Костя Малинин, протирая заспанные глаза.

Тогда я схватил его за лапу и потащил за собой в небо круто вверх. И откуда у меня только сила взялась? В одну секунду я поднял Костю Малинина, как на лифте, выше кустов.

Внизу, где-то там, под нами, раздался дикий визг.

— Это что, большая перемена? — спросил меня Костя одуревшим от сна голосом и закрыл глаза.

— Какая еще перемена? — сказал я и наподдал Косте сзади лапой, чтобы он хоть немного пришел в себя. В глазах у меня все еще продолжало сиять какое-то северное сияние. — Ты что, еще не проснулся, что ли?

— Сейчас, сейчас! — сказал Малинин. — Сейчас я наемся нектара и сяду за геометрию... А этому Мишке надо крылья оборвать...

— Какому Мишке?

— Яковлеву... из семейства отличников. Чтобы он не соглашался другой раз заниматься с нами в воскресенье...

Малинин хотел сказать что-то еще, но вдруг перестал махать крыльями, громко захрапел и начал валиться в кусты, в самую гущину листьев.

— Костя! Не засыпай! Пропадешь! — рывкнул я и стал валиться вслед за своим другом в кусты сирени, цепляясь на лету крыльями за сучки и листья.

От удара о ветку Костя опять проснулся. По ветке взад-вперед ползали муравьи; они мельтешили у меня под ногами, и мне пришлось двум из них дать хорошего пинка, чтобы они не путались не в свое дело в такой, можно сказать, критический момент.

— Сейчас же превращайся из бабочки в трутня, слышишь? — сказал я Косте, разгоняя муравьев.

— В какого трутня? Из какой бабочки? Ты что, Баранкин, свихнулся, что ли? — сказал Малинин и повалился на бок.

Вероятно, у спящего Малинина так все перепуталось в голове, что он уже ничего не соображал и вообще нес какую-то страшную ахинею. Тогда я его приподнял за крылья:

— Превращайся в трутня! Слышишь, Малинин?

— Как это может человек превратиться в трутня? Ты, Баранкин, фантазей... из семейства чело-ве-ков... то есть че-ло-ве-ков... то есть... я спать хочу, — сказал Малинин и повалился на другую сторону.

Было слышно, как по саду с криком и визгом продолжали рыскать девчонки. Если они заметят в кустах яркие крылья Кости-махаона, мы пропали.

— Ты превратишься в трутня или нет? Последний раз тебя спрашиваю! — Я снова поднял упавшего на бок Малинина, при этом я успел лягнуть задними лапами двух нахальных муравьев, которые намеревались заползти мне под самое брюхо.

— Ладно, Баранкин! — промычал Костя. — Если уж тебе так хочется... Только я сначала поплюю...

— Нет! Сначала ты превратишься в трутня, а потом будешь спать! Слушай мою команду! — Я схватил Костю за передние лапы и стал изо всех сил трясти его, приговаривая: — Повторяй за мной! Повторяй за мной!

Ни ночью, ни днем
Не хочу быть мотыльком!
Всех на свете лучше
Быть, конечно, трутнем!

— Вот он где спрятался! — взвизгнул недалеко гдлос Зинки Фокиной. — Я так и знала, что он далеко не улетит! Девочки! Окружайте куст!

«Все! Нас обнаружили! Мы пропали! — подумал я. — И Малинин опять заснул! И теперь я с ним уже ничего не смогу поделать!»

У меня при одной этой мысли опустились крылья, и я даже не стал распахивать муравьев, которые опять напозли с разных сторон.

«Пусть ползают,— произнес я мысленно,— теперь все равно...»

И вдруг именно в эту минуту раздался смех Кости Малинина.

Я с ужасом посмотрел в его сторону — уж не сошел ли он во сне с ума от всех этих переживаний — и вижу, как два муравья ползают возле его брюха и щекочут Костю своими усиками. Они его, значит, щекочут, а он, значит, смеется, тихо, правда, но смеется, спит и смеется. Вот балда, как же это я забыл, что Костя Малинин больше всего на свете щекотки боится. Я еще в лагере его сколько раз будил при помощи щекотки. Вот спасибо муравьям, что надоумили. И, не теряя больше ни секунды, я всеми четырьмя лапами сразу стал щекотать Костю под мышками.

Тихий смех Кости-махаона сразу же перешел в хохот, и он проснулся. Сразу же проснулся! И глаза открыл, и совершенно спать перестал.

Трясется весь, хохочет, заливается как сумасшедший, лапами за живот хватается и говорит, захлебываясь от смеха:

— Ой, Баранкин! Ха! Ха! Зачем ты меня щекочешь? Ха! Ха! Ха!

— Ха! Ха! Ха! — отвечаю я Малинину.

Меня тоже в эту минуту разобрал смех, во-первых, на нервной почве, во-вторых, очень уж я обрадовался, что Костя проснулся от этого ужасного сна и окончательно пришел в себя. Я от этой нервной радости даже на время забыл о той смертельной опасности, которая еще продолжала грозить Косте Малинину. А главное, хоть Костя и проснулся, я все равно продолжал его щекотать. Кто его знает! Перестанешь щекотать, он возьмет и опять заснет.

— Да ну вас! — сказал Костя Малинин мне и муравьям, отталкивая меня и муравьев от себя. — Расщекотались здесь! Ха-ха! А что это там за шум! Ха-ха-ха!

И здесь я снова с ужасом вспомнил о том, что грозит моему лучшему другу, и не только вспомнил, но и по-

нял, что, судя по голосам, Зинка с девчонками уже начали окружать наш куст.

— Малинин! — заорал я. — Сию же минуту сосредоточивайся и начинай превращаться в трутня!

— Почему — в трутня? В какого трутня? — спросил Костя, сладко потягиваясь.

— Потому что там Зинка Фокина с юннатками. Они тебя как махаона хотят запрятать в морилку! Потом в сушилку! Потом в распрямилку!

— Как — в морилку? Зачем в морилку?

— Для коллекции! — заорал я.

При слове «коллекция» с Малинина сон прямо как рукой сняло, и он, очевидно, сразу все, все, все вспомнил, понял все, все, все, понял и осознал весь ужас положения, в которое мы с ним попали. Еще бы! Что такое коллекция, Костя знал хорошо, ведь он сам был когда-то юннатом и у него у самого когда-то была такая коллекция, в которую так хотела сейчас упрятать его Зинка Фокина.

— Что же ты меня сразу не разбудил?

— Я еще тебя не разбудил?! Скажи спасибо мурашам. Это они меня надоумили... В общем, скорей повторяй за мной!

Я стал орать Малинину заклинание в самое ухо, а сам вижу, что он меня совсем не слышит, он, очевидно, при слове «коллекция» от ужаса обалдел и вообще перестал понимать, что я от него хочу.

Я ору изо всех сил:

Всех на свете лучше
Быть, конечно, трутнем!

А Малинин все молчит, потом вдруг как заорет:

Ой, мамочка!
Я не хочу быть бабочкой!
Хорошо быть мурашом!
Бабочкой нехорошо!

Я сначала даже не понял, что на этот раз мы с Малининым начинаем превращаться в совершенно различных насекомых и наши пути, как говорится, расходятся в разные стороны. Я хочу стать трутнем, а Малинин хочет связать свою жизнь с муравьями! Зачем он это делает? Неужели он не соображает, что там его ждет? Да нет, он сейчас, по-моему, вообще ничего не соображает. Он сейчас соображает только одно, что лучше быть

живым трудящимся муравьем, чем мертвой бабочкой.

Как вы думаете, мог я оставить Малинина одного в такой ситуации? Мог я сам стать долгожданным трутнем, а Малинину позволить превратиться в рабочего муравья? Конечно, не мог! Отвечаю за Малинина или не отвечаю? Отвечаю, и еще как отвечаю, головой своей отвечаю! Ведь это я его втравил в эту историю, а не он меня.

В эту минуту за кустами, в довершение всего, раздался прямо какой-то лошадиный топот, треск ломаемых сучьев. За листвой со всех сторон замелькали разноцветные сачки, несколько девчонок взгромоздились с сачками даже на дерево и тем самым отрезали нам с Костей последний путь к спасению.

Все! Мне ничего больше не оставалось делать, как набрать в легкие побольше воздуха и вложить все свои последние силы в заклинание, которое в горячке придумал этот псих Малинин.

Ой, мамочка!

Я не хочу быть бабочкой,—

затараторил я вслед за Костей Малининым.—

Я уверен, хорошо

Быть на свете мурашом!..

Ой, я был в этом не уверен, совсем не уверен! Малинин, что мы с тобой делаем? И зачем только мы с тобой превращаемся в муравьев?!

Это была последняя мысль, мелькнувшая в моей измученной бабочкиной голове, разрывавшейся от забот, тревог, ужаса и волнений...

Часть четвертая

КАРАУЛ! МИРМИКИ! ГИБЕЛЬ МАЛИНИНА

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ,

*неприятное для Зинки Фокиной
и спасительное для нас с Костей*

— Зиночка,— прошипела какая-то девчонка за кустом.— А если полетит капустница, что с ней делать?

Говоря о капустнице, девчонки, конечно, имели в виду меня, Баранкина. Поэтому для меня этот вопрос про-

звучал так: «Зиночка, а если полетит Юрка Баранкин, что с ним делать?»

— Тоже в морилку! — ответила Зинка Фокина. — Махаон у нас будет экспонатом, а на капустнице я буду учить вас работать с распрямилкой.

«Дождлся, Баранкин!» — подумал я про себя, прислушиваясь к звукам, долетавшим из-за куста. Судя по всему, там шли последние приготовления к штурму куста сирени: звякали флаконы, шуршали коробки для упаковывания бабочек, доносились страшные вопросы и еще более ужасные ответы.

— Зиночка, а если махаон (то есть Костя Малинин) попадет в сачок, можно его за крылья брать?

— Ни в коем случае! Нужно, чтобы у бабочки были непотертые крылья... Приготовьте морилки! Нина, у кого булавки для накалывания?..

— У меня.

— Приготовь булавки!

— Ой, я боюсь!

— Катя! Возьми булавки ты!.. Зоя, води наблюдение!..

— Я и так веду!

— Все готовы?

— Вссе! — зашипели девчонки, как змеи.

— Открыть морилки!

Морилки были открыты — в воздухе запахло табаком. Кто-то громко чихнул. Кто-то сказал: «Ой, я боюсь!» Одна девчонка обожглась о крапиву и заойкала. На нее все зашикали. Раздался треск осторожно раздвигаемых сучьев. Вопросы:

— Где они?

— Вон они!..

— Где? Не вижу! На нижней ветке, что ли?

— Да нет! Выше!

— Выше?

— Ниже!

— Еще ниже! Правее! Теперь левее! Вон сухой лист, а рядом две бабочки!..

— Ой, девочки! Действительно!..

— Тише вы там!

Шорох раздвигаемых веток усилился, и покрасневшее лицо Фокиной, исцарапанное и покрытое паутиной, показалось в самых дремучих зарослях сирени; глаза, как у безумной, забегали по листьям.

— Ну, что там, что там, что там?... — зашипели со всех сторон девчонки.

— Никого... — сказала Зинка Фокина растерянным голосом.

Конечно, если бы Зинка Фокина повнимательней пригляделась к тому месту, на котором она сама, своими глазами, несколько минут назад видела двух бабочек, то она при желании могла бы заметить двух маленьких черненьких муравьев, вцепившихся всеми шестью лапами в шероховатую кору сирени, но Зинке Фокиной было не до муравьев. Она еще раз пошарила печальными глазами по веткам и, глубоко вздохнув, произнесла:

— Как сквозь землю провалились... Никого!

— Как это — никого?... А мы кто такие? — прошептал один муравей другому.

Голубоглазый рассмеялся, пошевелил усиками и стукнул лапой по плечу муравья с темными глазами.

Черноглазый муравей посмотрел на расстроенное лицо Зинки Фокиной, тоже пошевелил усиками, но ничего не сказал.

— Не может быть! — прошептала Зинка Фокина. — Я же своими глазами видела... Не могли же они сквозь землю провалиться!.. — Она еще раз обшарила весь куст мокрыми от слез глазищами и сказала: — Черт побери! Вот черт побери!

— Ругается! — обрадовался голубоглазый муравей (это был, конечно, Костя Малинин). — Ругается! — сказал он, потирая лапы. — Зин-зин-зинка Фокина чертыхнулась два раза! Вот здорово!

Костя подкрутил свои усики, хлопнул муравья с черными глазами по спине (это был, конечно, я, Баранкин!) и весь затрясся от беззвучного смеха.

Зинка Фокина сделала шаг назад. Ветки со свистом сомкнулись, и мы с Костей остались одни на раскачивающемся сучке сирени.

— Ура! — сказал Костя Малинин. — Опасность воздушного нападения миновала! Отбой!

Костя Малинин радовался, он радовался как человек, то есть он радовался как муравей, избежавший смертельной опасности, когда он был еще мотыльком. Его веселый муравьиный голос напоминал сигналы электрического зуммера.

Хотя я тоже, как и Костя, избежал смертельной опасности и успел вовремя превратиться в муравья, но я не очень-то радовался: ведь если мы успели превратиться в муравьев, то мы с такими же успехом могли превратиться и в трутней. А от муравьиной жизни я абсолютно не ждал ничего хорошего, поэтому я не стал разделять Костиных восторгов, а мрачно сказал:

— Эх, Малинин! Что ты наделал, Малинин!

— А что я? — прозудел весело Малинин. — Что я, по своему желанию уснул, что ли? Это же закон природы!

— Да я не про закон природы! Я говорю: «И зачем мы только из-за тебя превратились в муравьев, а не в трутней?»

— Если бы тебе гро-зи-зи-ло попасть в коллекцию, стал бы ты очень выбирать, в кого тебе превратиться...

Я на это ничего не сказал Малинину, потому что в его словах, безусловно, была доля правды.

— И вообще, Баранкин, — продолжал Костя, — трутни — это ведь вроде муравьев, только с крыльями, а нам с тобой крылья ни к чему, мы с тобой налетались уж на этих крыльях. Давай уж лучше уползем-зем-зем от всего света под землю, в муравейник. Уж там мы с тобой никого не встретим — ни юннатов, ни отличников, ни кошек, ни воробьев...

— Очень ты спрячешься в муравейнике, — налетел я на Малинина: его глупые рассуждения меня просто разозлили. — «Уползем-зем-зем»!.. Ты что, не знаешь, что ли, что муравьи — это самые-самые трудящиеся насекомые на всем свете? И что их каждый день заставляет работать... этот, как его, инстинкт?

— Почему не знаю! — стал оправдываться Малинин. — Очень даже знаю, что муравьи трудящиеся. Но ведь сегодня выходной день!

Такое заявление со стороны Кости Малинина для меня было совершенно неожиданным.

— Ну и что, что выходной? — опешил я.

— А в выходной они, наверное, не работают!

— Значит, по-твоему, в выходной день инстинкт на муравьев не действует, что ли?

— Знаешь, Баранкин, — сказал Малинин убежденным голосом, — я вообще считаю, что никакого инстинкта нет.

— Как — нет? — снова опешил я. — Нам же его преподают в школе!

— Ну и что, что преподают?.. Просто этот инстинкт

все учителя нарочно придумали, чтобы нам вопросы задавать на уроках! Соображаешь?

Когда Малинин мне все это высказал, я сразу же стал соображать: а может быть, действительно Костя прав и никакого инстинкта у муравьев вообще нет, а выходной день, наоборот, есть... А если выходной день у муравьев есть, тогда нет ничего страшного в том, что мы превратились не в трутней, а в мурашей... Конечно, у муравьев есть выходной день!.. А может быть, все-таки нет? Я попробовал представить себе жизнь без выходных дней и не смог. Еще я вспомнил беседу, которую в школе проводил с нами доктор. Беседа была о том, что надо обязательно отдыхать каждый выходной день. Если людям надо отдыхать каждое воскресенье, то муравьям тем более: они ведь такие маленькие и слабенькие. Нет! Конечно, у муравьев должен быть выходной день, и он у них, конечно, есть! А если выходной есть, тогда, пожалуй, все в порядке! И можно не вешать нос, то есть усы, и можно бежать в муравейник и занять там какую-нибудь отдельную комнату, и начать ходить там на голове, и вообще делать все, что только тебе вздумается. Здорова я развеселился от этих мыслей.

— Малинин! — прозудел я, прыгивая с ветки на землю. — Сейчас мы разыщем с тобой муравейник, займем отдельную комнату, запремся, закроем дверь на замок и...

— У них же нет, наверное, дверей и замков в комнатах, — усомнился Костя.

— Неважно! — сказал я, развеселившись еще больше. — Важно, что комнаты есть, а уж загородиться чем-нибудь от всего на свете мы сумеем! Мы с тобой бабочки ученые и воробьи стреляные, нас теперь на мякине не проведешь!

Я побежал по земле и на радостях ударил лапой попавшее мне на пути круглое семечко, напоминавшее по форме футбольный мяч.

Костя Малинин принял мою передачу и отпасовал семечко обратно. Только здесь, на земле, я разглядел хорошенько Костю-муравья. Он весь блестел так, словно его начистили сапожным кремом, и талия у него была очень смешная — тонюсенькая-претонюсенькая, как у девчонки, и лап было сразу шесть штук. «Очень это здорово, что у муравья шесть лап, — подумал я, — в футбол удобно играть. Особенно бить по воротам, со всех

шести лап. И в воротах стоять тоже удобно: на двух лапах стоишь, четырьмя ловишь мяч...»

В доказательство своей мысли я подпрыгнул в воздухе и ловко принял на грудь семечко-мяч всеми четырьмя лапами сразу. В обнимку с мячом я упал на землю и покатился, громко смеясь от удовольствия.

— Куча мала! — крикнул Костя Малинин и повалился на меня.

Мы начали было кувыркаться, но тут я заметил, что из леса, то есть из травы, навстречу нам вышло человек шесть муравьев. Я, конечно, очень обрадовался. Вскочил.

— Здорово, ребята! — крикнул я муравьям, поднимая в знак приветствия все четыре лапы. Потом я ударил по мячу лапой и сказал: — Может, по случаю выходного в футбол сыграем, ребята?.. Вас сколько человек? Шесть? И нас двое! Как раз! Разделимся на две команды по четыре! Чур, я — центр нападения!

Настоящие муравьи как-то странно посмотрели на меня, похлопали друг друга усиками, пошептались между собой, дали задний ход и тихо скрылись в зарослях травы.

Мы с Костей побежали их догонять, но в соседнем лесу, то есть в траве, уже никого не было, зато совсем рядом внизу, под пригорком, мы обнаружили дорожку, по которой шло самое оживленное муравьиное движение.

Муравьи сновали взад и вперед. Одни из тех, что были поменьше ростом, несли на себе комочки земли, палочки, листики, хвойные иголки. Другие муравьи, широкоплечие, с большими головами и огромными челюстями, волокли гусениц, мертвых мух и жуков...

— Что это они, Малинин? — спросил я Малинина, насторожившись. — Работают, что ли?

— Да что ты, Баранкин, — ответил Малинин, — это они гуляют по своей главной улице.

— Как — гуляют? — спросил я недоверчиво.

— Так, гуляют. Сегодня же воскресенье!

— А зачем же они тащат на себе всякие бревна и камни, если сегодня воскресенье?..

Малинин промолчал.

— А по-моему, они не гуляют, а работают...

— Ну что ты, Баранкин, — возмутился Малинин, — какая же работа может быть в выходной день?

— А бревна на плечах? — спросил я Малинина.

— А бревна...— ответил Малинин.— А бревна... Это у них так принято — гулять с бревнами на плечах!

— ПринятѸ? — переспросил я, потом потер глаза лапами, уставился повнимательней на муравьев, и сердце у меня заныло от какого-то очень нехорошего предчувствия.

Это ощущение возникло у меня и от того, что я увидел, и еще от фразы Малинина, которую он произнес, глядя на муравейник.

— Знаешь что, Баранкин,— сказал Костя,— давай лучше не пойдем в муравейник, давай лучше гулять одни, где-нибудь там...— И Костя махнул лапой в сторону, совершенно противоположную муравейнику.

Собственно говоря, я это и сам хотел предложить Косте, просто он немного опередил меня с этим предложением, поэтому я, не колеблясь ни секунды, сказал:

— Давай, Малинин, давай! Включай, Малинин, задний ход.— «Пока не поздно»,— хотел добавить я, но промолчал.

Мы хотели попятиться прочь от муравейника, но здесь с нами обоими случилась непонятная вещь: вместо того чтобы пятиться назад, мы стали пятиться вперед, прямо по направлению к муравейнику. Я ясно чувствовал, что я делаю это вопреки своему желанию, чувствовал и понимал, но ничего не мог с собой сделать, потому что какая-то неведомая сила медленно, шаг за шагом, стала приближать нас с Костей к муравейнику.

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ

Мы ремонтируем муравейник

Медленно, нехотя, вопреки своему желанию мы продолжали с Костей приближаться к снующим взад-вперед муравьям, и с каждым шагом мне становилось все ясней и ясней, что все муравьи, все до одного, заняты делом, несмотря на то что для всех людей этот день был выходным днем.

Муравьи работали, работали, трудились, и отрицать это было просто бессмысленно. Незаметно мы очутились в самой муравьиной гуще, так близко, что даже было слышно, как они громко пыхтят под своими ношами. Рядом с нами, например, целая бригада тащила домой огромную стрекозу. И хотя муравьи из этой бригады суети-

лись, как девчонки, мешали друг другу, а главное, тащили стрекозу в противоположные стороны, несмотря на это, стрекоза каким-то чудом двигалась все же по направлению к муравейнику.

— Работают муравьи! — сказал я Косте.

Муравьи работали! Работали все без исключения. Никто из них не отлынивал, никто не занимался посторонними делами, или разговорами, или играми, никто не лежал под кустом и не загорал, а главное, никто никем не командовал и никто ни на кого не орал вроде нашей Зинки Фокиной. Вы бы послушали, какой она шум поднимает на каждом субботнике!

— Работают! — сказал я Косте Малинину.

— Ну и что, что работают! — огрызнулся Костя. — Темные, вот и работают. Необразованные личности! Наверное, даже не знают, что такое воскресенье. А мы с тобой образованные! Мы с тобой работать не будем!

— И инстинкт, значит, существует, — сказал я очень серьезным голосом. — Раз они ему подчиняются, значит, ОН существует!

— Ну и пусть себе подчиняются! А мы не будем никому подчиняться! — сказал упрямым голосом Костя Малинин.

Я вообще-то тоже, как и Костя Малинин, был абсолютно уверен, что инстинкту и в самом деле можно было не подчиняться, даже если он и существует на самом деле... Каково же было мое удивление, когда мне вдруг ни с того ни с сего совершенно неожиданно ужасно захотелось приступить к работе вместе с темными и необразованными муравьями. Это желание было сильным и непреодолимым. Мне казалось, что если я сию же минуту не взвалю себе на плечо какой-нибудь груз и не начну трудиться, как все муравьи, то я просто умру на месте.

Подобрав с земли сухую ветку, я молча взвалил ее на плечо и поволок к муравейнику. И тут мне сразу стало легче, как будто гора с плеч свалилась! Стало даже как-то весело и приятно. В это время то же самое случилось и с Костей Малининым, то есть сначала, когда я взвалил на плечо сучок, он посмотрел на меня как на ненормального, а потом тоже вдруг с необычайной энергией и желанием подхватил ветку с другого конца и стал молча помогать мне, падая и спотыкаясь на каждом шагу.

Сучок был тяжелый, как настоящее бревно, он то и дело цеплялся за траву, за камни, скатывался с плеч, но мы продолжали над ним пыхтеть и тащить его с большим удовольствием, пока не дотащили по подземному ходу до самого муравейника. Возле входа в муравейник два муравья перехватили у нас бревно и утащили в темноту, а мы с Костей послушно повернулись в обратную сторону и побежали за новым стройматериалом.

Вот так! Таким, как говорится, образом присоединились мы с Костей к «гуляющим» муравьям и стали вместе с ними «гулять» со всяким мусором на плечах, то удаляясь от муравейника, то возвращаясь к нему обратно. Взад-вперед! Взад-вперед! С ветками, с хвойными иголками на плечах, с сухими листиками, с комочками земли бегали мы как заведенные, и даже перестали разговаривать друг с другом — так занялись мы этой работой.

Честно говоря, работать под управлением инстинкта — дело малоинтересное и, я бы сказал, глупое. Голову твою все время как бы сверлит одна фраза: «Давай, Баранкин! Давай! Тащи! Волочи! Перетаскивай, Баранкин! Ворочай, Баранкин!...» А ЗАЧЕМ «тащи»? ДЛЯ ЧЕГО «тащи»? Ты ничего не соображаешь, а соображать тебе все время что-то не дает и мешает, и от этого ты себя чувствуешь просто каким-то дураком и даже кретинком... Один раз только на меня нашло просветление, это когда мне надоело таскать бревна на плече, и я быстренько соорудил для нас с Костей носилки, но дурацкие ощущения в голове все равно не проходили, и фраза: «Давай, Баранкин! Давай! Тащи! Волочи! Перетаскивай!...» — продолжала тупо сверлить мой мозг.

Второй раз на меня нашло просветление, когда я хотел спросить у Малинина (раз уж он втравил меня в эту муравьиную историю), долго ли еще будет нас гонять этот проклятый инстинкт, но затем я с большим трудом сам вспомнил, что я совсем недавно прочитал книгу «Пароль скрещенных антенн», где черным по белому было написано, что муравьев инстинкт заставляет работать до самого-самого захода солнца...

Не знаю, может быть, мы с Костей в этот день привыкли бы к этому муравьиному конвейеру и действительно проработали до самого захода солнца, если бы не одно происшествие, которое случилось, когда мы в двадцатый или тридцатый раз возвращались с носилками к му-

равейнику. Именно в это время мимо нашего (нашего!) муравейника проходил Венька Смирнов. Ничего хорошего от этого произойти, конечно, не могло. Не успел я об этом подумать, как Венька, насвистывая, ткнул два раза черенком лопаты в муравейник и, так же насвистывая, ушел прочь.

Что здесь с нами случилось! С «нами»... Это я имею в виду не только нас с Костей, а всех муравьев. Что здесь с нами со всеми случилось! Мы сразу все, как один, как по команде, к-а-к запсиховали, как занервничали, как заметались и к-а-к бросились все перевыполнять всякие нормы по ремонту нашего общего муравейника. Было такое впечатление, что инстинкт из-за этого Веньки взял нас всех и «переключил» с первой скорости на третью и поэтому мы все стали работать с удесyтеренной силой.

Когда я все это ощутил, мне так и захотелось огреть Малинина носилками по спине, но при всем желании я этого не мог сделать, потому что носилки с другой стороны держал Костя Малинин и еще потому, что мою голову с удесyтеренной силой продолжала сверлить фраза: «Давай, Баранкин! Скорей давай! Тащи скорей! Волочи скорей! Ворочай! Давай, Баранкин! Давай скорей! Давай! Давай! Скорее! Скорее!...» И еще потому, что, как бы я ни сердился на Костю, я бы никогда не смог не только ударить его, но даже тронуть пальцем.

Ведь он вместе со мной несется сейчас на третьей скорости, и его несчастную голову в эту минуту тоже, вероятно, сверлит эта проклятая фраза: «Давай скорей, Малинин! Давай! Тащи скорее! Волочи скорей! Ворочай! Давай, Малинин! Давай! Давай! Давай! Скорей! Скорей! Скорей!...»

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ

*Это был, наверное, единственный в своем роде
«бунт» на земле*

Все!

Все рухнуло!!! Все мои надежды, все мои мечты и фантазии — все рухнуло! Я понял, я окончательно уверился в том, что такой жизни, о которой я мечтал, сидя на лавочке в ожидании Мишки Яковлева, такой жизни нет и не может быть нигде — ни на земле и ни под зем-

лей... Ни у воробьев, и ни у бабочек, и ни у муравьев!.. И у трутней тоже наверняка нет такой жизни. И такого состояния, в котором можно ничего не делать, тоже, вероятно, не существует, потому что если бы мы сейчас с Костей даже были трутнями, а не муравьями, то мы бы с ним старались ничего не делать, а для того чтобы ничего не делать, как я убедился, нужно обычно столько сделать, что уж лучше что-нибудь делать, чем пытаться ничего не делать...

...Нет такой жизни! И незачем ее искать! И нечего терять время! О-н-а не существует! А если все это так, то зачем же тогда я и мой лучший друг Костя Малинин все еще продолжаем быть муравьями? Почему мы на третьей скорости ремонтируем муравейник, в котором даже не собираемся жить? Зачем мы обливаемся потом и падаем на каждом шагу от усталости? Пора! Пора возвращаться, пока не случилось какой-нибудь ужасной неожиданности. У этих птиц и насекомых каждую минуту может случиться такое, что потом и костей не соберешь. Я оглянулся на Костю Малинина. Малинин молчал, он ни о чем меня не спрашивал, он не ворчал на меня за то, что в третий раз попал в такую передрагу, он не ругал и не проклинал меня, и это было невыносимо. Уж лучше бы он меня разнес за все в пух и прах.

Но Костя молчал, словно воды в рот набрал. Он копошился, нагружался, разгружался, снова нагружался и опять разгружался, носил, таскал, перетаскивал, не отставая от меня ни на шаг. Костя работал, как самый заправский муравей.

«Надо остановиться! — подумал я. — Немедленно прекратить работу и остановиться. Надо сохранить силы для нашего возвращения. А то этот инстинкт к вечеру загоняет нас с Костей до полусмерти, так, что не шевельнешь ни рукой, ни ногой... В конце концов, пусть этому инстинкту обыкновенные муравьи подчиняются без всякого рассуждения, а мы Е-М-У докажем, что мы с Малининым разумные существа. Докажем! А как мы ему докажем, если от моего этого самого разума в голове уже почти ничего не осталось! И мыслей никаких, кроме «Жми! Тащи! Неси! Ворочай!...». И вот я жму, тащу, несу, ворочаю, а сам себе тихонько командую: «Думай, Баранкин! Думай!.. Соображай все-таки назло этому самому инстинкту! Не подчиняйся ему! Не подчиняйся!..»

И вот тут-то в моей голове при слове «не подчиняйся» вдруг мгновенно созрел план заговора, может быть единственного в своем роде на всем земном шаре. Я решил против инстинкта поднять самый настоящий бунт и самое настоящее восстание!

Я остановился на бегу с охапкой хвойных иголок! Я поднялся на задние лапы. Я распрямил свою усталую спину. И закричал громко, на все поле боя, как Петр Первый под Полтавой.

— Малинин! — скомандовал я. — Сбрасывай с себя мусор! Будет!

— «Будет»? Что будет? — спросил Костя совершенно равнодушным голосом.

— Бунт будет! Вот что будет! Заговор!

— Против кого заговор?

— Против И-Н-С-Т-И-Н-К-Т-А! Заговор!..

— А что такое «заговор»? — спросил Малинин.

Вот тебе раз! Видно, у Кости от этой муравьиной жизни уже начал ум за разум заходить, раз он уже начал забывать значение самых обыкновенных человеческих слов. Тогда я быстренько напомнил ему значение слова «заговор» и объяснил ему, что это значит. Костя тупо выслушал меня и тупо спросил:

— А какой заговор?

— Что значит — какой? Обыкновенный!.. То есть не обыкновенный, а смертельный — вот какой! Понимаешь?

— А что значит «смертельный»? — опять задал мне вопрос Костя.

— Смертельный — это значит: мы лучше с тобой умрем, но не подчинимся инстинкту!

— А что такое «не подчинимся»? Как — не подчинимся? — Малинин посмотрел на меня печальными глазами и недоверчиво вздохнул.

— Ну, очень просто! Понимаешь, он, инстинкт, будет нас, меня и тебя, нагружать... Понимаешь, нагружать!

— Нагружать — это я понимаю, — сказал Костя.

— Ну вот! — обрадовался я. — Он, инстинкт, будет нас нагружать и заставлять работать, а мы, я и ты, будем ему не подчиняться... Не подчиняться — понимаешь?..

— А как — не подчиняться?

— А вот так не подчиняться! Вот так! Смотри!

Я взял и сбросил охапку хвойных иголок со спины на землю. Костя Малинин сначала посмотрел на меня, как на ненормального муравья, потом с трудом о чем-то подумал и тихонько опустил на землю березовый лист. Потом мы вместе налегке сбежали с муравьиной дорожки в сторону. Инстинкт, конечно, хотел тут же заставить меня поднять иголки, но я ему не подчинился. Костя Малинин стоял напружинившись рядом со мной, потом вдруг закружился на месте, как собака, которая хочет поймать себя за свой хвост.

— Чего ты вертишься? — спросил я Малинина.

— Очень хочется вернуться и поднять лист, — прошептал Малинин.

— Не подчиняйся ни за что! Преодолевай!

— Я и так преодолеваю.

— Молодец! — похвалил я Малинина, забираясь под куст травы. — Иди сюда.

Тяжело дыша и преодолевая на каждом шагу сопротивление инстинкта, Костя с трудом приблизился ко мне и вцепился в меня всеми шестью лапами. Я подтянул к себе березовый листок и укрылся им с головой, словно одеялом, чтобы нас никто не видел.

— А теперь, — сказал я лихорадочным шепотом, — а теперь, Малинин, сосредоточься и повторяй за мной:

Ни ночью! Ни днем!
Не хочу! Быть!
Муравьем!
Я! Хочу! Навеки!
Быть! Человеком...

Громко всхлипнув, Костя глубоко вздохнул и вместо волшебных слов заклинания сказал:

— Ой, мамочка!..

— Чего? — спросил я.

— Меня за ногу кто-то дергает!..

Я, конечно, подумал, что это к Косте опять инстинкт привязался. Приподняв березовый лист, выглянул наружу, смотрю — нет, не инстинкт, а какой-то совершенно незнакомый муравей схватил Костю за заднюю лапу и тянет изо всех сил...

Небывалое и неслыханное на весь муравейник

Я думал, что мне удастся легко отделаться от муравья, но я ошибся. Муравей оказался очень настырным. Он и меня тоже схватил за одну лапу.

Я ему, конечно, пригрозил: «Отцепись! А то хуже будет!» — а он все тянет и тянет, потом дергать начал. Потом взял и стянул с нас одеяло, то есть березовый лист. Я, конечно, разозлился и вскочил на ноги; старый муравей обстукал нас с Костей с ног до головы усиками, словно доктор, и спрашивает:

— Вы что, заболели?

— Нет,— говорю,— я лично здоров...

— А почему же вы лежите?

— А мы отдыхаем!

— А почему вы отдыхаете, когда все работают?

— Потому что сегодня воскресенье,— сказал я.

— Какое воскресенье? — не понял муравей.

— Выходной день,— пояснил я.

— Какой выходной? Почему выходной?..

— Обыкновенный день отдыха,— сказал я.

Весть о том, что два муравья в самый разгар работы легли спать, сразу же облетела весь муравейник. Это происшествие было, вероятно, настолько небывалым и неслыханным, что на нас собрались посмотреть все муравьи. Одни окружили меня и Костю на полянке плотным кольцом и стали таращить на нас глаза, другие забрались на цветы и траву и разглядывали нас сверху.

— Что такое выходной день? — продолжал допрашивать меня дотошный муравей.

— Выходной день — это такой день, когда никто не работает,— стал объяснять я собравшимся, и чем больше я им объяснял, тем меньше они меня понимали. — В общем,— сказал я,— когда мы жили там, мы в этот день никогда не работали.

— Где это «т-а-м»?

— Там! — Я махнул лапой в сторону большого каменного дома. — Там... Вон в том кирпичном муравейнике, то есть не в муравейнике, а в этом... в человейнике...

Я совсем запутался и замолчал. Из толпы муравьев послышались голоса:

— Подозрительно! Подозрительно!

— Кто они такие?
— Надо разобраться, разобраться!
— Не надо разбираться, оторвать им ноги, и все!
— Они не мы, они чужие! Они и говорят не по-нашему!

— Надо разобраться, разобраться!

Пока старые муравьи совещались между собой, что с нами делать, толпа продолжала шуметь. Пока толпа продолжала шуметь, а старые муравьи продолжали совещаться, я успел шепнуть Косте:

— Малинин! Повторяй за мной слова, пока не поздно:

Ни ночью! Ни днем!
Не хочу! Быть!
Муравьем!

Но Малинин Костя будто оглох. Он с ужасом смотрел на старых муравьев, совещавшихся между собой в стороне, и ничего не слышал.

Тогда я тоже замолчал. Не мог же я поступить иначе, тем более что к этому времени старые муравьи кончили совещаться и один из них со словами «слушайте все!» снова приблизился к нам с Костей.

— Слушайте все! — сказал он. — Вот эти два муравья, — старый муравей показал лапой в нашу сторону, — эти два бездельника, не дожидаясь Луны, прекратили работу в самый разгар Солнечного Света!.. Не дожидаясь захода Солнца, они перестали работать и легли спать, укрывшись березовым листом. Я старый муравей, но я никогда не слышал от старейших муравьев, чтобы в нашем муравейнике когда-нибудь произошло такое не виданное моими глазами, не слыханное моими ушами преступление.

Толпа грозно загудела.

— Слушайте все! — повторил старый муравей. — Совет Старейших Муравьев решил приговорить этих двух преступников к Смерти!..

Толпа муравьев загудела одобрительно. Костя Малинин не успел пикнуть, как к нему и ко мне подошло штук десять муравьев. Не говоря ни слова, они схватили нас с Костей за ноги, перевернули и понесли прочь от муравейника.

СОБЫТИЕ ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ

*Вот что такое мирмики
и вот что такое Костя Малинин*

Не знаю, чем бы кончилось все это (я даже боюсь догадываться, чем бы это все могло кончиться!), если бы сидевший на высоком цветке муравей не закричал:

— Мирмики идут! Мирмики! Мирмики!!!

При слове «мирмики» волочившие меня и Костю муравьи как-то странно задрожали с ног до головы и бросили нас на землю. Потом они заметались во все стороны, замахали дрожащими усиками и забавно задрывали ногами. Все это было похоже на какой-то воинственный танец дикарей. Постукивая друг друга усиками, приподнимаясь на задние лапы, пританцовывая и принимая время от времени страшные, угрожающие позы, муравьи повторяли один за другим то странное и непонятное слово, которое произнес муравей, сидевший на цветке: «Мирмики! Мирмики!» Затем они, как один, все вместе упали с задних лап на четвереньки и опрометью бросились в кусты травы, позабыв про нас с Костей. Прошло еще мгновение, и муравьи все до одного скрылись за стволами травинки. Поляна опустела. Мы остались одни.

Не знаю отчего, но мне почему-то тоже передалось то самое тревожное настроение, которое охватило всех муравьев при слове «мирмики».

— Лезь за мной! Только тише... Не шуми,— сказал я Косте Малинину, влезая на близрастущий цветок и оглядывая окрестности.

— Почему тише? — спросил Малинин, карабкаясь следом за мной.

— Так! На всякий случай,— сказал я, не догадываясь о том, что моя предосторожность ровно через минуту спасет нам с Костей жизнь.— Ползи выше.

— А я что, не ползу, что ли? — огрызнулся Малинин.

Забравшись на лист, я хотел уже подняться еще выше, как вдруг заметил внизу, под нами, черного хромого муравья и всех остальных наших «носильщиков». Они вышли из густой травы, как-то странно пятась спинами. Рассыпавшись цепочкой, остановились. Свесив головы с листка, мы с Костей стали молча наблюдать за странным поведением черных муравьев. Они стояли

не шевелясь, словно солдаты, приготовившиеся к бою, и в эту минуту из травяного леска выползло штук пятнадцать здоровенных муравьев красно-рыжего цвета. Выползли и тоже остановились.

То, что произошло дальше, походило на коротенький киножурнал про войну.

Рыжие муравьи, как собаки, бросились на черных, щелкая своими огромными челюстями, как щипцами. Не успел я моргнуть, как по земле покатались, словно мячики, головы черных муравьев. Из всех черноголовых солдат уцелел только один хромоногий. Видно, это был самый опытный и бывалый солдат — так ловко отбивался он от нападающих на него двух рыжих муравьев. Одному из них он даже успел вцепиться в усики, и тот от боли закрутился волчком по земле, но в это время еще двое рыжих подоспели к своим на помощь и, схватив хромого за задние лапы, растянули его на земле.

Черный встряхнулся, но тут еще один рыжий мирмик прыгнул ему на спину, и с черными муравьями все было кончено.

Рыжие с победоносным видом огляделись по сторонам, пошевелили усиками и стали молча счищать пыль с боков и приводить себя в порядок.

Я отполз от края листка, чувствуя, как инстинкт, тот самый инстинкт, который мы недавно преодолели с Костей Малининым, начинает снова пробуждаться во мне, и не только начинает пробуждаться, но, кажется, посылает меня в бой на помощь нашим черноголовым муравьям. Еще секунда, и я бы непременно спрыгнул с цветка прямо на спины рыжим мирмикам, но я не спрыгнул с цветка, я взял и, как в прошлый раз, преодолел в себе инстинкт, потому что это было с его стороны явной глупостью — посылать меня одного в бой против целого отряда мирмиков. И потом я твердо знал: если я нападу на рыжеголовых, то инстинкт заставит, конечно, и Костю ввязаться в драку, а уж где-где, но в драке с мирмиками Малинину несдобровать, это определено.

Пока я мысленно боролся с инстинктом, мирмики успели скрыться в зарослях травы, и поляна снова опустела. Стараясь не шуметь, мы с Костей на цыпочках быстро вскарабкались на самую верхушку цветка и чуть не ахнули. Оказывается, рыжие муравьи к этому времени успели окружить муравейник со всех сторон. На поля-

нах и в траве уже кипело самое настоящее ожесточенное сражение.

— Война, Малинин! — сказал я.

— Война, Баранкин! — сказал Костя Малинин.

Хотя рыжих солдат на поле боя было гораздо меньше, зато они были крепче, сильнее и гораздо опытнее черных муравьев. Медленно, шаг за шагом, они теснили черных муравьев, отступавших к муравейнику. Поляны, взятые с бою рыжими мирмиками, были все усеяны черными трупиками. Они лежали на земле в самых разнообразных позах. Раненые вздрагивали ногами, слабо шевелили челюстями.

— Гады! — закричал вдруг Малинин, поднимаясь на задние лапы. — Вот гады! Маленьких бьют!

Я схватил Малинина на всякий случай за лапу и оттащил от края наблюдательного пункта.

А бой тем временем разгорался все сильнее и сильнее. Дерущиеся хватали друг друга за ноги, делали подножку, откусывали усики и вцеплялись в горло мертвой бульдожьей хваткой.

— Вперед, чернопузые! Не робей! Бей рыжих! — орал Костя, вырываясь у меня из рук. — Бей захватчиков!

А чернопузые были действительно молодцы. Они как-то очень быстро сумели приноровиться к мирмикам и дрались теперь как львы, используя свое численное превосходство. Впятером или вшестером они дружно бросались на рыжего великана, за ноги и за усики растягивали его на земле и приканчивали.

— Так их! Так их! — заорал я во все горло.

— Вперед, чернопузые! — закричал Костя.

— Ура! — закричали мы вместе с Костей.

Рыжие дрогнули и стали отступать.

Я заложил лапу в рот и оглушительно свистнул. Костя запрыгал от радости по цветку, закружился и вдруг остановился как вкопанный.

— Смотри! — сказал он, глядя в противоположную от муравейника сторону.

Я взглянул вниз и увидел вдалеке за холмом большущий отряд мирмиков, спешивших к своим на помощь. И это в ту минуту, когда черные заставили отступить рыжих по всему фронту. Если эта армия рыжеголовых подспеет на помощь, черным несдобровать. Нам с Костей тоже несдобровать: мы ведь с ним тоже черные

муравьи. Кругом война, а мы расселись, как в кино, и смотрим.

Если бы сейчас я и Костя были людьми, а не мурашами, мы бы могли черным помочь как полагается, а так — что от нас толку! А может быть, и так будет толк? Если сейчас взять на себя командование черными мурашами, сразу может получиться другая картина. Конечно, они нас хотели с Костей казнить, ну да ладно! Это они не со зла, а за дело. Вообще-то они хорошие ребята! И дерутся здорово, только очень уж как-то инстинктивно, не соображают, что к чему, и главнокомандующего у них нет, каждый сам за себя, а если бы им сейчас командира, вот тогда бы они показали этим рыжим мирмикам, где раки зимуют!

А что, если нам действительно взять командование на себя? Я — главнокомандующий, Костя — начальник моего штаба. Да нет, Костя Малинин наверняка испугается — какой из него начальник штаба! Нет, уж лучше поскорее превратиться в людей, превратиться и отогнать этих рыжеголовых от муравейника.

— Малинин! — скомандовал я, не отрывая глаз от сражения. — Повторяй, Малинин!..

Я хочу навеки
Быть Человеком!
Ни ночью, ни днем
Не хочу быть муравьем!

— Баранкин, за мной! Смерть мирмикам! — услышал я за спиной отчаянный крик Кости Малинина.

Я обернулся, но было уже поздно. Со словами «Баранкин, за мной! Смерть мирмикам!» Костя спрыгнул с цветка и, подхватив на бегу с земли сучок-дубинку, ринулся наперерез отряду рыжих муравьев-разбойников на соединение с черными мурашами!

СОБЫТИЕ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ

Мы попадаем в окружение

Инстинкт! — мелькнуло у меня в голове. Неужели в Косте Малинине заговорил инстинкт и не только заговорил, но и погнал его на войну? Нет! Я слишком хорошо знал Костю Малинина, чтобы так подумать. Костя в жиз-

ни был не очень-то смелый, и никакой инстинкт не мог заставить его ввязаться в драку. Просто на этот раз в Косте заговорил ЧЕ-ЛО-ВЕК, ведь в каждом же человеке должен заговорить человек, если на его глазах большие начинают несправедливо обижать маленьких, да еще таких симпатичных и настоящих работяг, какими были чернопузые мураши. Да! В Косте заговорил ЧЕ-ЛО-ВЕК! Ну, Малинин! Молодец Малинин! Взял и на расстоянии услышал мои мысли и ринулся в самую гущу боя на выручку черным мурашам. Ни секунды не раздумывая, я тоже спрыгнул с цветка и сломя голову помчался за Малининым вдогонку, вниз по склону горы.

С горы было хорошо видно, как большущий отряд рыжеголовых стал заходить в тыл черным муравьям. Надо было во что бы то ни стало предупредить об этом НАШИХ, но Малинин, вместо того чтобы идти на соединение с черными муравьями, вдруг яростно рванулся влево и помчался один прямо навстречу наступающим по всему фронту мирмикам.

— Костя! — орал я на бегу. — Малинин! Подожди! Не в ту сторону наступаешь! Куда ты? Убьют! Костя! Остановись!

Но Костя Малинин на мои крики не обращал никакого внимания.

— Вперед! На врага! Бей фашистов! — визжал он, размахивая дубинкой и прибавляя ходу. Он мчался вскачь каким-то лошадиным галопом, оставляя за собой целые облака пыли.

Отряд мирмиков, заметив несущегося им наперерез черного муравья, сразу же изменил направление движения. Перестроившись на ходу, мирмики о чем-то быстро посовещались между собой и помчались навстречу Косте Малинину. Сейчас они сшибутся, и голова Малинина, отрубленная страшной челюстью, покатится по траве... Охватив полукольцом несущегося им навстречу Малинина, мирмики тем самым совершенно отрезали нас от своих.

Теперь все решала скорость. В три тигриных прыжка я нагнал Костю, схватил его за задние лапы и поволок прочь за холм, к маленькому ручейку. Переправившись через бушующий поток на березовом листке, я стащил Малинина за ноги на берег и спрятал в траве в то самое время, когда на противоположный берег высыпали пре-

следующие нас рыжие муравьи. Для большей безопасности я оттащил Костю поглубже в лес и стряхнул его со спины.

Костя Малинин продолжал сидеть с очумелым видом на траве, глаза у него были выпучены так, будто он все еще продолжал мысленно мчаться навстречу мирмикам.

— Эх ты, вояка! — сказал я, с трудом вырывая из Костиных лап сучок-дубинку. — Размурашился! Сейчас как тресну тебя по башке, чтобы ты в другой раз не лез куда не надо! Шел бы на соединение с нашими, а ты... Эх, Малинин!..

Я бы, наверное, и вправду вlepил Косте оплеуху, если бы в чаще травы в эту минуту не мелькнула спина рыжего мирмика. Я повернул голову. Из кустов высунулась рыжая морда и зверски пошевелила огромными челюстями. Справа и слева тоже показались рыжие муравьи... Вот тебе раз! Значит, им тоже удалось перебраться через ручей, и не только перебраться, но и окружить нас со всех сторон.

— Лезь на цветок! — тихо шепнул я Малинину. — Моментально сосредоточивайся и немедленно превращайся в человека!

— А ты?

— Я буду прикрывать твой отход. Сам видишь, в какое положение попали. Лезь!

Костя шмыгнул по стеблю вверх, я — за ним. Мирмики слышали шорох и задрали вверх морды. Один из них, чтобы лучше видеть, встал на задние лапы.

— Лезь выше, — шепнул я Косте, — заметили, гады! Лезь на самый цветок и там скорее превращайся...

Пока Малинин карабкался на верхушку цветка, мирмики окружили стебель и стали молча один за другим подниматься вслед за нами.

СОБЫТИЕ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Десять больших на двух маленьких и паутинка-самолет

— Эх, вы! — крикнул я, свешиваясь с листика. — Десять больших на двух маленьких... Не стыдно?

В полном молчании мирмики продолжали под-

ниматься по стеблю все выше и выше. На расстоянии двух-трех сантиметров от меня они остановились и заскрежетали челюстями. «Интересно! Успеет превратиться Малинин в человека или нет? — подумал я, перехватывая дубинку из одной лапы в другую. — А ничего он без меня и не сумеет, и не успеет...»

— Ты, рыжий, — крикнул я самому здоровому мирмику, — давай один на один! Я тебя вызываю!

Рыжий верзила, не говоря ни слова, сделал шаг вперед и раздвинул челюсти. Я размахнулся и изо всех сил двинул его сучком по башке. Мирмик покачнулся и, не издав ни звука, молча свалился на землю. Место сбитого моментально без шума заняли двое рыжих муравьев.

Я уже приготовился их хорошенечко встретить, вдруг слышу — сверху раздается голос Малинина:

— Юрка! Осторожней! Третий мирмик к тебе со спины заползает...

Взобравшись на лист, я тремя ударами сбил трех мирмиков со стебля и крикнул:

— Малинин! Ты почему не превращаешься в человека, почему не выполняешь моего приказа?

— А я без тебя все равно не буду ни в кого превращаться! — зашипел сверху Костин голос.

— Нет, будешь! — заорал я, отбиваясь от нападающих на меня мирмиков и влезая на самый венчик цветка.

Все! Дальше ползти было некуда. Внизу, под нами, были мирмики, сверху — небо, посередине — мы с Костей Малининым.

— Это почему же ты не будешь превращаться? — заорал я на Малинина, но в это время из-за лепестка показалась рыжая голова и свирепо завращала глазами. — Малинин, превращайся сейчас же! — Я ударил мирмика палкой по черепу.

Мирмик скрылся.

— Превращаться — так вместе! — сказал Малинин.

Из пропасти с другой стороны опять вылезла голова мирмика.

— Вместе не успеем! — Я кольнул муравья сучком, словно шпагой.

Муравей спрятался.

— А один я не буду! — сказал Малинин.

Я размахнулся изо всех сил, чертыхнулся и съездил высунувшегося мирмика с такой силой, что сучок

переломился. Мирмик полетел на землю, а у меня вместо грозной дубины остался в руках какой-то жалкий обломок.

Мы отступили с Костей к самой середине ромашки. Защищаться больше было нечем, и мирмики словно догадались об этом. Четыре рыжие головы одновременно высунулись с разных сторон. Мы с Костей обнялись.

— Пропали! — сказал Малинин. — Прощай, Баранкин!

Я даже не стал успокаивать своего лучшего друга, потому что все было похоже на то, что мы с Костей Малининым действительно пропали. Внизу были мирмики, вверху — небо, между мирмиками и небом — мы с Костей. Хоть бы перескочить на соседний цветок, да не допрыгнешь — далеко... Еще можно спрыгнуть с цветка на землю, но мирмики, кишевшие в траве, только этого и ждали. А ведь сколько раз нам с Костей удавалось избегать смертельной опасности, можно сказать, чудом, но ведь удавалось! Неужели на этот раз я не найду выхода из положения, неужели нам с Костей суждено погибнуть так глупо вот здесь, на цветке ромашки, в нескольких шагах от настоящей человеческой жизни? Неужели ВСЕ, ВСЕ, что мы узнали, пережили и почувствовали, пропадет зря?!

— Держись, Малинин! Сейчас мы покажем этим мирмикам, как погибают настоящие ребята!

Я поднялся на задние лапы, чтобы встретить как полагается этих мирмиков, и ударился головой о туго натянутую под ветром паутину: она зацепилась за лепесток и болталась над цветком, словно ниточка из волшебного ковра-самолета.

— Малинин! — заорал я на Костю, и Костя на этот раз понял меня без слов.

Он шмыгнул по паутинке вверх, я — за ним. Осталось только перекусить паутинку... И я ее перекусил. И паутинка полетела в ту минуту, когда четыре мирмика одновременно бросились на нас со всех сторон. Мирмик, целившийся откусить мне голову, только полоснул челюстями вскользь по ноге. Четыре челюсти, каждая из которых походила на капкан, щелкнули еще раз, но было уже поздно. Мы с Костей поднялись в воздух. Я взглянул вниз на поляну и не поверил своим глазам: оказывается, пока мы с Малининым отбивались на цветке от численно превосходящих сил рыжих противников,

черные муравьи успели наголову разгромить мирмиков и вернулись к своим обычным занятиям.

Война кончилась так же неожиданно, как и началась, и только одни раненые муравьи да носильщики трупов, утаскивавшие убитых подальше от муравейника, напоминали о том, что всего несколько минут назад на этих полянах шло самое ужасное сражение. Маленькая ниточка из паутинного ковра-самолета уносила нас с Костей все дальше и дальше от цветка в сторону муравейника.

Ни ночью, ни днем
Не хочу быть муравьем! —

запел я громко, во весь голос.

Я хочу навеки,—

подхватил Малинин,—

Быть Человеком!..

И в это время за моей спиной раздался какой-то ужасный свист. Плотная волна воздуха толкнула меня в бок, перевернула вверх тормашками, завертела волчком и сорвала с паутины. Кувыркнувшись несколько раз через голову, я успел заметить, как огромный стриж на всем ходу склевал Костю Малинина и взмыл в небо...

Когда я понял, что-то случилось, мне стало дурно, я потерял сознание и свалился без чувств на землю...

Часть пятая

БАРАНКИН, БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ!

СОБЫТИЕ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

«Загробный» голос

Не знаю, сколько времени мне пришлось пролежать без памяти в траве, наверное, очень долго, но когда память стала постепенно возвращаться ко мне, я все равно продолжал валяться, словно без памяти.

Я лежал и бредил. Все, что мы пережили с Костей, все-все в чудовищной непоследовательности снова мелькало перед моими глазами. Я попробовал открыть глаза, но от этого ничего не изменилось — или вокруг была ночь, или я ослеп...

Тогда я стал думать о Косте.

Костя погиб, но в моей памяти он был совсем-совсем живой. Моя память, хоть ненадолго, воскресила моего лучшего друга, и от этого мне стало немного легче. И почему только этот проклятый стриж склевал не меня?.. Ведь я же втравил Костю в эту историю, и вот я живой, а Костя погиб, погиб как муравей, не успев даже превратиться в человека! Сначала эта мысль мне показалась правильной, а потом я подумал еще немного, и эта мысль мне показалась неправильной. Что значит — Костя погиб как муравей, не успев превратиться в человека? Да Костя, в кого бы он ни превращался, он все равно по отношению ко мне оставался чело-ве-ком! И на помощь муравьям Костя бросился как человек! И меня в беде не оставил! И один без меня не захотел ни в кого превращаться! И перед мирмиками не струсил! Да если бы Эрка Кузякина видела своими глазами, как бесстрашно себя вел Костя Малинин на войне, да она бы ему одному весь номер стенной газеты посвятила, а Алик Новиков, если бы он был муравьиным корреспондентом, да он бы на него всю пленку исщелкал.

Нет, Костя Малинин все ЭТО время был человеком, и погиб он как человек. И не надо было ему шептать никаких волшебных слов, и не надо было ему желать по-настоящему превратиться в человека, потому что он уже давно превратился! Да! Костя Малинин, безусловно, превратился в человека, а я?.. Конечно, самому о себе мне трудно говорить, и вел я себя по отношению к Косте Малинину как человек или нет, мне тяжело самому судить... Может быть, я как был муравьем, так и остался?.. Может быть... Только я тоже, честно говоря, я тоже старался не подгадить... Мне ведь тоже из-за Кости Малинина мирмики сколько раз голову чуть-чуть не оттяпали. Хорошо, что в последний раз еще промахнулись да вместо головы в лапу вцепились, а лапа до сих пор вон как болит и ноет.

Верхней лапкой я осторожно погладил ту, что прокусили мирмики, и дернулся... Нет, нет, на этот раз я не

лапкой гладил муравьиную лапку, а рукой, человеческой рукой я гладил ногу, — так мне, во всяком случае, показалось... Тогда я открыл глаза и действительно увидел вместо лапы обыкновенную мальчишескую ногу. Это была моя нога, и только запекшаяся от крови царапина напоминала о том, что эта нога совсем недавно была муравьиной лапой, и руки у меня были теперь как руки, и голова... И голова на месте...

Чтобы прийти окончательно в себя, я еще немного полежал в траве, потом немного посидел, а потом встал, отряхнул штаны и, спрятав руки в карманы, как человек зашагал к дому. Я шел, не глядя по сторонам, уткнувшись глазами в носки ботинок. В голове у меня шумело, все тело ныло, словно меня всего исколотили палками, а нога, покусанная мирмиками, так саднила, что на нее было больно наступать.

Раз пять или шесть я натыкался на каких-то прохожих, которые каждый раз при этом мне говорили: «Под ноги надо смотреть, мальчик!» — как будто бы я смотрел не под ноги, а по сторонам.

Не помню, как я добрался до своего двора, потому что всю дорогу я шел как во сне и очнулся только тогда, когда налетел животом на калитку.

Не вынимая рук из карманов, я пинком распахнул дверцу, подошел к скамейке и сел. Во дворе было все по-прежнему. Все так же с акаций то и дело срывались веселые компании воробьев, над клумбой порхали бабочки, а по скамейке бегали черные муравьи. Все было на своем месте. Не было только Кости Малинина. Не было и уже не будет больше никогда. Да и самого меня тоже, пожалуй, не было, то есть вообще-то я был, но я был уже совсем какой-то не такой. Я сидел на лавочке сам не свой. Мне все казалось, что я только что вернулся из какого-то очень-очень далекого и очень опасного путешествия, в которое я отправился вместе со своим другом Костей Малининым много-много лет тому назад. Отправился вместе с Костей, а вернулся один. И теперь уж всю жизнь буду один, совсем один...

Я закрыл лицо руками и заревел, заревел первый раз в своей жизни. Слезы бежали по щекам, по рукам, по шее и даже по животу. Сижую, реву, а слезы все бегут и бегут. Я даже удивился: откуда у человека может взяться столько слез? С другой стороны, если человек ни

разу в жизни не ревел, то у него за все время слезы вполне могли накопиться в таком большом количестве.

— Баранкин! Ты это чего разнюнился? — раздался совершенно неожиданно откуда-то сверху голос Кости Малинина.

СОБЫТИЕ ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ

Мы существуем!

— Костя, — сказал я, перестав всхлипывать и обливаться слезами. — Это ты?

— Я! — сказал голос Кости Малинина сверху, голос был глухой и далекий, словно он шел с неба.

— Ты уже... т-а-м?

— Где — т-а-м?..

— Ну где там, на т-о-м свете, что ли?

— На каком на т-о-м свете?.. Я на заборе, а не на том свете, чего это ты городишь?..

— Ну что ты меня, Малинин, обманываешь? Я же сам видел, как тебя съел стриж. А раз он тебя съел, то ты не можешь сидеть на заборе.

— Кого съел стриж? Меня?.. Он тебя съел, а не меня, я своими глазами видел.

— А я тебе говорю, он тебя съел!

— Как же он меня съел, если я живой и невредимый сижу на заборе? Открой глаза и убедишься!

— «Открой»! А если я боюсь?

— Чего ты боишься?

— Я глаза открою, а ты не существуешь, — сказал я и снова пролил целых два ручья слез.

— Хорошо, — сказал сверху голос Кости Малинина, — сейчас ты убедишься, существую я или не существую.

Вверху что-то завозилось, зашебаршило и затем прыгнуло мне на плечи.

Я свалился на землю и открыл глаза. Костя Малинин был жив, никаких сомнений и быть не могло. Он сидел на мне верхом, тузил меня кулаками и приговаривал:

— Ну как, существую я или не существую? Существую или не существую?

— Существоешь! — заорал я, и мы вместе с Костей покатались по траве, устланной желтыми листьями. — Костя Малинин из семейства Малининых существует!!! Уррра!!! Уррра!!!

— Значит, с-у-щ-е-с-т-в-у-е-м?

— С-у-щ-е-с-т-в-у-е-м, значит!

— А как мы с тобой существуем?

— Как люди!

— Как ч-е-л-о-в-е-к-и!

— Урра!!! — крикнули мы на радостях в один голос и снова бросились обнимать друг друга.

— Постой! Постой! — сказал я Косте. — Дай-ка я на тебя посмотрю...

— Да что ты, Юрка! — засмеялся Костя. — Что, ты меня раньше не видел, что ли?..

— Не видел! — сказал я. — Раньше я тебя не видел и ты меня тоже по-настоящему не видел... А главное, что я раньше сам себя не видел и ты сам себя не видел...

И мы стали молча смотреть друг на друга. Костя смотрел на меня, а я смотрел на Костю, и не просто смотрел, а рассматривал всего, с ног до головы, рассматривал, как какое-то потрясающее чудо природы. Некоторое время я, например, тараща глаза, разглядывал Костины руки, покрытые боевыми ссадинами и царапинами. Раньше я, конечно, ни за что бы не обратил внимания ни на свои, ни на чужие руки. Руки и руки... А сейчас я не мог оторвать от них глаз. Вот это да! Это вам не какая-нибудь муравьиная лапка или воробьиное крылышко! Вы тоже никогда не обращали внимания на свои руки? Нет, из ребят, может быть, кто и обращал внимание, а девочки определенно обращают внимание только на свое лицо.

А голова!.. Я на свою голову тоже раньше не обращал особенного внимания. Голова и голова... Есть на плечах, и ладно! Нахлобучишь кепку — и хорошо! Пофантазируешь — и довольно! А теперь, теперь... После всего-всего, что я пережил, уж я-то точно знал, что если руки человека — это чудо, то уж го-ло-ва — это самое расчудесное чудо из всех расчудесных чудес. Даже голова Веньки Смирнова — это тоже чудо. Только он еще не знает об этом, а во-вторых, не умеет этим чудом пользоваться. А таких, как Венька, на земном шаре может, наверное, много человек набраться. И в Америке

есть свой Венька Смирнов, и во Франции, и в Англии... И везде есть такие ребята, которые ни о чем не думают, и такие, которые думают совсем не о том, о чем надо думать, — такие тоже есть. Например, я и Костя Малинин! Но теперь-то я точно знаю, отчего это все происходит: оттого, что не все ребята знают о том, как это замечательно интересно — думать вообще и особенно думать о том, о чем нужно думать. Думать и соображать! И опять же не как-нибудь, так, инстинктивно, как говорится, по-муравьиному, а по-настоящему думать — по-че-ло-ве-че-ски!!!

Не знаю, сколько бы еще времени просидели мы с Костей вот так на траве, думая об одном и том же...

Мне Костя, конечно, не говорил, но я готов был дать голову на отсечение, я чувствовал, я слышал, честное слово, слышал, что Костя Малинин думает слово в слово о том же, о чем думаю я, но только в самый разгар наших размышлений с дерева на спину мне прыгнуло что-то пушистое и так вцепилось сквозь рубашку в искусанное муравьями, исклеванное воробьями тело, что я чуть не заорал.

— Муська! — закричал обрадованно Костя Малинин.

Конечно, это была она — наша Муська, та самая Муська, которая два раза хотела меня съесть, когда я еще был воробьем.

— Ага, Муська! — закричал я, отдирая Муську от своей спины. — Вот я сейчас с тобой за ВСЕ и рассчитаюсь! Муська! — Я хотел схватить ее за ухо, но мне помешал это сделать Костя Малинин.

— Ладно, Баранкин! — сказал Костя. — Прости ее на радостях, раз уж все кончилось хорошо!..

И здесь Костя, видно, так снова обрадовался, что все кончилось так хорошо и даже замечательно, что бросился на меня и стал обнимать изо всех сил. Потом я от радости обнял скамейку, ту самую скамейку, на которой мы сидели еще Т-О-Г-Д-А, потом я обнял забор, который стоял возле березы, а потом мы вместе с Костей обняли березу, ту самую березу, под которой стояла та самая скамейка, на которой мне первый раз в жизни пришла в голову мысль, что я, видите ли, устал быть человеком...

— Я их по всем дворам разыскиваю, а они с деревьями обнимаются! — крикнул Мишка Яковлев с ве-

лосипеда, влетая с Аликом неожиданно на своей машине во двор.

Потом за ними показались Зинка Фокина, Эра Кузякина и все остальные.

— Мишка! — крикнули мы с Костей в один голос, набрасываясь на Яковлева с двух сторон и заключая его в свои объятия.

От неожиданности Мишка выпустил руль, и мы свалились на землю. Я и Костя продолжали обнимать и целовать Мишку Яковлева и Алика Новикова.

— Да вы что, ребята? Вы с ума сошли? Мы же вчера только виделись! Ребята! Да что это вы, как девчонки прямо! — отбивались от нас и Алик и Мишка.

— Алик и Мишка! — сказал Костя Малинин со слезами на глазах, чмокая Яковлева в ухо. — А что здесь, без нас было!..

— Что было? Где было? — насторожился Алик.

— Что б-ы-л-о, т-о п-р-о-ш-л-о, — сказал я и так при этом посмотрел на Костю Малинина, что тот прикусил язык.

В это время нас окружили девчонки из нашего класса.

— Их, конечно, по всему городу ищут, — сказала Эра Кузякина, — а они, конечно, на траве валяются!..

— Баранкин! — сказала Зина Фокина. — Вы намерены, в конце концов, заниматься или нет?

— Зиночка! — сказал я. — Зиночка! — повторил я. — Если бы ты знала, Зиночка, к-а-к мы с Костей намерены з-а-н-и-м-а-т-ь-с-я!

— И заниматься, и работать! — сказал Костя и взял из рук Эры Кузякиной лопату.

А я взял лопату у Зины Фокиной.

— Баранкин! — сказала Эра. — А почему у вас с Костей вид какой-то ненормальный? И поведение тоже... — добавила она.

— Потому что потому!.. — закричал я.

— Ну, пошли, — сказал Мишка, — а то и так сколько времени зря потеряли!..

— Минуточку! — сказал я. — Ребята!.. Я должен вам всем сказать, что ЧЕЛОВЕК — ЭТО ЗВУЧИТ!

— Баранкин! — сказала Эра. — Ты говоришь неправильно! Нужно говорить: «Человек — это звучит гордо!»

— Ладно, Эрка! — сказал я. — Мы-то теперь уж лучше твоего знаем, как звучит че-ло-век! Верно, махаон?.. То есть верно, Малинин?

— Верно, Баранкин!

После этих слов мы с Костей снова сдавили Мишку с двух сторон в своих объятиях.

— Ну, — сказал торжественно Костя Малинин мне и Мишке, — поползли, значит?

С этими словами он на глазах у всех стал вдруг опускаться на четвереньки. Хорошо, что я успел вовремя схватить его за шиворот.

— Куда поползли? — спросил Мишка. — Почему поползли?

— Ну вот! — закричала Эрка Кузякина. — Они опять за какие-то свои штучки принимаются!..

— Малинин! — сказал я грозно вслух. И затем так же грозно изобразил на лице, чтобы он выбросил сейчас же из головы свои старые муравьиные замашки.

— Я хотел сказать: по-ле-те-ли! — сказал Костя и начал уже было махать одной рукой, словно крылом махаона. Хорошо, что я и на этот раз успел схватить его за руку.

Все, конечно, опять стали на нас смотреть, как на ненормальных. А я? Разве я мог им что-нибудь объяснить? Поэтому я крепко-накрепко сжал Костину руку и сказал многозначительно.

— М-а-л-и-н-и-н!.. — сказал я. — Чвик! Вычвик! То есть...

— Выдох! — сказал Костя Малинин. — Вдох-ох-ох!

И пусть ребята, как всегда, нас не поняли, но Малинин меня понял! И я его понял! И больше мы не сказали ни слова, потому что мы все втроем (я! Костя! и Мишка!) полетели заниматься. То есть мы не полетели, конечно, мы, конечно, побежали, но вместе с тем и как бы полетели.

На лестничной площадке я совершенно неожиданно столкнулся носом к носу с Венькой Смирновым. Помните его? Он еще стрелял в нас с Костей из рогатки, когда мы были воробьями. А когда были бабочками, то он нам хотел крылья оборвать!.. А когда были муравьями, то он муравейник наш разрушил!..

— Приветик! — сказал Венька, щурясь и прыгая сразу через две ступеньки вниз.

Я успел схватить его за рубаху и остановить.

— Ты чего? — спросил Венька.

— Вот чего! — сказал я, притягивая Веньку к себе и давая ему подзатыльник.

— За что? — спросил, щурясь, Венька.

— Не будешь в другой раз стрелять в меня из рогатки!

— Когда я стрелял в тебя из рогатки?

— Когда я сидел вон на той ветке! — Я показал рукой в окно на тот самый тополь, с которого меня и Костю чуть-чуть не сбил Венька из своей катапульты.

— Когда ты сидел на той ветке? Что ты городишь, Баранкин, какую-то чепуху?..

— Чеп-чеп-чепуху, говоришь? А двух воробьев на тополе помнишь?

Венька сощурился, соображая, как лучше ответить на мой вопрос.

— А это тебе за бабочек! Чтобы ты нам, то есть им, в следующий раз крылья не обрывал!.. А это за муравьев, чтоб лопатой в муравейник не тыкал...

Я дал Веньке два раза по шее, выхватил из его кармана рогатку с оптическим прицелом, сломал ее и бросился догонять Мишку с Костей.

— Баранкин! — донесся до меня снизу Венькин голос.

— Что тебе?

— А я так ничего и не понял все равно!

— Станешь ч-е-л-о-в-е-к-о-м, тогда в-с-е п-о-й-м-е-ш-ь! — крикнул я, перегнувшись через перила.

СОБЫТИЕ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ

Я хочу навеки быть человеком!

В этот день мы занимались с Яковлевым, наверное, часа четыре подряд. Когда Мишка в самый разгар занятий спросил нас: «Ребята, а вы не устали? Может, хотите отдохнуть?» — мы с Костей в один голос закричали на Мишку: «Нет, нет! Мы не устали! Что ты? Какой еще там отдых! Ты давай не отлынивай, Яковлев!» — «Я не отлыниваю», — сказал пораженный Мишка

и стал объяснять нам следующую задачу, потом он повторил с нами пройденное, потом объяснил еще одну задачу, потом устроил нам с Костей набольшой экзамен, потом он положил голову на стол и сказал хриплым шепотом, что больше он с нами заниматься не может, потому что он уже сорвал голос и вообще совершенно выбился из сил.

Тогда мы взяли лопаты и пошли с Мишкой в сад сажать деревья. Физический труд — лучший отдых после умственного напряжения.

Когда мы выбежали во двор, то увидели Алика. Он все это время сидел на лавочке и караулил, чтобы мы не сбежали. Вот чудак! Узнав, что мы добровольно идем работать в сад, он вытаращил глаза и побежал следом за нами, щелкая на ходу фотоаппаратом. В саду нам сажать ничего не пришлось — все деревья были посажены. Тогда мы стали их поливать, а Алик опять все время таращил на нас глаза и щелкал фотоаппаратом. Потом мы вернулись опять ко мне домой и занимались до тех пор, пока и Мишка и Костя не устали окончательно.

Когда Яковлев и Малинин разошлись по домам, я все еще продолжал сидеть над учебниками и заниматься самостоятельно. Самостоятельно я занимался до тех пор, пока не заснул за столом. Как я очутился в постели, я не помню, наверное, в постель меня перенес отец. Зато проснулся я на следующее утро сам, и так рано, что все еще спали. Я с-а-м застелил аккуратно постель, тихо позавтракал, собрал учебники, на цыпочках вышел из дома и побежал в школу. Сегодня я должен был, я был о-б-я-з-а-н прийти с-е-г-о-д-н-я в школу самым п-е-р-в-ы-м!

Так я и сделал. Я явился в школу тогда, когда все мои одноклассники еще крепко спали в постелях — и Зинка Фокина, и Мишка Яковлев, и Алик Новиков, и Костя Малинин, — ну, этот-то, наверное, спит без задних ног! Один я из всего класса не спал. И не только не спал, а уже был в школе часа за два до начала занятий. Так рано, вероятно, еще ни один ученик в жизни не приходил в школу. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что по противоположной дорожке к школьному крыльцу за кустами сирени тоже крадется чья-то фигура. Я остановился. Фигура тоже остановилась. Я сделал три шага к школе, и фигура тоже сделала три шага.

Я стал подкрадываться к входной лестнице, и фигура стала подкрадываться. Я высунулся из-за куста, и фигура тоже высунула свою физиономию. Мы долго молча смотрели друг на друга, наконец мне надоело молчать.

— Малинин! — сказал я.

— Ну?

— Ты чего это так рано появился в школу?

— А ты?

— Я т-а-к п-р-о-с-т-о... А ты?

— И я т-а-к п-р-о-с-т-о...

— Понятно! — сказали мы вместе.

Тихо, стараясь не шуметь, мы с Костей поднялись одновременно по каменной лестнице и приникли лицами к холодному и мокрому от росы дверному стеклу и стали молча ждать, когда нас пустят в н-а-ш-у ш-к-о-л-у.

Мы стояли молча, не глядя друг на друга, стояли и просто ждали, даже не подозревая, что ровно через два часа начнутся такие удивительные события, события, которые потрясут не только весь наш класс, но и всю школу.

Во-первых. Ровно через два часа и десять минут меня вызовет к доске Нина Николаевна, и я буду ей рассказывать все, что я знаю о жизни бабочек. И Нина Николаевна мне скажет: «Юра Баранкин! Жизнь бабочек ты знаешь очень хорошо. Садись! Молодец! Когда ты отвечал, мне даже показалось, что у тебя за спиной выросли крылья!..» После этих слов весь класс так и покатится от смеха, и только мы с Костей не улыбнемся и будем сидеть за партой серьезные-пресерьезные.

Во-вторых. Через два дня мы с Малининым Костей исправим по геометрии двойки на четверки.

В-третьих. Через три дня Зинка Фокина заявит во всеуслышание, что будто бы мы с Костей, по ее мнению, заболели какой-то загадочной болезнью и что это у нас, вероятно, скоро пройдет.

В-четвертых. Еще через несколько дней Зинка Фокина вдруг почему-то перестанет при каждом удобном случае говорить мне: «Баранкин, будь человеком!»

В-пятых. Дней через пятнадцать мой отец будет, как всегда, проверять мой дневник, и первый раз за всю жизнь он при этом ничего мне не скажет и только удив-

ленно пожмет плечами и молча переглянется с мамой.

В-шестых. Ровно через месяц директор нашей школы Василий Васильевич Туркин...

Впрочем, об этом, пожалуй, говорить еще рано, ведь это случится через месяц, а сейчас еще прошло только десять минут, всего десять минут, как мы стоим с Костей на школьном крыльце, просто стоим и ждем, когда же наконец-то откроется дверь и нас пустят в школу, в н-а-ш-у ш-к-о-л-у.

КНИГА ВТОРАЯ
СВЕРХПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВЕРХКОСМОНАВТА

Двадцать воспоминаний
Юрия Баранкина

о себе самом,
написанные им самим

РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В ШКОЛЬНОМ ПОРТФЕЛЕ

Вместо предисловия

Была весна. Я закончил работу над романом для взрослых. У меня было распрекрасное настроение. Я оделся и вышел на улицу. В марте бывают такие дни, когда власть переходит то в руки весны, то зима перейдет в наступление, запуржит, но в этот день зима как раз отступила в тень заборов и зданий, в Тимирязевском парке среди деревьев попряталась.

Я направился к парку, напевая себе под нос, и, остановившись возле сугроба, осевшего от солнца, стал думать о том, какую книгу буду писать. Но я думал об этом совсем недолго, меня заинтересовал сугроб, вернее, не сам сугроб, а то, что из него торчало, а торчало из сугроба что-то похожее на школьный портфель. Согласитесь, что не так уж часто в жизни из сугробов торчат школьные портфели, да еще не совсем старые, а вернее, совсем не старые.

Я подошел поближе, разгреб снег и, ухватившись за ручку портфеля, вытащил его из снега и потряс, как бутылку, будто бы ждал, что внутри портфеля что-то забулькает. Содержимое портфеля молчало, но я чувствовал по весу, что в нем что-то есть. «Может быть,— думал я, вспоминая поговорку: «Случай редок, но щедр»,— может быть, это и есть тот самый щедрый случай, который так редко выпадает на долю писателя».

Присев на лавочку, я долго возился с заржавленным замочком портфеля. Наконец открыв застежку, заглянул внутрь и, увидев целую стопку школьных тетрадок, извлек их на свет. Сначала я подумал, что это обыкновенные ученические тетради по русскому, алгебре, геомет-

рии, заброшенные в сугроб вместе с отслужившим свой срок портфелем, но, перелистав странички, я даже присвистнул от любопытства. Все тетради были исписаны буквами на каком-то непонятном мне языке, хотя буквы в словах были все русские. От долгого лежания под снегом строчки расплылись, буквы потеряли свое очертание, было трудно разобрать, то ли это «г», то ли «ч», то ли «ш», то ли «щ». Судя по нумерации, многие страницы были вырваны или потеряны.

Первая страница выглядела так:

Эсчщшая эмг энчсгря юкшчл мкгчмлэпэяль ечтпэу-
уплпнпскогнз юсюкшчлопнкерпмяспгланкршрпчяшярфг
фауяу кэфшфлг млярк пшфр фхвл фз опэыз фхнчеф
муяхяррпфсрпб щшглп упщия лпочншущелпопопэ-
пшх ечщплп шпнпщфчлпэянфгф оплпсуфркфупрчerp
мпэнчсрр.— фуф азяшптцчрмряятп пьюмрфль опес-
каочнэфф рякчстч егшпхчсономфоф мэ нум нчдфт
ряофмяль п мчюч эпмомсфрярфа шчтп элпс елп а хя
мэмбцфхрь очнчефлят нерь српщп урфщпцфхрфхясче-
ялчтьрызтбшчф ляу српб онпефлярп ряонфсчн...

От одного вида страницы мое сердце застучало учащенно, вероятно, как у археолога, обнаружившего впервые египетские настенные надписи, или клинопись, или загадочные письма племен майя. Что таилось за всем этим, уже расшифрованным, люди знали, а что таилось за таким набором таинственных даже не словосочетаний, а буквосочетаний?.. Что скрывалось вот, например, за таким перепутанным алфавитом: эмчщияэпэмч энчсуря, юкшкл?

Загадочно сочетающиеся буквы: «энчщияэп...» — покорили мое воображение. «ЭМЧ! ЩШ! ЯЭП! ЯЭП!» — проговорил я, бережно опуская тетради в портфель и с усилием замыкая проржавевшие замочки. «Сейчас направляюсь к дому, сейчас сяду за стол, расшифрую тетради,— легкомысленно подумал я,— и... и что... И то!..» Что станет мне ясно?.. Я не знал, что станет мне ясно, я шел и думал: вот кто-то, какой-то мальчишка, ну, конечно, мальчишка, не девчонка же. Будет девчонка зашифровывать десять или сколько там тетрадей. Итак, какой-то мальчишка зашифровал. Что мог он зашифровать?.. Первую мечту?.. Первое чувство?.. Первое! Я еще не знал, что первое... Но, конечно, это было что-то первое, наверное, важное и, конечно, секретное. А может, это дневник, который откроет мне после

расшифровки какую-нибудь интересную и яркую личность. И с этими мыслями я поднялся к себе в квартиру...

Моя надежда, что я сразу же разберусь в этих загадочных «ЭМЧ-ах» и «ЯЭП-ах», рухнула примерно через полчаса. Не помогло и зеркало, которое я приставлял к тетради, думая, что текст зашифрован так, как были когда-то зашифрованы дневники Леонардо да Винчи — он записывал свои мысли таким способом, что их можно было прочитать лишь при зеркальном отражении. Может, автор загадочных тетрадей приставлял к слогам знакомых слов какие-нибудь буквы для искажения смысла или даже несколько букв, но эта догадка мне тоже не помогла. На другой день после бесплодно проведенной ночи я уже втянул в разгадку тетради всех своих знакомых, показывая им переписанные мной отрывки, но, увы, тетради молчали, никто не мог ухватиться хоть бы за ниточку расшифровки.

— Да розыгрыш все это,— сказал мне один приятель,— это композитор Суесловский тебя разыгрывает, нарочно написал как придется, какими хочешь буквами и подобрал тебе, а ты голову ломаешь.

Неправда, буквы жили, дышали. За буквами шло чье-то существование, я это ощущал, чувствовал. Помощь пришла неожиданно: другой мой приятель показал зашифрованный текст одному полковнику в отставке, он служил в Отечественную войну шифровальщиком, и тот тоже не сразу, но нашел разгадку этого, как он выразился, «кроссворда». Вся трудность оказалась в простоте шифровки.

— А парень голова,— сказал мне полковник по телефону,— молодец. Я такого простого и загадочного шифра еще в жизни не встречал. Прямо школа Леонардо да Винчи.

После телефонного разговора ключ шифра был у меня в руках. Он действительно до великого прост: нужно было взять алфавит и написать столбиком все буквы от «А» до «Я», а потом взять этот алфавит и еще раз его написать от «Я» до «А», только теперь начиная с буквы «Я». Таким образом, все буквы первого алфавита в словах заменены буквами «Я», вместо букв «Б» — буква «Ю» и т.д. и т.п. Исписав двумя столбцами алфавита бумагу, я достал из письменного стола стопку таинственных тетрадей и углубился в их расшифровку...

Как пишут в книгах: прошло несколько месяцев...

И когда последнее слово было расшифровано, то на столе передо мной лежали... что бы вы думали? Дневники? Нет, не дневники! Описания первого чувства? Нет. Передо мной лежали воспоминания. Да-да, воспоминания! И не старичка пенсионера, или пожилого человека, или даже просто взрослого. Это были воспоминания мальчишки — Юрия Иванова. Воспоминания о себе самом и написанные им самим. Нет, не обмануло меня мое чутье, и рукопись, найденная в школьном портфеле, оказалась очень интересным материалом.

Конечно, кроме расшифровки мне пришлось крепко ею позаниматься, как говорится, дать ей литературную обработку, но и только. За автора я ничего не дописывал. Там, где были вырваны страницы или безнадежно зачеркнуты целые куски текста, я их не дописывал и не додумывал за автора. Мне кажется, что Юрий Иванов, по тому как он сам вспоминает о себе и мыслит о своем будущем, представляет большой интерес.

Кстати, я долго размышлял, как назвать всю эту историю, и очень пожалел, что на экранах наших кинотеатров уже шла кинокартина, которая называлась «Воспоминание о будущем». Пожалел, потому что все, что описано в тетради Юрия Иванова, в самый раз было бы назвать «Воспоминания о будущем Юрия Иванова», или «Сверхприключения сверхкосмонавта» тоже неплохо, потому что «сверх» — это любимое слово автора зашифрованных тетрадей.

Итак, на этом я заканчиваю свою речь и передаю слово Юрию Иванову и его повести, которую смело можно назвать «СВЕРХПРИКЛЮЧЕНИЯ СВЕРХКОСМОНАВТА».

Часть первая
СВЕРХПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВЕРХКОСМОНАВТА
ВОСПОМИНАНИЕ ПЕРВОЕ

Воспоминания о воспоминаниях

Всегда, во все времена будет существовать человек, которому будет поручено самое трудное задание, и я, как увидите, стану одним из этих первых! (Из речи, сказанной мною где-то, когда-то, перед кем-то, по поводу чего-то.)

Дорогие товарищи потомки, ну и, конечно, современники! Я вам должен сначала объяснить, почему я, первый на земле чедоземпр, псип и сверкс, решил написать о себе воспоминания: дело в том, что я за свою жизнь перечитал очень много книг о жизни замечательных людей. Мною прочитана, например, вся литературная серия, которая так и называется: «Жизнь замечательных людей». Кроме этих книг, я прочитал еще сиксильен всяких воспоминаний. Среди них больше всего люблю книгу про Александра Александровича Любичева. Там рассказывается про его жизнь. А в его жизни очень много общего с моею. Он тоже был один против всех. Он нападал. Я тоже. В общем, есть что вспомнить и ему, и мне... Только я прошу меня понять правильно, я пишу о себе, о Юрии Иванове, воспоминания не из какого-нибудь там тщеславия или чего-нибудь в этом роде. Я пишу, желая облегчить в будущем работу историков, которые начнут собирать материалы о моей жизни: где был, что говорил, просим всех, знавших Юрия Иванова, прислать в Центральный архив управления «Чедоземпр-псип-один» все, связанное с жизнью знаменитого чедоземпра, известного псипа и единственного в мире сверкса.

К мысли написать о себе воспоминания я пришел простым путем. Дело в том, что я вообще не люблю художественную литературу, я люблю только учебники, научное и всякое «вспоминательное» чтение, или, как говорят взрослые, мемуары. Кроме трудов по космонавтике, я люблю читать Большую советскую энциклопедию. Я ее знаю наизусть, у меня вообще-то удивительная и, может быть, даже уникальная память. Мне достаточно один раз прочесть страницу, чтобы запомнить на всю жизнь, только я это от всех скрываю, правда, иногда, чтобы всех озадачить, устраиваю, например, такой цирк. Подходит ко мне, скажем, Маслов и говорит:

— Ну, Угрюм-башка (он мне такое прозвище дал), скажи мне, кто такой Рыльке?

— Какой Рыльке? — начинаю я строить из себя дурачка. — Который из девятого класса?

— Не из девятого, — поправляет меня Маслов, — а из Большой советской энциклопедии.

— А! Из Большой. Так бы и говорил, что из Большой... Рыльке... Это, — говорю я, как бы вспоминая, — Рыльке — это Станислав Данилович, родился в 1843 году, умер в 1899 году; русский геодезист и астроном.

Генерал-майор. Известен работами по вопросам земной рефракции и нивелирования. В 1898 году предложил оригинальную теорию земной рефракции, учитывавшую возмущающее тепловое воздействие почвы.

После моей справки все разевают рты, естественно, и кто-нибудь тихим от удивления голосом спрашивает:

— А «все или ничего» — закон?

Я отвечаю:

— «Все или ничего» — закон в физиологии — ложное положение, согласно которому возбудимая ткань (нервная и мышечная) в ответ на действие раздражителей якобы или совсем не отвечает реакцией, если величина раздражения недостаточна (ниже порога), или отвечает максимальной реакцией, если раздражение достигает пороговой величины; с дальнейшим увеличением силы раздражения как величина ответной реакции, так и длительность ее протекания якобы не меняются... — и пошел я, и пошел.

В энциклопедии объяснение довольно большое, поэтому я решил его договорить все до конца, а Кашин заткнул уши и заорал:

— Не надо «все»! С меня хватит и «ничего»!..

Но это я отвлекся, о чем я вспоминал?.. Ах, да, я вспоминал о том, что я люблю воспоминания великих людей. Но вот какую странность я заметил: в этих воспоминаниях чаще всего пишут о себе не сами великие люди, а те, кто их знал или о них слышал, иногда пишут и сами великие люди, но обычно в старости. Вообще я убежден, что о таких людях, как я, надо писать мемуары как можно раньше (с первого дня рождения желательно). И не только писать, но и почаще фотографировать, а воспоминания, я повторяю, должен писать сам, — я настаиваю на этом, — сам воспоминаемый. А то попросите других, вот, например, моих соучеников, что они стали бы обо мне писать для Истории? Вы знаете, сколько у меня врагов?.. Я подсчитал: сто семнадцать человек, нет, сто шестнадцать, мама у меня друг, а папа — враг.

Одним словом, кто меня знал, тот меня и ненавидел, повторяю, кроме моей мамы. Только доверься моим врагам, в том числе и моему папе! И вообще, я бы не всем разрешал писать воспоминания обо мне, даже моему папе. Возьмем наш класс, всех его учеников. Предложите им написать обо мне. Я убежден, что эти воспоминания начались бы так:

«...Нам даже и вспоминать не хочется этого типа Иванова, но уж если Истории хочется, чтобы мы вспомнили, то пожалуйста. Ну, во-первых, какая у него была внешность?..

Здесь посыплются реплики:

— А бог его знает...

— Он такие гримасы строил, что его лицо и разглядеть-то нельзя было!..»

Кстати, в тот исторический день, с которого я окончательно решил начать писать о себе воспоминания, я сидел в пустом классе и думал: неужели же я не доживу до той поры, когда люди будут судить о других не по поступкам, а по мотивам поступков, потому что если обо мне судить только по поступкам, не думая о том, какие мотивы толкнули меня на это, то получится, быть может, совсем другое впечатление. Сами посудите, у нас с начала учебного года заболела Алла Астахова, староста нашего класса. На ее должность временно назначили ученика нашего класса с двойной фамилией. У нас есть такой ученик Кириллов-Шамшуринов. Вообще-то он всегда рвался быть старостой нашего класса, но его почему-то не выбирали раньше. А тут Алла заболела, и ему, конечно, поручили быть временно старостой. При Алле Астаховой наш класс был вполне приличным классом. А когда ее заменил Кириллов-Шамшуринов, то он, вероятно, решил из нашего класса сделать что-то образцово-показательное. При Астаховой у нас было так: ребята потихоньку разговаривали на уроках или даже писали друг другу записки. А Кириллов-Шамшуринов решил, чтобы ребята не разговаривали и записки тоже не писали. Поэтому он однажды подошел ко мне и сказал:

— Слушай, Иванов, ты все можешь... Как мне сделать так, чтобы ребята на уроках не переговаривались и не писали друг другу записки?

Я, даже не думая, сказал, что это очень просто.

— Научи меня,— попросил Кириллов-Шамшуринов.

— Пусть все ребята учат азбуку Морзе. И если кому-нибудь надо будет что-нибудь передать в классе во время урока, то пусть он поморгает тому, кому нужно, по системе Морзе. Прimitивно и бесшумно.

— Ты гений! — сказал мне Кириллов-Шамшуринов и пошел к ребятам делиться моим изобретением, выдав его, кстати, за свое.

Ну разве я думал, что советую Кириллову-Шамшури-

ну плохое? Разве я знал, что ребята воспользуются этим в своих интересах и самым невероятным способом?!

Вскоре в классе действительно наступила мертвая тишина, такая мертвая, какой не было при Алле Астаховой. Зато какие бесшумные разговоры начались! Каждый передавал азбукой Морзе другому все, что ему в голову взбредет. И кончилось тем, что стали просто подсказывать друг другу на уроках. Успеваемость поднялась, все стали четверки и пятерки получать. Кириллов-Шамшурин был произведен в герои. Если бы не наша биологичка Анна Петровна, то я вообще не знаю, чем бы все это кончилось. Но Анна Петровна, оказалось, была когда-то на фронте радисткой и очень быстро разобралась в обстановке. Очень быстренько разоблачила всю эту историю. Тут Кириллова-Шамшурина взяли, конечно, за жабры и, конечно, спросили, как он только додумался до этого? И тут, конечно, Кириллов-Шамшурин все свалил на меня. Дня три тому назад в школе был скандал по этому поводу. Меня вызывали к директору, и всю эту историю записали в дневник... в мой.

Я всегда задумывался, почему у людей бывает двойная фамилия? Не знаю, как в других случаях, но в этом случае с Кирилловым-Шамшуриным была двойная фамилия, наверное, потому, что в нем жили два человека: Кириллов и Шамшурин.

Я, товарищи потомки, вообще-то не уделил бы этой истории своего драгоценного времени ни секунды, тем более на запись в дневнике. Но к Кириллову-Шамшурину я все-таки подошел и сказал:

— Ну, признавайтесь, Кириллов-Шамшурин,— сказал я,— признавайтесь, кто из вас двоих меня предал? Кириллов или Шамшурин?..

И еще я ему передал привет от змей.

Он очень удивился и спросил:

— От какой еще змей?

— Информировать,— сказал я.— На мясной рынок одного Бирманского города, что стоит у одного из притоков дельты реки Иравади, охотники доставили редкостный экземпляр выловленного в джунглях питона длиной более пяти метров. Один горожанин, сжалившись над судьбой такого красавца, которому предстояло быть проданным на мясо, выложил запрошенную цену и отправился на окраину города, чтобы выпустить змею на свободу. Но не успел он открыть крышку корзины,

как хозяин джунглей мощными кольцами обвил шею и плечи незадачливого натуралиста. С трудом спасли его вовремя подоспевшие прохожие... Знаешь, в чем у тебя сходство со змеей? — спросил я Кириллова-Шамшурина.

Но он вместо ответа быстро побежал по коридору и скатился вниз по лестнице. А я побрел к себе в класс и сел за парту.

— Вообще-то этот прием передачи мыслей на расстоянии с помощью радиоазбуки Морзе я готовил для себя, вернее, для инопланетных путешествий: я думал, что во время разговора с инопланетянами, если мне нужно будет что-то незаметно сказать своим, то я и поморгаю им свою мысль.

Не все же можно будет говорить инопланетянам. И потом, может, не все инопланетяне будут к нам хорошо относиться, может быть, среди инопланетян тоже есть такие, вроде Кириллова-Шамшурина. Вот видите, товарищи потомки, как все получается: мотивы у меня были самые хорошие, когда я давал совет Кириллову-Шамшурину, а поступок получился совсем не таким, каким был мотив этого поступка.

А вчера я сорвал урок пения. Сначала я несколько раз сбежал с урока, а когда сбежать не смог, то сорвал, чтобы меня учительница больше не заставляла даром терять время. Ну зачем, скажите, пожалуйста, заниматься мне тем, чем я никогда не буду заниматься? Обо мне петь будут, а я никогда... Это раз! Во-вторых, я, например, могу попасть в милицию за то, что торгую цветами, то есть я сам не торгую, а помогаю одной старушке торговать за небольшое денежное вознаграждение. Моя подготовка под кодовым названием «Чедоземпр-пси-п-сверкс» требует больших тайных денежных расходов, и я трачу на нее все карманные деньги, которые мне дают мои родители. Если я буду просить дополнительную сумму, то начнутся расспросы: да зачем тебе, да к чему, да деньги портят человека. Мы тебе и так много даем! Поэтому я вынужден зарабатывать деньги своими силами, но я же в милиции тоже не смогу рассказать, по каким мотивам я, вместо того чтобы заниматься чем-нибудь полезным, занимаюсь цветами. (Это я-то вместо того чтобы заниматься чем-нибудь полезным...)

Вот так, значит, я сидел и думал о сорванном мною уроке пения и о своей торговле цветами. В это время в со-

седнем классе раздался шум и знакомые мне голоса продолжали, по-видимому, давно начатый разговор. Уж не обо мне ли идет речь? Прислушался и тут же убедился, что речь шла как раз обо мне. И о том, что со мной в последнее время происходит!..

ВОСПОМИНАНИЕ ВТОРОЕ

Что такое ПСИП-1?

Интересно, интересно, что же это со мной в последнее время происходит? Я подошел ближе к стене, разделяющей классы. Спорили долго, но все споры можно было свести к четырем версиям. Борис Кутырев — есть у нас такой тип в классе, тип с сатирическим уклоном, писателем хочет стать, сатириком, вроде Гоголя или Салтыкова-Щедрина, — так вот он, этот Гоголь-Моголь, заявил, что я, по его мнению, попал в дурную компанию. Этому Кутыреву везде дурные компании мерещатся. Вера Данилова после долгих меканий сказала, что, по ее мнению, я влюбился и поэтому выкидываю всякие такие фокусы, какие выкидывают все влюбленные. Лев Киркинский (с натуралистическим уклоном) заявил, что просто меня какая-то муха укусила и он постарается выяснить, какая это муха меня укусила. А Маслов, этот будущий космонавт! Будущий космо-ха-ха-ха-навт изрек, что я просто с отклонением. Ну, ну, доверьте этим, с позволения сказать, землянам воспоминания обо мне!

Маслов хотел, очевидно, подробнее объяснить, почему он меня считает с отклонением, но его оборвал Колесников (тот самый Колесников, что увлекается антологиями всевозможных таинственных случаев). Колесников оборвал его и сказал:

— Вы со своими детскими лекциями меня просто поражаете: попал в компанию, влюбился, муха какая-то укусила или что Иванов с отклонением. Глупости вы все говорите. Дело, по-моему, гораздо серьезнее, чем вы думаете.

— Ты, Колесников, свидетель минувших эпох, — сказала Алла Астахова, староста нашего класса. Алла у нас с газетным уклоном, поэтому очень любит выражаться какими-то заголовками. — Ты, Колесников, себя сразу расшифровывай, а не тяни.

— Пожалуйста, я могу не тянуть, я могу вам прямо сказать: Юрий Иванов — это не Юрий Иванов, то есть это не тот Юрий Иванов, за которого мы его принимаем.

За стеной поднялся какой-то невероятный шум, и ни одного слова больше нельзя было разобрать. Потом снова наступила тишина, и Колесников продолжал:

— Мне кажется, что вместо нашего Юрия Иванова кто-то подсунул другого Иванова.

— Кто это нам подсунул другого Иванова? — спросили за стеной.

— Ну кто нам может подсунуть другого Иванова? — переспросил сам себя Колесников. — Другого Иванова нам могут подсунуть только инопланетяне. Я убежден, что однажды темной ночью они на неопознанном летающем предмете приблизились к нашей Земле, спустились на нее, похитили Юрия Иванова, а вместо него оставили нам его двойника. Поэтому и удивляться ничему не приходится...

За стеной снова забушевал шум, пока его не оборвал голос Сергея Жарикова. Он у нас самый рассудительный парень, с физико-математическим уклоном. Жариков сказал:

— Ну, знаете, вы, вообще, знаете, договорились до бог знает чего: от полета мухи до полета неопознанного летающего предмета!

— Да, пришелец он! Пришелец! — крикнул Колесников. — Пришелец с летающей тарелки!

— «Пришелец»! — передразнил Колесникова Жариков. — На днях в Америке вышла книга, автор которой совершенно математически доказал, что никаких неопознанных летающих предметов около нашей Земли не появлялось — это раз, а два — не такой Юрий Иванов, чтобы его можно было увезти в летающей тарелке. Если бы на Землю прилетел даже целый летающий сервиз, то и он бы не справился с Юрием Ивановым.

— Так в чем же дело? — спросила Алла Астахова. — Что будет на следующей станции?

— На следующей станции? — заговорил Жариков. — Вы, конечно, знаете, что я вундеркинд. Объясню: вундеркинд — это такой молодой человек, который опережает своих сверстников в развитии умственно на года три-четыре. Так вот... Если я вундеркинд, то кто же такой Юрий Иванов, ведь он же меня в своем развитии опережает года на 33!.. Вот в чем загадка! Как ему удает-

ся опережать нас всех на 33 года? Что это такое? Трюк? Феноменальные способности? За счет чего он опережает и где он берет время опережать всех нас? И клянусь вам, что я эту загадку разгадаю, где он берет время.

— Ладно, Жариков, — сказала Астахова, — у нас у каждого своя версия. Предлагаю каждому, кто остановился на своей версии, проверить ее, и ты тоже, Жариков.

Даже представить нельзя, товарищи потомки, что могли обо мне навспоминать эти жалкие ченеземпры. Дочитайте мои мемуары — поймете. А позавчера я обнаружил в кармане курточки сложенный вчетверо листок бумаги. Когда я его развернул, то увидел, что весь листок исписан... чем бы вы думали? Тем, что я ненавижу больше всего на свете... Да-да, стихами... Сти-ха!-ха!-ха-ми! Вот полюбуйте, что я обнаружил в своем кармане:

Давным-давно когда-то,
Закованные в латы,
Съезжались рыцари на бой.
Но вдруг один сказал: «Постой!
Хочу смотреть в глаза людей,
В глаза избранницы моей,
Хочу в глаза смотреть судьбе,
Тебе, мой враг, в глаза тебе!»

Идешь на бой,
Лицо открой! —
Вот смелости начало,
Своей рукой
Над головой
Я подниму забрало!

Прошло веков немало
С эпохи феодалов.
Забыты латы и мечи,
Но повторяют смельчаки:
«Хочу смотреть в глаза людей,
В глаза, избранницы моей,
Хочу смотреть в глаза судьбе,
Тебе, мой враг, в глаза тебе!»

Идешь на бой,
Лицо открой! —
Вот смелости начало,
Своей рукой
Над головой
Я подниму забрало.

Прислали человеку, у которого из-за его сильной программы самообучения весь день занят и расписан до секунды — смотрите мой бортжурнал¹, — прислали мне сти-

¹ Между прочим, никакого бортжурнала в портфеле, к сожалению, я не обнаружил! (Примеч. автора).

хи. И главное, я их был вынужден прочитать и даже записать первый раз в жизни и первый раз в бортжурнал. «12.30 — 12.35 — читал стихи. 12.35 — 12.40 — думал о том, зачем и кто их мог мне прислать!» Нет, стихи — это явная провокация. Явная провокация, только зарифмованная. И она может быть истолкована вами, потомками, совершенно неправильно, к а к неправильно — это я потом напишу. Пока скажу так: конечно, лучше, чтобы ченеземпры меня и не вспоминали, но не вспоминать обо мне совсем нельзя. Ведь мои младенческие годы и так остались незаписанными; что я говорил в три годика, о чем думал, о чем мечтал — не помню. Ни папа, ни мама не догадывались записать хоть что-нибудь. Вот вам и результат, значит, уже какая-то часть моей жизни осталась в лапах времени. Я у кого-то читал: что записано, то вырвано из лап времени. Только, товарищи современники и потомки, не подумайте, будто я собираюсь вести какой-нибудь там дневник или что-то в этом роде, какие пишут обычно девчонки или которые обычно советуют писать безвольным людям. Я читал недавно один детский журнал, впрочем, что это я пишу какие-то глупости про себя? Читал?! Не читал я этого журнала, а так, просматривал. Так вот в этот журнал одна девчонка письмо написала: что, мол, делать? Как избавиться от безволия? Ей в журнале отвечают так: этот вопрос, мол, серьезный, он волновал еще и Льва Толстого, который в юношеском дневнике тоже упрекал себя в слабости и искал способ укрепить волю. Ну, а дальше девчонке дали ряд советов, и среди них — вести дневник. Он, мол, поможет ей сформировать волю и характер. Дневник, мол, — это в первую очередь разговор о самом себе: так ли, мол, живу, как надо?.. Ну и так далее и тому подобное. Мне, конечно, смешны презируемые мною ченеземпрские советы. Надо сказать, что я все человечество делю на две части — на ченеземпров и чедоземпров. Ну, потомки будут с моей помощью знать, что такое ченеземпры и чедоземпры, а вот современники, может, и не успеют познакомиться с объяснением этих слов, потому объясняю: ченеземпр — это человек, недостойный земного притяжения, а чедоземпр — это человек, достойный земного притяжения. К ченеземпрам я отношу, ну, во-первых, всех до одной девчонок, поголовно, всех до одной без исключения. И мальчишек, не всех, конечно, а всяких там лириков и прочих. Их я тоже отношу к ченеземпрам, а остальных,

очень немногих, я называю чедоземпрами. А чтобы вы поняли и разделили мое отрицательное отношение к девчонкам, я прилагаю к своим воспоминаниям заметку Всемирного фонда охраны природы, которая появилась в Париже по поводу деятельности Кристиана Диора, этого всемирно известного законодателя мод.

«Законодатель парижских мод Кристиан Диор был недавно публично обвинен в том, что его деятельность наносит серьезный ущерб животному миру не только Франции, но и других стран. Это обвинение содержалось в открытом письме, направленном на его имя руководством Всемирного фонда охраны природы. Появление каждый год с легкой руки Диора все новых и новых моделей всевозможных изделий из меха, шуб, а также плащей из натуральной кожи ведет к тому, что вследствие хищнического истребления на потребу моде некоторых разновидностей редких млекопитающих они могут вскоре вообще исчезнуть с лица Земли».

Представляете: могут исчезнуть с Земли!.. А может, и в скором времени исчезнут по вине девчонок, которые, я знаю, все до одной модницы... Хотя, впрочем, должен взять несколько слов обратно. Дело в том, что, пожалуй, не все до одной — например, в нашем классе учится Аня Брунова. Она у нас с литературным уклоном, будущий писатель: сказки сочиняет, рассказы, один ее рассказ даже в каком-то журнале был напечатан. Но больше всего она любит сочинять сказки, она у нас в школе на вечерах самодеятельности всегда исполняет разные небылицы собственного сочинения.

Кстати, это, может быть, именно она и напишет обо мне роман из какой-нибудь вновь открытой серии, вроде «Сверхжизнь сверхзамечательных»!..

Ну и как вы считаете: Анна Брунова из нашего класса человек, достойный земного притяжения? Хотя мне и неприятно произносить это, но я первый сказал громко про себя: «Да! Достойна!»

А насчет земного притяжения вообще тут объяснять нечего. Ведь земного притяжения достойны немногие люди, но больше всех земного притяжения достойны мы, псипы, первым и пока единственным представителем которых являюсь я — Юрий Иванов. Теперь я должен объяснить вам, что же это такое — псип. Такого человека пока нет, но будет. Будет человек. Он, как птица, без всяких самолетов, просто, взмахнув руками, будет взмывать

в небеса, с неба будет нырять в море и плыть под водой, как дельфин, со скоростью семидесяти километров в час, затем выпрыгнет на берег, как летающая рыба, и помчится по земле со скоростью гепарда. Гепарда... Одним словом, у природы он должен перенять все самое ценное: даже под землей обязан проползать, как проползают кроты.

Внимание! Внимание!
Слушайте, народы!
Человек — природы Властелин.
Он — Полное Собрание
Изобретений Природы,
Или, сокращенно, ПСИП-1.
Если можешь, как птица, взлететь
И летать над землей своей,—
Ты должен локации иметь,
Как у летучих мышей.
Внимание! Внимание!
Слушайте, народы!
Человек — природы Властелин.
Он — Полное Собрание
Изобретений Природы,
Или, сокращенно, ПСИП-1.

Теперь о том, почему я зашифровал мои воспоминания. Ну, во-первых, скромность, она, как говорится, тоже украшает человека; во-вторых, писать воспоминания — самое, может, и время, а читать их, может, еще и рано; и третье — из соображения секретности. Сами понимаете, каждой стране хотелось бы иметь такого человека. Цитирую сам себя: «Всегда, во все времена будет существовать человек, которому будет первому поручено самое трудное задание!!!»

Так что из соображений секретности, я бы подчеркнул — совершенной секретности, можно даже считать, из соображений военной тайны, я решил закодировать мои воспоминания. Как сказал я однажды самому себе: «Есть, товарищ Иванов, летчики-испытатели, которые испытывают самолеты, вы же, товарищ Иванов, испытываете себя, как самолет. А это не одно и то же».

Теперь о том, как я решил проблему сохранить мои воспоминания для потомков. Решил так: воспоминания зашифровываю под копирку, ведь если писать воспоминания в одном экземпляре, то они могут потеряться, сгореть во время пожара, да мало ли что может случиться с ними?! Я долго думал, кому доверить второй экземпляр моих воспоминаний, и решил отдать их нашей школьной

уборщице, Степаниде Васильевне. Ей и передаю мои зашифрованные воспоминания по частям.

Теперь самое главное: как я готовлюсь стать псипом. И где я храню материалы по псипизации. Сами понимаете, что я их не мог доверить не только Степаниде Васильевне, но и никому на свете, поэтому я их...

В этом месте в тетрадке было вырвано пять страниц, так что какие тренировки проводил Юрий по программе «Чедоземпр-псип-сверкс», в чем они заключались и где Юрий хранил их описания,— все это так и осталось в тайне.

ВОСПОМИНАНИЕ ТРЕТЬЕ

На стыке наук

«...Какая-нибудь чувствительная личность могла сказать, что это был несчастливый день. Но у нас, чедоземпров, не принято считать дни счастливыми и несчастливыми. Просто пришлось больше попотеть, и все. Истратить больше калорий...» Вот о чем думал Юрий Иванов, то есть я, сидя в пустом классе, уставившись в страницу с подсунутыми мне кем-то стихами. Я старался расшифровать значение присланных мне стихов. Ну и жизнь!— вздохнул я. Мало того, что мне приходится ежесекундно зашифровывать мою жизнь, мысли и поступки, так тут я должен еще расшифровывать какие-то зарифмованные строчки. Вообще-то я ни за что в жизни не стал бы ломать голову над стихами, но в тех, что лежали передо мной, был какой-то намек, словно человек, писавший эти стихи, знает тайное про меня... «Давным-давно когда-то...» — в этой строчке нет ничего особенного, но вот в словах «закованные в латы, съезжались рыцари на бой...» был явный намек на меня... Съезжались рыцари на бой, закованные в латы... Я ведь действительно как бы закован в латы. И дальше тоже про меня: «Но вдруг один сказал: «Постой!..» Ну, про избранницу — это можно пропустить, это, конечно, не про меня, а вот: «Хочу в глаза смотреть судьбе, тебе, мой враг, в глаза тебе! Идешь на бой, лицо открой!— вот смелости начало...» Смелости начало!.. Я что, значит, трус?.. Может, по почерку удастся разгадать, кто сочинял эти стихи? Я в который раз всматривался в листок бумаги, но почему-то он мне ничего не говорил. В нашем классе, пожалуй, ни

у кого нет такого почерка. Ну, узнаю, кто осмелился подсунуть мне эту стихотворную провокацию, я не знаю, что сделаю с этим человеком!.. Впрочем, знаю, что сделаю: не возьму с собой на выполнение самого сверхтрудного задания на Земле.

Так я сидел в пустом классе и ломал голову над стихотворной загадкой. Это вообще, а в частности, кроме расшифровки стихотворения, я еще думал над тем, как разрешить мои денежные затруднения. Старушка, которой я помогал торговать цветами, вот уже целую неделю не появлялась на Центральном рынке. Навестить ее под Москвой, где она жила по Рязанскому шоссе, у меня не было времени. Что же делать? Это во-вторых «что же делать?». А в-третьих, я тренировал кисть левой руки, сжимая в ней теннисный мяч. В-четвертых, я тренировал стопу правой ноги, наступая носком на второй теннисный мяч, как на педаль.

Где-то выше этажом, наверное в актовом зале, раздавались звуки ненавистной мне музыки. «Все отвлекает и все отвлекают от основной цели и идеи», — думал я.

Под девизом: «Все физики — все лирики!» — вся школа готовилась к какому-то сверхвечеру самодеятельности. Тут человек готовится к Самой Деятельности!.. Лучше бы каждый подумал о том, что будет делать каждый из них вокруг меня, когда я буду по моей сверхпрограмме «Чедоземпр-псип-сверкс» выполнять самое трудное задание на земном шаре... «Что они все будут делать?» — подумал я.

В это время в коридоре за дверью раздались громкий топот, голоса и звук гитары. Дверь дернулась и открылась. В освещенном параллелепипеде двери показались фигуры мальчишек и девчонок.

— Никого! Вот здесь и порепетируем! — пропел под гитару знакомый девчачий голос.

Щелкнул выключатель. Стало светло.

— Ребята! Да здесь Угрюм-башка сидит! — раздался за моей спиной голос Кашина. — «Печальный демон! Дух изгнанья!»

Но я на его голос даже не повернул головы. Я только подумал про себя: «Приперлись!.. Тоже мне лирики!..»

— Как никого? Иванов здесь, — сказал Борис Кутырев.

— Иванов — это все равно что никого, — сказала Данилова Вера.

На такой выпад я, конечно, не мог промолчать.

— Всякие там лирики утверждают, что себя нужно непременно посвящать литературе, поэзии или искусству, ибо только они могут сделать жизнь человека поистине содержательной, интересной, — сказал я, иронически улыбаясь.

— А всякие там физики убеждены, что нет большей силы на свете, чем точные науки, на которых, как они уверяют, держится мир, — отпарировал Лев Киркинский.

— И никто не знает, как долго длится этот спор. И никто не знает, сколько он будет длиться еще, — сказала Вера Гранина.

— Но есть на свете наука, приверженцы которой могут сказать: «Спорьте не спорьте, а истина, как всегда, лежит посередине». А поскольку на стыке всех дисциплин находится лишь одна наука, то, значит, она и есть самая прекрасная. Имя ее — ЭКОНОМИКА, — сказала Нина Кисина. (Я все никак не мог до этого разобраться, с каким она уклоном, но если она серьезно верит в те слова, которые она произнесла с умным видом, то у нее явно экономический уклон.)

И тут мне, конечно, нужно было сделать такое заявление, на которое никто бы не смог ответить, поэтому я заявил следующее.

— Знаете, есть такие рыбки — пираньи? — спросил я всех сразу. — Так вот, эта маленькая рыбешка — гроза тропических рек Южной Америки. Пасть этой хищницы полна острейших зубов. На животное, пытающееся переплыть реку, мигом обрушивается стая свирепых пиратов, и спустя несколько минут от него остается обглоданный скелет. Эти маленькие рыбки более кровожадны, чем акулы и крокодилы. И не случайно индейцы присвоили одной из рек, в которой они водятся, имя Смерть! Так вот, бросил бы я вас к пираньям... во время отлива!..

Все замолчали, и никто не попытался даже ответить мне на мое заявление, одна Кисина только пискнула:

— Ну, знаешь, чем это пахнет, Иванов?! Это уже пахнет не злостью, а какой-то просто ненавистью...

После слов Кисиной я с еще большей яростью молча стал сжимать рукой теннисный мяч, а ногой чуть не вдавил другой мяч в пол.

Хотя Вера Данилова (между прочим, она с артистическим уклоном, мечтает стать киноактрисой) сказала, что я — это, в общем-то, какая-то пустота, но все не сво-

дили с меня глаз, особенно после моего заявления о том, что бы я сделал со всеми. Но смотрели на меня все по-разному. Одни смотрели на меня как на человека, попавшего в дурную компанию, другие — как будто я влюбился, третьи — словно меня и вправду какая-то муха укусила. И лишь только тихая и болезненная Лена Марченко, с педагогическим уклоном — между прочим, я ее не люблю больше всех девчонок в классе, потому что она красивая: вырастет, неверняка будет истреблять животный мир на модные шубки, — так вот, она одна на меня даже не взглянула. «А напрасно! — подумал я про себя. — Надо на меня смотреть, смотреть и запоминать. Да-да, запоминать».

Мои мысли оборвал голос Кашина.

— И, не повернув головы кочан!.. И чуйств никаких не изведав! — продекламировал он. — Слуша-а-а-ай, Иванов! — пропел на какой-то дурацкий мотив Кашин под гитару. — То-о-о-пал бы ты отсю-у-у-да!.. У нас здесь будет репетиция.

— Ученые Сибири, — сказал я, — открыли, что во время опытов живые клетки общались друг с другом с помощью электромагнитных сигналов на загадочном языке...

Я люблю вот так неожиданно взять и ошеломить своих современников какой-нибудь новостью.

Как всегда в таких случаях, наступила пауза. Все переглянулись, а Вера Данилова сказала:

— «И звезда с звездой говорит...» Это еще когда поэт заметил... И тоже на неизвестном языке.

— Хорошо, что эти клетки хоть неслышно болтают между собой, — добавил Кашин. — Представляете, если бы все наши клетки вслух стали разговаривать, вот бы поднялся шум.

— Чем мне нравится этот Иванов, — сказал Виктор Маслов, — от него всегда можно почерпнуть какое-нибудь неожиданное сведение.

— Слушай, Кроссворд! — сказала Нина Кисина. — Действительно, шел бы ты отсюда, у нас будет сейчас репетиция. По некоторым причинам я бы тебе не советовала оставаться.

Вы не замечали в зоопарке, как тигр смотрит на людей? А я замечал. Тигр смотрит на человека сквозь, как будто человек прозрачный, словно стекло. Вот так я посмотрел на Данилову, на Кисину и, конечно, на Марчен-

ко. Я так вообще на всех девчонок смотрю. Как тигр. Тут будущий артист Кашин подросел Кисиной на помощь снова.

— Слуша-а-а-ай, Иванов!— опять запел он на дурацкий мотив под гитару.— То-о-о-опал бы ты отсю-у-у-да! Тут сейчас люди будут занима-а-а-аться де-е-е-елом!

И Кашин стал ждать, когда я соизволю подняться и уйти из класса. Все ждали. Весь драмкружок. Во главе с сатириком Кутыревым стояли и ждали. А я тоже ждал, когда они уйдут. Сидел и ждал. Сидя даже удобней ждать. Пусть стоят, раз пошли на характер. Они пошли на характер, и я пошел на характер. А характера у меня, может, больше, чем у всех, вместе взятых, людей на всем земном шаре поэтому мне придется уточнить, что такое характер (признак, особенность). Характер — это совокупность основных наиболее устойчивых психических свойств человека, которые проявляются в его действиях и поступках.

Так вот я потому и пошел на наибольшую устойчивость и на совокупность моих психических свойств, потому что они у меня самые совокупные и устойчивые в мире.

Первым сдался Маслов, который у нас с космическим уклоном, поэтому у него соображение сработало лучше, чем у других.

— Да ладно,— сказал Маслов,— с ним не договоришься. Пусть сидит... Может, он захочет принять участие в вечере.

«Ну, распустились мои современники,— подумал я про себя,— ну, распустились, развинтились. Кажется, пора мне начать закручивать гайки». А вслух я произнес вот что.

— Ну, с вами, товарищи,— сказал я, обращаясь как бы к никому, и ко всем сразу,— с вами определенные круги никогда не связывали никакой надежды. Но вот на товарища Маслова, понимаете, определенные круги имели, да и пока еще имеют определенные виды. Так сказать, героическая массовка, отдельные поручения... и так далее и тому подобное,— загадочно намекнул я, укоризненно качая головой.— Нехорошо, Маслов, плохо! Кажется, зря определенные круги на товарища Маслова рассчитывают, зря, понимаете ли...

Все опять переглянулись между собой в смысле: «Влюбился! Попал в дурную компанию. Интересно, ка-

кая все-таки муха укусила этого Иванова! Может, это действительно не земной Иванов, а инопланетный?!»

В это время я все еще продолжал читать нотацию Маслову, но меня уже не слушал не только Маслов, меня уже вообще никто не слушал.

— А как же мы про него будем репетировать... при нем? — спросила Акимова. — У нас же сатира на Иванова?

— Ну и что, — сказал Кутырев, — пусть сидит и смотрит. Может, что-нибудь подбросит. Он же себя лучше знает, чем мы. Впрочем, может, действительно лучше с ним посоветоваться?

Я при этом разговоре, конечно, и бровью не повел, я просто замолчал, но в голове у меня так и запрыгали целые фразы: «Что? Что? Что? Сатира на меня, на Иванова? Раньше драмкружок себе этого не позволял. Видно, я где-то отпустил гайки». Хорошо, что я пошел на характер и ни за что не ушел из класса. Ничего, сейчас они увидят, разрешу ли я к исполнению эту сатиру.

Пока я принимал решение не... не делать на меня никаких пасквилей-масквилей, ко мне подошел Кутырев и сказал:

— Слушай, Иванов, мы тут хотим тебя в одной сценке... Ну, у нас в представлении есть такой раздел: «Кому что снится?» Так вот. Мы хотим тебя в одной из сценок... ну, что ли, симитировать, что ли, спародировать, что ли. Ты, наверное, знаешь, что имитатор схватывает не только внешние черты образа, он проникает в характер, в самую душу изображаемого лица. Так вот, мы хотели бы с тобой посоветоваться, что ли...

— Видишь ли, Кутырев, — сказал я неторопливо, — это, конечно, правильно, что вы решили со мной посоветоваться. Это даже как-то мудро, что ли, с вашей стороны. Но, прежде чем со мной посоветоваться, я должен знать, что же вы хотите на меня сделать, имитацию или пародию? Конкретнее: вы меня хотите симитировать или спародировать?

— Видишь ли, Иванов, — сказал Кутырев как-то смущенно, — я думаю, что для тебя не будет большой разницы, что мы будем делать — имитировать тебя или пародировать.

— Вот, вот, Кутырев, вот в этом ты и ошибаешься. Для меня очень даже большая разница, что вы будете делать — имитировать или пародировать меня. Потому что,

раз ты смешиваешь в одну кучу понятия «сымитировать» и «спародировать», то я тебе должен объяснить, растолковать, что имитация... Ты правильно говоришь: имитатор схватывает не только внешние черты образа, он проникает в самый характер, в самую душу образа иного лица. А пародирование — это утрированное изображение чего-то, злое или добродушное передразнивание. Ты, Кутырев, учитываешь разницу или нет?

— Учитываешь...

— Очень хорошо... Уж если ты в пародировании не разбираешься, но учитываешь, и то хорошо. Имитацию я еще вам позволю, а никакого пародирования я вам позволить не могу, тем более всякого там передразнивания. Дилетанты, ни в чем не разбираются,— сказал я в сторону.

— Видишь ли, Иванов,— замялся Кутырев,— ты же знаешь, что в науке, как известно, открытия все чаще делаются на стыке — на стыке математики и физики, химии и биологии... Так что, может, и у нас что-нибудь произойдет... на этом...— Кутырев на этих словах замолчал.

— На чем на этом?— переспросил я.

— Ну, на стыке,— пояснил Кутырев.

— Чего «на стыке»?— переспросил я.

— Ну... имитации и пародии...

— Ну, ну...— сказал я,— давайте попробуйте... на стыке... Только имейте в виду, что бывает такой стык, за который можно получить и втык!..

— Ты, Иванов,— сказал Кутырев, потирая задумчиво макушку,— ты такой человек, что от тебя можно получить втык и без всякого стыка.

— Ну, это ты уж зря,— сказал я,— потому что человек, которому будет когда-то...— сказал я многозначительно,— имеет право на то, чтоб сейчас ему было...— Я многозначительно замолчал.

Кутырев переглянулся с ребятами, словно стараясь понять, что может означать фраза «что человек, которому будет когда-то, имеет право на то, чтоб сейчас ему было...». Хотя недоговоренная мной фраза была очень простой по смыслу, она означала: что человек, которому будет когда-то труднее всех, имеет право на то, чтобы ему сейчас было не так уж трудно.

Отойдя от меня на некоторое расстояние, Кутырев стал о чем-то тихо совещаться с ребятами, а я...

А я уселся на стуле удобнее и стал, как всегда, де-

лать сразу пять дел: 1) терпеливо сидел и ждал на себя сатиры; 2) правой рукой сжимал в кармане теннисный мяч для укрепления ладонной мышцы; 3) обдумывал свои денежные затруднения; 4) вдавливал левой ногой теннисный мяч в пол; 5) выяснял мысленно, кто же все-таки подсунил мне это проклятое стихотворение?

Из всех этих пяти занятий денежная проблема мучила меня больше других. Вообще-то все несекретные расходы, расходы по моим подготовкам к выполнению сверхтрудного сверхзадания, моя мама, сама того не зная, взяла на себя. Ну, во-первых, сверкс должен знать карту звездного неба как свои пять пальцев. (Моя мама покупала мне билеты на все лекции в Планетарий, Сверкс должен быть по профессии физиком и геодезистом. (Моя мама накупила мне целую полку книг по физике и геодезии.) Сверкс должен уметь обращаться с кинокамерой. (Моя мама купила мне киноаппарат «Ладоса».)

Но ведь были еще расходы и секретные. И какие расходы! Сандуновская термокамера в бане стояла мне каждый раз 30 копеек, измайловская центрифуга на аттракционах — один заезд 30 копеек, в Центральном парке «Мертвая петля» на самолете — 30 копеек. И так каждый день. То одно, то другое, то третье! А в воскресенье — и одно, и другое, и третье — все сразу! И по нескольку раз. Хорошо, что я два года назад организовал Фонд Накоплений, сэкономив на завтраках, билетах в кино, на мороженом и так далее. Этих накоплений мне еще месяца на два хватит. А дальше что? Может, поступить куда-нибудь на работу? Между прочим, между пятью делами, которыми я занимался, сидя на стуле, было еще и шестое: я, правда, не очень внимательно, но прислушивался к разговорам моих одноклассников, — они уже начали репетировать.

ВОСПОМИНАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Действие равно противодействию

«Так, так, так, — подумал я про себя. — Интересно, что же будет дальше?...» Интересно! Интересно?! А дальше было вот что.

— Дорогие ребята! У нас в классе, — донеслось до ме-

ня;— учится загадочный ученик Юрий Иванов, он у нас загадочен тем, что учится все лучше и лучше. У нас, вернее, у наших учителей уже отметок не хватает. Один учитель ему уже ставит не только пятерки, но и шестерки, и семерки, и восьмерки и даже один раз поставил ему десятку. Это, конечно, удивительно! Но еще удивительнее: чем лучше Юрий Иванов учится, чем больше он знает, тем хуже себя он ведет. И становится агрессивнее и агрессивнее! А если его еще вдобавок шлепнуть, то что из этого получится, просто представить страшно. Но мы этого представлять не будем, так как в последнее время Юрий Иванов не только учится сам, но и стал учить учителей. Мы предлагаем вам посмотреть сценку под названием: «Что снится Юрию Иванову, а может, и не снится».

Между прочим, все это сказал Виктор Сметанин, он у нас с физкультурным уклоном, поэтому ему, вероятно, и доверили сказать так обо мне. Он самый сильный у нас в классе, ну, не считая меня, конечно.

— Роли исполняют,— сказал Сметанин,— Юрия Иванова будет имитировать Маслов, а учителей — ученики нашего класса. Кто из них кто — у каждого написано на транспаранте.

Что произошло дальше, дорогие товарищи потомки, мне, собственно говоря, и рассказывать-то особенно не хочется. Не очень интересно произошло все это, по моему.

Драмкружок во главе с Масловым дальше показывал, как будто я экзаменовал учителей и задавал им вопросы. Причем перед тем как я начал задавать вопросы, якобы сказал, что при ответах учителям можно пользоваться шпаргалками, учебниками, журналами, можно звонить по телефону знакомым профессорам, можно звонить в Академию наук, в любую академию на земном шаре. А вопросы, которые задавал я, были, по моему, не очень-то умные и тем более не очень-то остроумные. Ну, в первых, я будто бы спросил учителей, как спят рыбы — с открытыми глазами или с закрытыми?.. Затем я будто бы спросил учителей, как они считают — молекула воды сухая или мокрая?.. И третий, самый главный вопрос, который я задал учителям, был такой: почему в малахите мало хита?..

При этом Маслов, который играл меня, задал этот вопрос голосом, настолько похожим на мой, что все стоя-

щие и все сидящие за партами расхохотались и не только расхохотались, но даже зашлись от смеха. Хотя каждый по своей роли, вероятно, должен был делать что-то другое. Пока они хохотали, Маслов — Иванов сделал шаг в сторону и молчал с самым страшным выражением лица, как, бывало, делал и я. После «моего» вопроса, почему в малахите мало хита, все учителя устроили мне какую-то немую сцену. Мне учителя часто устраивают какие-то немые сцены, как в спектакле «Ревизор». Маслов от моего имени тоже закатил учителям такую же немую сцену. И так похоже на меня, что все ребята и девчонки вскочили и стали этого Маслова — Иванова чуть ли не качать.

— А сейчас вашему вниманию предлагаю посмотреть сатирическую сцену, написанную Борисом Кутыревым, под названием «Симпозиум Юрия Иваслова», — сказал Виктор Сметанин.

Послышался смех. «Значит, то был пасквиль, а теперь... Не иначе, как сатира на меня начинается», — спокойно подумал я.

— Роли исполняют, — повторил Сметанин, — Маслов играет Иваслова, учительницу истории — Глебова. Все остальные играют самих себя... Итак, представьте себе, что вы находитесь в классе на уроке истории...

Сметанин еще раз почему-то фыркнул и отошел в сторону. Я насторожился. Мне сразу не понравилось, что действие происходит как бы во сне и что Маслов играет какого-то Иваслова. Уж не из этой ли интермедии стихи... Началась репетиция.

Я отыскал глазами Маслова, который должен был играть Иваслова, но, к своему удивлению, вместо Маслова — Иваслова я увидел у классной доски самого себя...

Как будто я фантастически раздвоился и одновременно находился и у доски, и сидел за партой.

В жизни между мною и Масловым не было ничего общего. Я хочу сказать, что мы с ним совсем не походили друг на друга. Я в жизни черный-пречерный брюнет, а Маслов — блондин. Все равно как мой негатив. В общем, мы с ним совсем не похожи друг на друга. А здесь я смотрел на Маслова, будто на свое отражение в зеркале. Сначала я даже не сообразил, что произошло. Потом догадался. Я понял, что это меня Маслов копирует. Он у нас в классе вообще всех копировал. Всех, кроме меня, конечно. Потому что со мной шутки плохи. Я ему не Шадрин! И не Василянский! И не Орлов! И не Брендер!

Может, он за глаза меня и копировал. А на глазах боялся. Попробовал бы не побояться! Хотя чего же «попробовал бы», когда он уже без всякого «бы» попробовал. Вон он сидит за столом с моим выражением лица. Сидит в моей позе. Даже делает сразу, как и я, три дела... Конечно, три. Читает — раз!левой рукой жмет теннисный мяч. А правой записывает что-то в тетрадь.

«Ну, Иванов,— налетел я сам на себя,— ну и распустил ты этих лириков. Тебя, по словам Кутырева, имитируют, а ты сидишь и спокойно смотришь!»

Первый раз в жизни я увидел со стороны, глядя на Маслова — Иваслова, как я стою у доски. И как я при этом смотрю на учителей. Кто-то из них на педсовете сказал, что каждый раз, когда я вылезая из-за парты, ей или ему становится просто страшно. Теперь я понимаю, почему они боятся часто вызывать меня к доске. А я не могу на них иначе смотреть. И пусть хоть совсем не вызывают. И пусть не отнимают у меня время.

— Ну-с, голубчики,— сказал я, то есть не я, а Маслов от моего имени, молча бросил на учителей такой взгляд, что у них затряслись поджилки.

Маслов — Иваслов молча и в моей манере так среагировал на второй вопрос, что Глебова и все остальные, кто находился вместе со мной в классе, стали опять смеяться. Хотя по своим ролям они должны были делать что-то другое. В это время я положил правую руку на пульс левой и стал считать... Пульс у меня был самый что ни на есть сверхчеловеческий и сверхкосмонавтический. Глубокого наполнения. Ритмичный, как сигналы точного времени из обсерватории имени Штернберга. Пятьдесят два удара в минуту. В это же время мой мозг четко анализировал все, что увидели мои глаза, и все, что слышали мои уши.

«Ну, во-первых, это не имитация, как тебе обещали,— говорил мне мой мозг,— а пародия, и довольно злая, и, во-вторых, какую это задачу мы с тобой задали учителям?.. Мы, конечно, можем задать такой вопрос, ответ на который знаем только я, да ты, да мы с тобой. Но не такой же глупый вопрос мы бы задали учителям... И это у них называется стык?.. За такой стык,— поддержали мой сверхинформационный мозг мои крепкие и сильные руки,— можно сделать и втык!»

Тем временем Маслов сказал:

— Подождите, ребята, я хочу повторить финал сцены,

что-то у меня в конце не получается, что-то я себя не совсем хорошо чувствую.

«Сейчас, Маслов, ты себя совсем нехорошо будешь чувствовать!» — подумал я.

Потом я сжал кулаки, сказал про себя: «Действие равно противодействию» — и, преобразив умственную энергию в механическую, зашагал к Маслову. К этому презренному скомороху. К этому самому жалкому ченеземпру из ченеземпров... А еще в кружке юных космонавтов тренируется...

ВОСПОМИНАНИЕ ПЯТОЕ

Импульс глубокого наполнения

Люди обычно судят друг о друге по поступкам, а не по мотивам этих поступков, и это очень плохо. И очень неправильно. Сами посудите: примерно через полминуты я подойду к Маслову и задам ему трепку. Если рассудить этот поступок, не вникая в его мотивы, то это неправильный поступок. Просто какая-то хулиганская выходка. А раз выходка хулиганская, и если судить обо мне по этому поступку, я, значит, сами понимаете кто. Это, если обо мне судить по поступку. Если же начать разбираться не в поступке, а в его мотивах, то получается совсем другая картина. В классе сидит человек, первый на Земле псип, ченеземпр и сверкс. Он весь день тренировался на центрифуге и в термокамере, а вечером еще занимался в школе. У человека ноют все мышцы, а от занятий болит голова. Вместо того чтобы отдыхать, он и сейчас продолжает трудиться: он решает сразу несколько очень серьезных задач — как же ему все-таки быть с денежными затруднениями и так далее и тому подобное. Да еще накачивает мышцу левой руки и правой ноги. Да еще решает космический кроссворд.

В это время в класс врываются во главе с Масловым презренные лирики и начинают над ним строить всякие шаржики-маржики. Да еще дают всякие прозвища. Справедливо это? Несправедливо! А если это несправедливо, то дать за это по первое число справедливо? Справедливо! Я стал грозно и неторопливо приближаться к драмкружковцам со словами:

— Удар, его воздействие на тела изучал еще Леонардо да Винчи, но он, понятно, не располагал техникой наблю-

дения быстро протекающих процессов, и он, и Исаак Ньютон, живший на два столетия позднее, исследовали движение, предшествующее удару, и его результат: деформация, изменение структуры тела,— продолжал я сыпать скороговоркой,— но постичь процесс распространения ударной волны в теле, а тем более измерить его они, конечно, были не в состоянии.

Как раз на этой мысли я успел подойти к Маслову и со словами: «И знание! И сила!» — стукнул его как следует, чтобы он следующий раз знал, как меня передразнивать. Я в то же время громко развивал идею удара:

— Со временем необходимость измерений этого процесса становилась все более настоятельной, вырастала в проблему: ведь удар — одновременно созидаящая и разрушающая сила, и его способность разрушения нужно контролировать.

Думаю, что больше от разрушительной силы моих ударов, чем от созидательной, все девчонки сразу с визгом разбежались, конечно, в разные стороны. Только одна девчонка, которую кто-то называл, по-моему, Таней и, по-моему, Тополевой, почему-то осталась бесстрашно стоять на месте. Я думал, что весь драмкружок распадется после первого же распространения моей ударной волны в их телах, но Бегунов, Ломакин, Кашин и Дудасов сплотились, словно хоккейная команда. И бросились, как один, на выручку Маслову, издавая жалкие выкрики:

— Ах ты, Угрюм-башка!

— Кроссворд!

— Дух изгнания!

На что я им ответил:

— Ударные волны распространяются в твердом теле примерно так же, как звуковые в закрытой комнате — отражаясь, интерферируя (то есть накладываясь), усиливая или ослабляя друг друга. Ударное ускорение в разных точках тела различно, его далеко не всегда можно предвидеть, рассчитать. Вот почему важно уметь его измерить. Этим и занимаются ученые лаборатории измерений параметров удара Всесоюзного научно-исследовательского института метрологии имени Д. И. Менделеева в Ленинграде.

Конечно, делать сразу четыре дела лучше в спокойной обстановке, чем во время потасовки. Но я и здесь не те-

рял даром времени: отчаянные удары направо и налево (нырок! уклон! обманное движение! удар!), читал лекцию «Как измерить силу удара», решал кроссворд (созвездие Южного полушария неба из восьми букв?) и думал о денежных затруднениях (что же делать мне с деньгами? Что делать?).

Было еще и пятое дело, если быть точным. Кроме ударов, которые я наносил, были еще удары, которые я получал, или, как говорят боксеры, пропускал. Один из таких ударов пришелся мне в лоб. Это был отличный удар. Такой мощный и результативный, что вопрос о сурдокамере, где бы я мог тренировать себя в тишине изолированного пространства, вдруг как-то разрешился сам собой: СУРДОКАМЕРУ МОЖНО Ж УСТРОИТЬ ЛЕТОМ В ДЕРЕВНЕ! У БАБУШКИ! В ПОГРЕБЕ! В ДЕРЕВНЕ! В ДЕРЕВНЕ ПОД ЗЕМЛЕЙ НАВЕРНЯКА СТОИТ ПОЛНАЯ ТИШИНА! И ПРОДУКТЫ ТАМ ЕСТЬ!..

«Да, кто-то очень удачно съездил меня по лбу. Даже непонятно, кто из этих желторотиков может обладать таким хорошо поставленным ударом?» — подумал я, разбрасывая всех в разные стороны и загоня Маслова и Дудасова в геометрическую фигуру, образованную углом класса. «Так, Иванов! Так! Разделяй и властвуй, Иванов!» К сожалению, мою программу мне удалось выполнить только наполовину. Именно в тот момент, когда я разделил всех самодеятельников и собрался над ними властвовать, в класс в сопровождении наших девочек вошла классная руководительница. По закону инерции (открытому Галилеем еще в 1632 году!) я еще некоторое время, конечно, продолжал драться и даже договорил до точки следующий абзац:

— Но длительность ударного процесса весьма кратковременна — от сотен миллисекунд до нескольких микросекунд. И тут на помощь метрологам приходят запоминающие осциллографы. Их осциллограмму можно наблюдать и фотографировать с экрана хоть через несколько суток после того, как произведено измерение! Однако ударное ускорение, основной параметр удара, осциллограф не может учесть, так как оно возникает уже после того, как сработал прибор. Полученную осциллограмму нужно описать математически, вложить информацию в перфоленгу, обработать ее на ЭВМ — и лишь после этого можно считать, что работа закончена.

— Это еще что такое? Что здесь происходит? — сказала громко Зинаида Ефимовна.

Подумать только, как часто люди задают друг другу множество самых ненужных вопросов! По-моему, это все из-за того, что они просто не умеют ценить и экономить свое и чужое время. Возьмем, к примеру, нашу классную руководительницу. Она входит в зал и видит, что на сцене дерутся ребята. Видит, что дерутся, и все-таки спрашивает: «Это что здесь происходит?» Что происходит? Драка происходит! Я понимаю, если бы этот вопрос задал наш химик. Он подслеповатый. Это могло бы оправдать вопрос. А у Зинаиды Ефимовны очень даже хорошее зрение. Хорошо, что в сверхкосмонавтских науках это невозможно. Там вопросы надо задавать точно. И отвечать тоже точно и без лишних слов.

Обо всем этом я успел подумать, пока Зинаида Ефимовна читала мне нотацию о том, какое безобразное впечатление производят на нее в последнее время мои поступки. Вот к чему все сводится, когда о поступках человека судят только по его поступкам. К безобразному впечатлению. Я уже хотел было посоветовать Зинаиде Ефимовне судить обо мне, хотя бы на этот раз, не по моим поступкам, а по мотивам моих поступков, но не успел. В это время в моей голове промелькнула более важная для моих будущих сверхкосмических полетов мысль. Я вспомнил о своем пульсе.

Ничего. Я и так все выдержу. Я — чедоземпр! Я вас не понял! Не перехожу на прием!

Зинаида Ефимовна продолжала все еще транслировать свою нотацию, когда, значит, в моей запыхавшейся голове мелькнула мысль о пульсе. С этими разговорами я совсем забыл о том, что я, по моей программе, должен был делать сразу же после драки. Я положил большой палец правой руки на пульс левой и, выбрав момент, когда Зинаида Ефимовна набирала в себя воздух, сказал:

— Зинаида Ефимовна, помолчите, пожалуйста, одну минуту.

— А что такое? — спросила меня Зинаида Ефимовна очень строго.

— Пульс! — сказал я, переводя взгляд на свои наручные часы и прислушиваясь к ударам.

— Тебе что, плохо? — спросила Зинаида Ефимовна.

В ответ на вопрос я мотнул неопределенно головой, стараясь не сбиться со счета. Вообще-то пульс был хоро-

ший. Глубокого наполнения. Ритмичный, как сигналы точного времени из обсерватории имени Штернберга. Вокруг все стояли молча, поэтому я быстро перемножил количество ударов на секунды и получил в итоге пятьдесят два удара в минуту. Ну и сердце у меня! Отличный мотор. Сами посудите: до драки — пульс пятьдесят два! После драки — пятьдесят два. Кто-то, когда-то, где-то будет доволен очень таким пульсом...

— Ну, что? — волновалась Зинаида Ефимовна. — Тебе действительно плохо?

— Все в порядке! — отрапортовал я Зинаиде Ефимовне. — Говорите! — И про себя добавил: «Вы Земля! Я Галактика. Перехожу на прием».

Мое самочувствие так же, как и моя подготовка, было, конечно, от всех засекреченным, поэтому я сказал про себя себе голосом Левитана: «Самочувствие сверхкосмонавта Юрия Иванова хо-ро-ше-е!» — и громко добавил, обращаясь к Зинаиде Ефимовне:

— Говорите, Зинаида Ефимовна! Я вас продолжаю слушать!

Никогда я не думал, что такая простая фраза, как: «Говорите, Зинаида Ефимовна! Я вас продолжаю слушать!», вызовет у всех, как говорят врачи, такую преувеличенную реакцию (гиперреакцию!).

Фразы возмущения полетели в меня со всех сторон:

— Ребята! Вы слышите, как он разговаривает с учительницей?

— Командует, и все, подождите! помолчите! говорите!

В общем, бесновались все ченеземпры. Весь драмкружок во главе со своим главным скоморохом Масловым. Не возмущалась только одна Зинаида Ефимовна. Потому что ее реакция на эту фразу была, видимо, еще более сложная, чем у остальных. После моих слов ее всю так затрясло, словно у нее под ногами был не пол, а вибростенд.

Вообще-то до этого разговора я к Зинаиде Ефимовне относился нормально. Она хоть совсем молодая учительница, но физику очень точно и здорово преподает. И спортом интересуется. И в Планетарий ходит. Я ее там с сыном несколько раз видел. И вообще она — чедоземпр! Я ее понял не сразу, конечно, сначала пригляделся, а потом понял и постепенно зачислил в чедоземпры. А потом я еще долго к Зинаиде Ефимовне присматривался и даже решил, что, когда начнутся первые пассажирские полеты

в космос, она полетит, пожалуй, одна из первых. Но сейчас я уж так не думаю. Да, с такой вибрацией нервной системы не то что в космос, а на порог монорельсовой дороги не допустят.

— Иванов, дай дневник!— сказала Зинаида Ефимовна, очевидно придя в себя.— Твой отец из командировки приехал?

Я молча изобразил на лице, что мой отец из командировки приехал.

— Хороший будет для него подарок...— сказала Зинаида Ефимовна, возвращая мне дневник с длиннющей записью красными чернилами.

Я взял дневник и, не сходя с места, внимательно прочитал запись, которую сделала Зинаида Ефимовна. В дневнике было написано вот что: «Подрался. Сорвал репетицию драмкружка. Вел себя дерзко и вызывающе!» И подпись: «З. Таирова».

Ну что же! Зинаида Ефимовна судила о моих поступках не по мотивам... Значит, все точно, как у нее на уроке.

— Ну, что ты думаешь делать, Иванов?— спросила меня Зинаида Ефимовна.— Сейчас... и вообще?..

— Я сейчас хочу уснуть,— сказал я.

— Как уснуть?— ужаснулась Зинаида Ефимовна.

— Очень просто,— пояснил я.— Лягу на парту и усну... Ведь после драки и после такой записи в дневнике никто не смог бы уснуть, а я усну.— С этими словами я, не дожидаясь согласия Зинаиды Ефимовны, взобрался на парту, расслабился по своей системе псипов и... уснул.

Вокруг меня все зашумели, и каждый в духе своего «уклона». Они думали, вероятно, что шум помешает мне уснуть.

— Очевидное... невероятное,— сказал кто-то из девченок.

— От очевидного к невероятному,— поправил я, не открывая глаз.

— Время искать и удивляться!

— Время искать и удивлять,— еще раз вмешался я в разговор.

— У него не нервы, а черт знает что такое!— сказал Маслов.

Эти слова мне понравились. «Что и требовалось доказать!»— хотел сказать я, но промолчал.

Последнее, что я услышал, — это спор между кем-

то: уснул я или не уснул, и голос Колесникова Сергея.

— Это же не чел... а целая АТС! — сказал он, и, как показалось мне, с явным восхищением в голосе.

— Ну при чем здесь автоматическая телефонная станция? — удивилась Вера Гранина.

— Да я не про эту АТС, я про антологию таинственных случаев! Там, где Иванов, там обязательно случается какая-нибудь таинственная антология. Заснуть после драки... и после всего! И в присутствии Зинаиды Ефимовны!

— АТС это или не АТС, но я должна поставить вопрос об Иванове на педсовете, — сказала Зинаида Ефимовна.

— А зачем на педсовете? — удивился Николай Ботов. — С ним даже драться интересно и полезно. У него и во время драки можно что-нибудь полезное узнать. Сколько раз учитель говорил про теорию удара, я не запоминал, а тут пожалуйста, все запомнил до единого слова, — и затем Ботов словно пропел — и все наизусть: — «Удар, его воздействие на тела изучал еще Леонардо да Винчи. Но он, понятно, не располагал техникой наблюдения быстро протекающих процессов. И он, и Исаак Ньютон...»

— Это он тебе эти знания в голову вбил! — объяснил Маслов. — Так что ты можешь взять этот метод на вооружение, душка-тенор.

После этих слов я услышал снова голос Веры Граниной (с медицинским уклоном):

— Сейчас проверю, спит или нет?.. Может, притворяется. (Я почувствовал, как ее рука прикоснулась к моей.) Ну и пульс... Очень глубокого наполнения, как у спящего...

Больше я ничего не слышал. Когда я проснулся, то Зинаиды Ефимовны уже в классе не было, а все остальные мои соклассники сидели и молча смотрели на меня. А я встал и потянулся. Потом я открыл портфель, положил в него дневник. Достал космический кроссворд и вписал в него созвездие Южного полушария. Затем соскочил с парты и при полном молчании моих современников вышел из класса.

ВОСПОМИНАНИЕ ШЕСТОЕ

Все хорошо, но где чувство юмора?

В коридоре меня догнал Борис Кутырев (с сатирическим уклоном) и сказал, хватая меня за курточку (он всегда пускает в ход руки, когда разговаривает):

— Слушай, Иванов, ты, конечно, знаешь, что мне в тебе все не нравится. Но знаешь, что мне в тебе больше всего не нравится?

— Что?— спросил я и добавил:— Отвечай, пожалуйста, коротко и ясно, ты стоишь не возле доски, а возле Юрия Евгеньевича Иванова!

— Больше всего мне не нравится в тебе эта мания величия... Отличаешься ты скорее угрюмостью, чем серьезностью. Чувства юмора тебе не хватает, понимаешь, все в тебе безнадежно мрачно. Вот сейчас ты продемонстрировал нам... свое засыпание. Мы, конечно, все понимаем твой трюк: ты договорился с Граниной, чтобы она подтвердила твой сон, и она подтвердила. Но это все мрачно. А если бы все было с шуткой, с юмором, то и не оставило бы такого гнетущего впечатления.

Кутырев помолчал немного и, видя, что я помрачнел, сказал:

— Ну вот, ты стал еще мрачнее, а ведь «хорошо будет смеяться тот, кто будет смеяться последним».

— А может, на земшаре уже есть человек, который будет смеяться самым последним из всех,— сказал я и, повернувшись к Кутыреву спиной, зашагал по коридору.

Машинально я засунул руку в боковой карман. В кармане ощутил какой-то листок, хотя знал точно, что никакого листка в карман не прятал. Я сбежал с лестницы, вышел на улицу и извлек листок из кармана, при этом екнуло сердце. Неужели, подумал я, неужели опять... Быстро развернул листок... Стихи! На листке были написаны стихи! Мне стало ясно: кто-то, вероятно, решил отравлять мое существование этой рифмованной пачкотней. Я разволновался, правда совсем спокойно, прочитал стихотворение:

Находят птицы без приборов гнезда
Сквозь облака, туманы и дожди.
Летят они в рассвет и ночью поздней,
Прodelав в небе сотни миль пути.

Им ветер не сопутствует,
Земные не зовут огни...
Значит, они чувствуют,
Значит, что-то чувствуют,
Только что же чувствуют они?

Спасают нас, людей, в морях дельфины,
Ведут меж рифов в гавань корабли.
А в девять баллов вынесут на спинах,
Оставив нас на берегу Земли.

Им ветер не сопутствует,
Земные не зовут огни...
Значит, они чувствуют,
Значит, что-то чувствуют,
Только что же чувствуют они?

Значит, снова прислали стихи человеку, у которого из-за его сильной программы самообучения весь день занят и расписан буквально до секунд. И я снова эти стихи вынужден был прочитать и даже записать второй раз в жизни и второй раз в бортижурнал: «С 5.30 до 5.35 читал стихи... С 5.35 до 5.45 думал о том, зачем и кто бы мог их мне прислать».

Я стал сравнивать первые и вторые стихи. Такое впечатление, что кто-то и что-то обо мне уже знает или, по крайней мере, догадывается о чем-то... В первых стихах написано: «... Идешь на бой, лицо открой! — Вот смелости начало...» А во вторых стихах: «Находят птицы без приборов гнезда». Обратите внимание, «находят без приборов гнезда», летят «сквозь облака, туманы и дожди», «летят они в рассвет и ночью поздней, проделав сотни миль пути», и, главное, что «им ветер не сопутствует», я подчеркиваю: «не сопутствует». Это уже просто какой-то намек и еще, что «земные не зовут огни». А дальше про чувства: «Значит, они чувствуют, значит, что-то чувствуют, только то же чувствуют они?» Похоже, кто-то просто хочет ввинтиться мне в душу и узнать, что же я чувствую и чувствую ли я что-нибудь вообще?.. Вот так, разгадывая эту стихотворную загадку, я шел к дому по тротуару, стараясь шагать по линии лунного терминатора. (Терминатором называется граница света Солнца и тени Луны, падающих на Землю.) Шагать по земному терминатору неинтересно. Температура солнечного света и лунной тени, наверно, одинаковая. Интересней, конечно, шагать по терминатору Меркурия. Там на освещенной стороне температура плюс пятьсот градусов... а в тени — минус двести... На этой мысли я остановился. Терминатор терминатором, а кто же за мной все-таки крадется?.. Кто-то охотится, вероятно, за секретами моих тренировок. В нашей школе не только Маслов, но и многие другие ребята хотят стать космонавтами. Поэтому, наверно, я и Самсонова как-то на карусели встретил с девочками. Но он просто катался. А второй раз без девочек был. И на меня все время подозрительно смотрел. В Сандунах Дудасов прошлый раз сказал: «Ты что это пятый раз паришься?»

Ничего, если они и будут космонавтами, то самыми обыкновенными... с дублерами... А я буду, как мне ясно, сверхкосмонавтом. Лидером я буду. Первым в мире. Первым и самым подготовленным к сверхкосмическим сверхполетам из всех людей на всем земшаре. Размышляя об этом, я завернул за угол и, прыгнув с терминатора в тень, спрятался в первом попавшемся подъезде. Расчет был простой: ничего не подозревающий шпион выскочит из-за угла и тем самым раскроет свою жалкую личность. Не успел я об этом подумать, как из-за угла появился Сергей Колесников. Я его сразу узнал по длинной шее, даже в темноте. Антолог таинственных случаев. У Колесникова шея была длинная, как у жирафа, и вертячая. Когда Колесников скрылся из виду, я вышел из своего укрытия и поспешил домой.

По своему железному расписанию я каждый день в десять часов вечера уже лежу в постели. Пусть даже в это время по телевизору передают запуск новой ракеты в космос, все равно я сплю. Если хочешь стать сверхкосмонавтом и чедоземпром, приходится себе во многом отказывать.

ВОСПОМИНАНИЕ СЕДЬМОЕ

Антология самого таинственного случая

Наш дом находится совсем недалеко от школы. Поэтому сегмент земного шара, залитый асфальтом и именуемый Садовым кольцом и отделяющий мой дом от школы улицей Воровского, я проскочил пулей.

Я торопился, так как по жизненному расписанию моего сегодняшнего вечера время несколько уплотнилось. Я уже говорил, что каждый день в десять часов вечера, что бы ни случилось, я должен лежать в постели. А до сна я должен был еще успеть позаниматься геодезией и астрофизикой. И самое главное, провести первую тренировку терминатора планеты Меркурий. Я, конечно, вполне мог уложиться в расписание, если бы мне не надо было предъявлять дневник моему отцу. Прочитав дневник, отец обязательно затеет со мной разговор, который совсем не предусмотрен моим расписанием. Потом в наш разговор вмешается мама. Мама начнет меня защищать,

отец начнет с ней спорить. И на это тоже можно потратить уйму такого нужного времени.

Когда я влетел в прихожую, ни отца, ни матери дома не было, я сделал по расписанию первым делом вот что: налил в металлическую мензурку простейшее соединение водорода с кислородом. Довел до точки кипения. В фарфоровый тигель всыпал шесть граммов синепсиса. Смешал синепсис с тремя ложками полиозы. Тонкую пластинку, содержащую элементы фосфора и кальция, соединил с толстой пластинкой аминокислот и... ну, в общем, короче говоря, это я просто выпил стакан чаю с сахаром и съел бутерброд с сыром! Потом я положил дневник в папиной комнате на стол, на самом видном месте. Я уже собирался вернуться в свою комнату, когда заметил на столе кипу газет. Читая газеты, отец всегда подчеркивает в них отдельные статьи, фразы и даже слова. Я пересмотрел, что и где он подчеркнул на этот раз: в «Известиях» и в «Комсомолке» в основном он подчеркнул статьи о воспитании подростков. Во вчерашней «Вечерке» был подчеркнут какой-то фельетон на финансовую тему (мой отец, дорогие товарищи потомки, работает фининспектором и часто выезжает делать ревизии. Кроме того, он всегда занят, потому что работает над диссертацией. Меня он тоже часто ревизует, так как считает, что я стал «невозможным человеком», «невозможным» — это слово мы, конечно, оставим на его совести!).

Итак, в «Вечерке» подчеркнута статья на какую-то финансовую тему и еще был обведен красными чернилами какой-то фотоснимок и рядом поставлен жирный просительный знак.

Минуточку, минуточку! На фотоснимке, между прочим, изображены я и мой тренер по самбо. А просительный знак стоял потому, что физиономия на снимке в газете была моя, а имя и фамилия под снимком не мои. Я занимался в кружке самбо под чужой, конечно, фамилией. И главное, я сфотографирован без моего ведома и согласия. Я даже на этого корреспондента и внимания-то не обратил. Когда же это он успел меня щелкнуть? Я еще раз перечитал надпись под снимком: «Заслуженный мастер спорта Алексей Рогунов, в прошлом известный самбист. Сегодня он тренер спортивного комплекса «Самбо» в микрорайоне Чертаново. Алексей Рогунов подготовил несколько спортсменов-разрядников. На снимке А. Рогунов с группой новичков перед началом трениро-

вочных занятий. В правом углу портрет Коли Горлова — одного из самых способных спортсменов». И ниже: «Фото В. Федорова».

Ну, знаете, товарищ Федоров, если вы и другие фотокорреспонденты уже сейчас начнут меня снимать во всех кружках, в которых я занимаюсь (к примеру, скажем, в планерном, в парашютном и так далее и тому подобное), и в каждом, естественно, под другой фамилией, если эти снимки и другие начнут появляться часто в нашей прессе, то я буду вынужден со всей категоричностью поставить вопрос перед ТАСС ребром: или я, или фотокорреспонденты!..

Я и так имею неприятности. В воскресенье шел с отцом по улице Горького, вдруг передо мной и моим отцом вырастает один парень из парашютного кружка и говорит: «Семен Старовойтов, привет! Завтра прыжки с крыши!» Сказал и как ни в чем не бывало пошел дальше. У отца, конечно, очки сразу же на лоб полезли.

— Почему он тебя называет Семеном?.. Да еще Старовойтовым? Да какие прыжки? Да с какой крыши?.. И почему с крыши?..

— С какой крыши?.. «С какой, с какой!».. Ну, вышку мы так называем! Парашютную вышку! Слэнг это. Жаргон!

— А почему он тебя называет Семеном Старовойтовым?..

— Ну, обознался! Ну, за другого принял! Ну, похож я на какого-то Семена Старовойтова!

И почему нужно все обязательно превращать в трагедию?! Неужели нельзя из этого сделать хотя бы героический эпос? Ну, чтобы отреагировать на слова того паренька хотя бы вот такими словами:

«А ты у меня, оказывается, сынок, не только Юрий Иванов, ты у меня еще и Семен Старовойтов!» — и добродушно рассмеялся бы при этом. И я бы тоже ухмыльнулся сурово и сказал: «Да, папа, я у тебя не только Юрий Иванов, я у тебя еще и Семен Старовойтов, и Николай Горлов, и еще Костя Филимонов, и Сергей Тарасов...»

«Значит, так надо, сынок?»

«Значит, так надо, папа!»

«И обрати внимание, сынок, что я тебя не спрашиваю, почему ты у меня и то, и другое, и третье...»

«Так это я в тебе и ценю, папа!»

Теперь вы понимаете, товарищи потомки, мало мне

этих случайных встреч на улицах Москвы, так теперь этот Коля Горлов — лучший самбист Чертановского района, и его портрет в вечерней газете. Рано еще, рано, товарищи, помещать мои фотографии. Когда можно будет, я скажу, дам, как говорится, сигнал. А сейчас — преждевременно!

Нет, снимать меня надо, и снимать меня надо как можно больше, но вот помещать снимки в газетах и журналах еще рановато. И эта встреча на улице Горького, и история с «Вечеркой», и запись в дневнике о драке в школе — все было одинаково неприятно для меня. Но неприятнее всего была для меня запись о том, что я подрался с Масловым. Впрочем, все зависит от того, как на эту драку посмотрит мой отец. Вот если бы он посмотрел вечером мой дневник, а утром зашел в школу и сказал нашей классной руководительнице только одну достойную истинного чедоземпра фразу: «Зинаида Ефимовна! Драки, как и войны, бывают справедливые и несправедливые!» И все! Потом бы повернулся и молча пошел к двери, а у двери опять бы повернулся и сказал: «И вообще, о человеке надо судить не по поступкам, а по мотивам его поступков!» Сказал бы и ушел!

Зинаида Ефимовна сразу бы занервничала, а в классе все заволновались. Зинаида Ефимовна побежала бы за папой. Весь класс побежал бы за Зинаидой Ефимовной.

«Евгений Александрович! — сказала бы Зинаида Ефимовна моему отцу. — Вы нас, конечно, извините, но мы просто не знаем, как нам быть с вашим Юрием. Дело в том, что он все мотивы своих поступков от нас скрывает...»

«Вероятно, он это делает в интересах нашего государства!» — сказал бы мой отец и, сухо попрощавшись, вышел из школы.

«Да, ребята, — сказала бы Зинаида Ефимовна. — Придется нам всем извиниться перед Юрием... А за тебя, Маслов, мне стыдно, очень стыдно!»

«Зинаида Ефимовна, — сказал бы Маслов, — да если бы я знал, что Иванов ударил меня в интересах нашего государства, разве я стал бы ему давать сдачи?!»

Да, но до такого разговора мой отец еще не дорос. Тяжело вздохнув, я прошел в ванную комнату, достал два ведра и стал готовиться к тренировке терминатора планеты Меркурий. Вообще-то вы запомнили или нет, что терминатором называется граница света и тени? Терми-

натор планеты Меркурий самый контрастный. Сами посудите: Меркурий ближе всех планет к Солнцу. Атмосферы нет. Суточного вращения нет. На освещенной стороне температура плюс пятьсот градусов.

Я опустил правую ногу в ведро с горячей водой. На теневой стороне около минус двести... Левую ногу я опустил в ведро с холодной водой... Бр-р-р... Ну и ощущение, прямо скажем, не из приятных... Вы, конечно, догадываетесь, что холодная вода должна была изображать температуру теневой стороны Меркурия, поэтому я и опустил левую ногу в ведро с холодной водой, а правую — в ведро с горячей водой: оно должно было изображать температуру освещенной стороны. Закрыв глаза и стал представлять, что я нахожусь не в ванной комнате, а на планете Меркурий, на линии терминатора. Неприятное самочувствие. Впечатление такое, как будто два разных ощущения разрывают тебя на части... М-да... Действительно!.. «...Им ветер не сопутствует, земные не зовут огни... Значит, они чувствуют, значит, что-то чувствуют, только что же чувствуют они?..» Ой-ой-ой!.. Сейчас бы того, кто эти стихи писал, голыми ногами в горячую и холодную воду сунуть...

В это время в прихожей затрещал звонок. Судя по трезвону, звонил кто-то посторонний и звонил так настойчиво, что мне пришлось прервать на все время опыт по своей «терминаторизации», прошлепать босыми ногами в прихожую и открыть дверь.

На площадке стоял Колесников из нашего класса.

Колесников сразу же вытянул длинную шею и завертел ею. Потом, смешно изогнув ее, он как-то подозрительно осмотрел мое покрасневшее лицо и особенно мои ноги.

— Вот такая антология каких таинственных каких случаев... — сказал он. — Ты, конечно, знаешь, что такое «шестиугольник Хаттераса»?

— Колесников, — ответил я холодно, но спокойно, — не задавай детских вопросов. Много опасности таит в себе океан, но ничто не наводит такой страх на моряка, как «шестиугольник Хаттераса» (морская территория у берегов американского штата Северная Каролина, к северу от так называемого «бермудского треугольника»). На памяти только нынешнего поколения в этом районе исчезло не менее тысячи судов.

— Или вспоминается случай с «Кэррол Диринг», —

оживился Колесников.— Эта шхуна, построенная на верфях в штате Мэн в 1921 году, пересекая Атлантику, неожиданно исчезла. Ее обнаружили в районе «шестиугольника». Паруса на всех пяти мачтах подняты, но на борту ни души.

— Да, на борту не было ни души,— подхватил я.— И по сообщению такого источника, как журнал «Нэйшнл джиографик», катер морской пограничной службы, наткнувшийся на шхуну, не обнаружил на судне никого, кроме двух кошек. На камбузе стояла свежеприготовленная пища. Судьба экипажа и по сей день — загадка.

— И это ты знаешь,— засмеялся Колесников и, хитро прищурившись, добавил:— Но я знаю, чего ты можешь не знать!..

— Это чего я, например, могу не знать?— надвинулся я на Колесникова стеной.

— Ты можешь, например, не знать,— стал растягивать слова Колесников,— ты можешь не только не знать, но даже не иметь никакого представления...

— Это я-то могу не иметь никакого представления?

— Есть, например, у твоей мамы лавровый лист или нет?— Колесников рассмеялся, довольный собой.

Я очень спокойно, но совсем незаметно, конечно, разозлился на самого себя — так ловко поддел меня Колесников.

— Можешь ты, Колесников, иногда сказать что-то путное?

Колесников всматривался в меня, а я не спускал с него глаз и подумал: «Не он ли уж подбрасывает эти стихи из антологии своих таинственных случаев?» Так мы уставились друг на друга молча и не мигая. У Колесникова уже через минуту из глаз полились слезы, а я нарочно еще минуты три, после того как он захлопал своими ресницами, я еще минуты три, а может, и все пять запросто смотрел на него не мигаючи. Вообще-то я бы этому Колесникову сейчас с удовольствием дал вместо лаврового листа и этого «кто кого переглядит», дал бы как следует. Прервать такой важный опыт из-за какого-то лаврового листа для супа.

— А может, все-таки есть лавровый лист?— спросил Колесников, вытягивая шею и заглядывая через мое плечо в ванную комнату и принимаясь.— А чего это у тебя одна нога такая красная, а другая — белая-белая?—

спросил еще подозрительней Колесников. — Это из антологии таинственных случаев, да?

В это время на лестнице с сумками в руках показалась моя мама. Колесников сразу выхватил из рук мамы обе сумки и потащился за ней на кухню, бормоча все те же жалкие слова про лавровый лист. Проклиная Колесникова, из-за которого я потерял столько времени, я прикрыл дверь ванной и ждал до тех пор, пока этот шпион, получив лавровый лист, не убрался из нашей квартиры. «Лавровый лист, лавровый лист, — подумал я, — когда-нибудь вы из него венок мне на шею наденете. А вообще лавровый лист — это только предлог. Колесников определенно хочет что-то выведать. Чудак. Шел бы с такой шеей в цирк. Вертел бы там ею на сто восемьдесят градусов».

— Валий, — сказал я Колесникову, открывая дверь.

Колесников с лавровым листом в руках выходил на лестничную площадку как краб, боком, но я все же входную дверь сумел захлопнуть так ловко, что она успела в самый последний момент дать Колесникову чуть ниже спины. А я посмотрел ему вслед в дверной глазок и запер дверь на ключ. Колесников чертыхнулся, а я пошел в ванную комнату, с тем чтобы вылить из ведер остывший, а в другом ведре согретый терминатор планеты Меркурий.

ВОСПОМИНАНИЕ ВОСЬМОЕ

«А я открыл, что рядом есть девчонки...»

В это время в прихожей появилась моя мама. В дверях ванной я столкнулся с ней. Она посмотрела на мой синяк под глазом, взялась двумя руками за мои уши и сказала:

— Юрий, что это у тебя под глазом?

(Видит, что синяк! Знает, что синяк! И все-таки спрашивает!) Вместо ответа я принес в столовую портфель, вытряс из него на стол учебники, принес из папиной комнаты дневник, раскрыл и молча показал его маме. А сам пошел в ванную.

— Кто тебе поставил этот синяк? — спросила еще раз мама.

Мама у меня молодец! Еще не было в жизни случая, чтобы она осудила хоть один мой поступок. Потому что

она не знает, но чувствует, какие серьезные и нечеловечески трудные и, можно сказать, героические мотивы скрыты за моими поступками.

— Этот синяк мне поставил театральный кружок!— сказал я.

— Так!— сказала она за дверью.— Теперь они стали на тебя нападать целыми кружками. А завтра они начнут нападать целыми школами.— Мама вошла в ванную.— Это тебе еще нужно,— кивая головой в сторону ведер, спросила меня мама,— или можно вылить?

— Можно!— сказал я, доставая из кармана пижамы пятак и прикладывая его перед зеркалом к синяку. Через мое плечо в зеркало заглянула моя мама и снова впилась глазами в синяк. Так как мой папа еще не вернулся с работы, а я по расписанию уже должен был готовиться к отбою, я направился в свою комнату.

— Юрий, погоди!— сказала мама, взяла меня за руку и подвела к телефону.— Я сейчас же соединюсь с твоей учительницей... Подожди минутку!

— Мама,— ответил я строго,— ты же знаешь, мой сон священный.

— Знаю, знаю,— сказала мама,— но сейчас придет папа. Нам нужны будут подробности.

Мой наручный будильник прозвонил отбой.

— Это чудовищно!— сказала мама.— На тебя напал целый кружок! Я заставляю твоего отца пойти вместе со мной в школу!

Наручный будильник все еще продолжал звенеть. Я повернул часы цафферблатом к маме и сказал:

— Завтра!

В прихожей раздался звонок.

— Вот и папа пришел...— Мама перестала набирать номер телефона и постучала пальцем по дневнику:— Может, ты все-таки...

— Завтра!— сказал я и, сделав рукой что-то среднее между «спокойной ночи» и «до свидания», направился в свою комнату, юркнул под одеяло и стал расслабляться по системе йогов.

В прихожей раздались папин и мамин голоса.

— «...Родина слышит, Родина знает, где в небесах ее сын пролетает...»— пропел отец. Отец был в хорошем настроении. В хорошем настроении отец всегда поет эту песню. Отец прошел в свою комнату, и некоторое время там было тихо.

Я услышал, как к двери подошла на цыпочках моя мама и ласково прошептала:

— Юра... Может быть, ты поужинаешь с нами вместе... Еще рано... Папе будет приятно...

Я промолчал, продолжая расслабляться. В комнате отца по-прежнему было тихо. Видимо, отец еще не просмотрел мой дневник, поэтому и молчит. Между прочим, он напрасно медлит. Сейчас я сделаю перед сном легкое расслабление, потом на моих наручных часах «Сигнал» на двенадцати камнях прозвучит звонок и — окончательный отбой! И уже никакая сила не заставит меня нарушить железное расписание моего бортжурнала. В середине моего расслабления из соседней комнаты начали поступать неясные сигналы, говорящие о том, что мой отец, видимо, расшифровал запись в моем дневнике и, судя по всему, делится об этом с мамой, а мама, как всегда, защищает меня, судя по ее голосу. Как раз в это время мои часы просигналили окончательный отбой! Я стал быстро засыпать. Но здесь я услышал, как распахнулась дверь в мою комнату и раздался сердитый голос моего отца:

— Ну-ка, вставай с постели и марш в столовую!

Мама стояла рядом и шипела на папу:

— Не буди его! Не буди! Не буди!

А папа повторил свою фразу, наверно, раз пятнадцать. Но вы же, товарищи потомки, немного знаете мой характер: если уж в моей программе самообучения никакой разговор с отцом не намечен, то разговора и не будет.

— Не буди его,— сказала еще раз мама.

— Как это «не буди»?! Как это «не буди», когда такая запись в дневнике?!

— Это какое-то недоразумение,— сказала мама.— Пусть он сейчас спит, а завтра все выяснится.

— Не завтра,— сказал я из-под одеяла,— а лет через двадцать пять.

— По-моему, единственный человек на всем земном шаре после такой записи в дневнике может спать. И этот единственный человек — мой сын...

«Насчет «единственного» — это ты, папа, сказал удивительно, можно сказать, пророчески верно,— подумал я.— Только единственный на всем земном шаре... Единственным-то... им ветер не сопутствует,— продолжал думать я дальше, но это уже, вероятно, я думал во сне, не мог же я наяву думать стихами:

Им ветер не сопутствует,
Земные не зовут огни...
Значит, они чувствуют,
Значит, что-то чувствуют,
Только что же чувствуют они?»

Еще я услышал, как отец сказал маме:

— Почему мы никогда не ходим вместе в театр или, наконец, в кино? Почему в доме тихо? Почему никто не смеется? Почему не звучит музыка?! Почему никто не поет?! Почему к моему сыну никто не ходит в гости?

Впрочем, может быть, эти слова мне просто приснились...

Судя по очень плохо сохранившимся страницам воспоминаний Юрия Иванова, на следующий день он проснулся в пять часов утра, и чем он занимался до школы, было записано, как всегда, в не дошедшем до нас бортжурнале. Затем по отдельным фразам можно понять, что он был в школе. На уроке алгебры он, вероятно, пытался учить чему-то учителя алгебры — об этом запись сделана в школьном дневнике учительской рукой. Еще в дневнике было записано: «Читал учителю естествознания свою версию о происхождении человека (кстати, очень любопытную), но на вопрос: «Сколько в среднем живет человек?» — ответил: «Не знаю!» Такой ответ считаю издевательством», — и подпись учительницы.

Затем Юрий Иванов, судя по его записям, после окончания уроков снова обнаружил у себя в кармане неизвестно каким образом туда попавший листок бумаги с новым стихотворением. Текст стихотворения сохранился плохо, но разобрать его удалось. Вот оно:

Открыли люди, что от трения

Вспыхивают искорки огня.

Я, как Ньютон,

Открыл закон

Такого тяготения,

Что это просто страшно для меня.

— Постой, постой! Я не могу понять — о чем ты?

Постой, постой! Что ты открыл — не понимаю я...

— А я открыл, что рядом есть девочки,

И с этим сделать ничего нельзя!

Открыли люди, что в движении

Будет вечно бабушка-Земля.

Я, как Ньютон,

Открыл закон

Такого тяготения,

Что это просто страшно для меня.

— Постой, постой! Я не могу понять — о чем ты?

Постой, постой! Что ты открыл — не понимаю я.
— А я открыл, что рядом есть девочки,
И с этим сделать ничего нельзя!
Есть атмосферное давление,
Которое все давит на тебя.
Я, как Ньютон,
Открыл закон
Земного тяготения,
Но только неземного для меня.
— Постой, постой! Я не могу понять — о чем ты!
Постой, постой! Что ты открыл — не понимаю я.
— А я открыл, что рядом есть девочки,
И с этим сделать ничего нельзя!

На двух следующих страницах, содержавших, скорее всего, комментарий стихов, слова расплылись до неузнаваемости, зато на третьей странице удалось разобрать.

«...Заезжал к Пелагее Васильевне за цветами. Она оказалась больной, поэтому не торгует цветами. Сходил в аптеку за лекарством для нее, затем она написала мне доверенность на торговлю цветами...»

Затем строк тридцать неразборчиво и затем разборчиво:

«...Я шел по земле: по большому постоянному магниту с огромным букетом гладиолусов для продажи. Перейдя подземный переход у станции метро «Дзержинская», я выбрал возле магазина «Детский мир» оживленный угол (как раз напротив памятника первопечатнику Федорову) и начал торговлю. Место для меня было самым счастливым. С этого угла очень хорошо просматривались проспект и переулок, так что появление милиционера или дружинника не могло застать меня врасплох. А если они все-таки появлялись, то я легко скрывался, смешиваясь с толпой прохожих.

Должен сказать, что у меня уже накопился некоторый опыт продажи цветов.

Правда, сегодня мне что-то не везло. Все время приходилось закрывать торговлю — то и дело появлялся милиционер, и мне время от времени нужно было скрываться от него в переулке... Конечно, я бы ни за что не попался со своими гладиолусами, если бы не...»

На словах «если бы не...» страница закончилась, а на двух следующих страницах нельзя было разобрать ни одной буквы — все расплылось, лишь в конце второй страницы удалось прочитать несколько фраз:

«...Зря бежал от милиционера! Это же такое счастье, что меня пригласили в милицию, и как это я сам не

догадался зайти туда раньше и поставить в известность...»

Затем снова ничего не разобрать. Дальше, через две страницы, на третьей, Юрий вспоминает, как он находился в милиции, в детской комнате, и женщина-милиционер беседовала с ним.

«— Тебе бы с твоей скоростью бега спортом заниматься,— сказала она мне,— а ты цветами торгуешь.

— Между прочим,— отчеканил я,— прошу зафиксировать в протоколе, что до бега и после бега пульс у меня был пятьдесят два, ритмичный и глубокого наполнения, и никаких вазомоторов и никакой вегетатики!..

— Да, да,— согласилась дежурная по детской комнате,— ты спекулируешь цветами, и с таким, я бы сказала, нечеловеческим спокойствием.

— Я не спекулирую,— ответил я.— Я помогаю Пелагее Васильевне торговать. У нее есть разрешение, а она меня попросила помочь ей, потому что она болеет, и даже доверенность написала.

— А где у тебя доверенность?— спросила женщина-милиционер.

— Потерял.— Я действительно где-то посеял эту бумажку.

— Ты мне зубы не заговаривай,— сказала женщина-милиционер,— говори имя, фамилию, где живешь, почему торгуешь цветами, где взял гладиолусы.

Я, конечно, на все эти вопросы не ответил. Начнешь с объяснений, а кончать придется тем, что попросит раскрыть мои секреты чедоземпрских, псиповских и сверкских тренировок. Но, когда женщина-милиционер настойчиво попросила все-таки открыть мое имя и мою фамилию, я сказал как можно дипломатичнее:

— Ну подождите немного — скоро узнаете.

— Это как же скоро?

— Ну лет через тридцать или даже через двадцать.

— Так я уже на пенсию уйду,— сказала женщина, хитро улыбнувшись.

Это она меня хотела разжалобить: молодая, а говорит о пенсии. Но меня не разжалобишь, не на такого напала.

— Вы знаете что,— посоветовал я,— сейчас, вместо того чтобы выяснять, кто я, вы меня лучше запомните и когда придете домой, то напишите обо мне...

— Что же написать о тебе?

— Ну это... воспоминание...

— Воспоминание?— Женщина даже рассмеялась.— Воспоминание о том, как ты гладиолусами торгуешь? Между прочим, ты вот цветами торгуешь,— продолжала она,— а не знаешь, что революционные работницы еще при царе лозунг такой носили на демонстрациях: «Хлеба и роз!» Ты слышал об этом?..

— В оранжерее при университете на сельскохозяйственном факультете недавно начат необычный эксперимент,— сказал я.— Электронно-вычислительной машине доверено управлять автоматической установкой, заменяющей во многом человека в выращивании ирисов, тюльпанов и гладиолусов. Установка, управляемая компьютером, передвигаются по оранжерее в восьмьсот квадратных метров по уложенным вдоль стен рельсам и выполняет самые разнообразные операции. Вы, конечно, об этом ничего не слышали?

— Как не слышала,— сказала женщина,— очень даже слышала.

— От кого?— удивился я.

— А от тебя, от тебя слышала!

Я даже на одну, может, миллионную долю секунды растерялся, так меня ловко поддели с ответом, но женщина в милицмейской форме продолжала:

— Про электронно-вычислительную машину и про ее применение ты кое-что знаешь, но вот о себе ты почти ничего не знаешь.

— Как это не знаю?— обиделся я.

— Ну вот не знаешь твое имя, твою фамилию, где живешь,— принялась она опять за свое.

— Вы лучше скажите мне, кто может быть автором вот этих стихов,— сказал я, доставая из внутреннего кармана листок со стихами.— Наука же утверждает, что в почерке отражаются индивидуальные особенности личности и что каждый имеет свой почерк, я правильно говорю? А то я, значит, себя зачедоземприваю, а меня хотят во что бы то ни стало расчедоземприть!— проговорился я.

— Чего, чего?— насторожилась дежурная.

— Да это я... я просто так говорю,— прикусил я свой язык.

— Говоришь ты правильно,— подтвердила женщина,— а поступаешь...

Но я ей не дал договорить.

Вот, товарищи потомки, теперь вы поймете, почему я сначала расстроился, а потом сразу обрадовался, что меня пригласили в милицию. Мне бы давно самому сюда прийти с этими стихотворениями.

Женщина прочла все три стихотворения и сказала:

— А зачем же это по почерку устанавливать автора? Хорошие стихи...

— А затем, что они без подписи,— объяснил я.

— А зачем, чтобы они были с подписью?

— А затем...— сказал я.— Ну, что бы вы сказали, если бы при расследовании какого-нибудь преступления вашим милиционерам не надо было иметь никакого суплеса...

— Ты и суплес знаешь?

— Суплес,— отчеканил я,— это гибкость тела. Вырабатывается специальными тренировочными упражнениями, способствующими увеличению подвижности позвоночника и эластичности межпозвоночных хрящевых дисков, всего суставно-связочного аппарата и мышечной системы.

— Значит, не надо никакого суплеса?— переспросила меня дежурная.— А что же надо?

— А надо, чтобы был псип, которым обладает... то есть будет обладать скоро один человек,— поправил я сам себя.— Псип — полное собрание изобретений природы,— пояснил я, не дожидаясь вопроса, и тут же стал объяснять главное:— Значит, при расследовании какого-нибудь преступления милиционер выскакивает из отделения, он человек-ищейка, у него отличное верхнее чутье, как у ищейки. Что такое верхнее чутье? — спросил я дежурную.

— Верхнее чутье — это способность собаки улавливать запахи по воздуху, а не по следу,— отчеканила дежурная.

— Правильно,— похвалил я ее.— Затем милиционер вглядывается, словно кошка, в темноту!.. Что вы знаете про кошек?— спросил я дежурную.

— Что они в восемь раз лучше видят в темноте, чем человек, но зато кошки видят все в черно-белом изображении!— ответила дежурная без запинки.

— Очень хорошо!— похвалил я дежурную и продолжил:— Затем милиционер со скоростью гепарда бросается вдогонку за преступником. Преступник — в лес, милиционер взмывает соколом в небо и коршуном пи-

кирует на врага! Что вы знаете про гепарда, сокола и коршуна?

— Постой, кто кого допрашивает? — опомнилась вдруг дежурная по детской комнате...♦

...Дальше пропущена целая страница, а через страницу записана следующая фраза дежурной:

«...— Товарищ капитан, меня допрашивает задержанный! Дайте мне кого-нибудь на помощь, я одна с ним не могу справиться!..»

Затем нельзя было разобрать еще две страницы, на которых сохранились только отдельные слова. По-видимому, на помощь дежурной капитан все-таки пришел, и дальнейшая беседа велась втроем. Беседа, впрочем, тоже исчезла. От нее остались три обрывка:

«...— И вот, чтобы вся наша милиция обладала тем, о чем я вам рассказывал, надо знать, что все это зависит от человека, то есть от меня! Вот почему я не могу, скажу больше, не имею права называть свое имя и свою фамилию... Все-таки кругом есть еще и иностранные разведчики.

— Ну знаете, — сказал капитан, — видел и слышал я на своем веку много...»

Затем сохранились фразы Юрия Иванова:

«— Вы у меня взяли в долг один час и пять минут из моего бортжурнала, где я теперь возьму это время?...»

«— На вашем месте я не мешал бы мне, а охранял! — посоветовал я работникам милиции...»

«— Ты вот что, ты не говори, что тебе делать с нами, а говори, что нам делать с тобой, говори свою фамилию и где живешь, — сказал капитан, когда я уже собрался уходить.

Я, конечно, в сотый раз ответил на эти слова презрительным молчанием, тогда он со словами: «Сами узнаем!» — взял воротник моей ковбойки, отвернул его и заглянул мне за шиворот, как будто у меня на спине было написано, где я живу и моя фамилия. Между прочим, этого капитана, если он меня хорошо попросит, я занесу в список чедоземпров! Вы даже не представляете, товарищи потомки, как он меня подловил с этим воротником. На спине у меня, конечно, написано ничего не было, но к воротнику ведь была пришита метка, с которой мы сдаем в стирку белье. А по метке и узнал капитан мои координаты проще простого. Позвонил в прачечную и узнал...»

На этом воспоминания о встрече с дежурной по детской комнате в отделении милиции обрываются. Как и чем же все закончилось — пока неизвестно. Снова пропущено десять страниц. Дальше воспоминания о вечере, когда Юрий Иванов после занятий по своей программе «пси» переходит ко сну.

ВОСПОМИНАНИЕ ДЕВЯТОЕ

Даю вам десять минут на разговоры!

В этот, в общем-то для меня нормальный в смысле перегрузок, день я решил назначить себе сон пораньше. «...Закрываю глаза и распускаю мышцы. Тело, как плоть, висит безвольно...» Вы, товарищи потомки, может быть, не знаете, что такими словами описывал свое состояние за несколько мгновений до того, как будет поднята рекордная штанга, олимпийский чемпион Юрий Власов. Я у Юрия Власова научился понимать вот это состояние — близкое соседство яростного взрыва физической мощи с полным покоем и полной расслабленностью. Дело в том, что всякая физическая деятельность человека — это поочередная работа разных групп мышц (впрочем, смотрите об этом в моем бортжурнале). Сейчас я начал как раз вспоминать не о том, как я расслаблялся, а о том, что расслабиться по-настоящему мне мешал голос отца за стеной. Дело в том, что когда я перед сном положил ему на стол дневник с записями (помните: «Учил учителя алгебры... Читал лекцию... Не ответил, до каких лет в среднем живет человек!»), он взял в руки мой дневник и сказал:

— А... библиотека авантюрного романа. Почитаем, почитаем...

Потом я вышел из комнаты, а отец замолчал так надолго, что я думал: «Уж не учит ли он мой дневник наизусть?» Затем слышал, как он там за стеной поговорил с мамой, затем, хлопнув дверь, мама вышла из папиной комнаты. Папа почему-то стал разговаривать сам с собой вслух. Раньше я за ним этого не замечал. Я уже про себя одиннадцатую формулу расслабления повторял: «Мои пальцы и кисти расслабляются и теплеют». Вдруг дверь в мою комнату открылась, и отец громко крикнул:

— Ты, в конце концов, собираешься выйти или нет? Я тебе уже сто раз об этом кричу.

Я продолжал делать свой практикум по самовнушению расслабления, притворившись, что сплю, хотя мысленно не переставал повторять про себя одиннадцатую формулу: «Мои пальцы и кисти расслабляются и теплеют!.. Мои пальцы и кисти расслабляются и теплеют...» Но отец тоже не переставал повторять мне громко одну и ту же свою формулу. Тогда я не выдержал и как бы во сне, но громко произнес:

— Мои пальцы и кисти расслабляются и теплеют...

В это время в комнату вошла мама и тоже громко сказала:

— Послушайте! Интересный материал в газете:

«...В этой связи вспоминается мне история с восьмиклассником одной московской школы. Немало хлопот доставлял он всем. Мог какой-нибудь выходкой сорвать урок. И вот как-то в походе по Подмосковию он проявил себя с неожиданной стороны. Одна из девочек поскользнулась и упала в холодный осенний ручей и основательно промокла. Мальчик помог ей, отдал свои теплые вещи, чтобы она согрелась!..»

— Нет,— сказал я, приподнимаясь на постели, но с закрытыми глазами,— в таких условиях ни один ни псип, ни чедоземпр, ни сверкс не смог бы предельно расслабиться, в таких условиях можно только предельно напяться!

— Что он говорит! О чем он все время говорит?! Что это за псипы, чедоземпры и сверксы-мерксы? Может, кто-нибудь на земном шаре объяснит мне, что это все значит?— вскрикнул отец и опять принялся за свое:— Ты собираешься вставать или нет?

Я посмотрел на свои часы. На часах было ровно двенадцать (24 часа 00 минут!). Несколько секунд я мучительно размышлял о том, что же мне делать дальше. Я не мог нарушить свое расписание. И, учитывая грозную интонацию отцовского голоса, не послушаться его я тоже не мог. Значит, безвыходное положение! Как бы не так! У нас, сверхкосмонавтов, безвыходных положений не бывает. Выход есть! Хорошо! Я встану, но я им всем покажу, даже отца родного не пожалею! Сейчас будет жалкий разговор, который я запишу на магнитофон, и пусть со временем потомки видят, то есть слышат, как меня не понимал никто, даже самые близкие люди.

Я встал с постели, не открывая глаз. Отыскал на столике два теннисных мяча и положил их в карман пижамы, взял магнитофон, ощупью по стене добрался до дверей и вышел в столовую. Нащупал руками спинку стула, опустился на сиденье и сказал:

— В рационе долгожителей, которых в Грузии свыше двух тысяч, преобладает растительная пища. В западных районах Грузии, например, старики не употребляли первых блюд, которые богаты экстрактивными веществами. Куриное, говяжье, изредка баранье мясо долгожители едят в основном в вареном виде. Сырые овощи, фрукты, свежая зелень и сушеные пряные травы, богатые витамином С,— обязательная принадлежность их стола в любое время года. Долгожители едят мало сахара и много меда. Постоянное потребление молока, сыра, овощей и фруктов создает естественный барьер против склероза. Именно этим объясняется низкий процент случаев атеросклероза у столетних.

— Если наш сын во сне изрекает такие вещи,— сказала с гордостью мама,— то что он может изречь, когда проснется!

«Пусть думают, что я сплю»,— подумал я про себя. А еще подумал: «Может, я действительно говорю, думаю, делаю и вообще живу как псип только во сне, но уж, как я проснусь...» Даже мне было страшно представить, что я смогу наделать, если проснусь, поэтому я сказал:

— Даю вам десять минут на разговоры со мной.— Я поставил на стол микрофон и незаметно включил под столом магнитофон.

— Попрошу без ультиматумов,— грозно произнес отец.

— Юрий!— воскликнула мама испуганным голосом.— Почему ты не открываешь глаза?

— По расписанию,— ответил я.

Мама начала было поднимать панику в том смысле, что не повредили ли мне в драке зрение, но отец сказал:

— Пусть сидит с закрытыми глазами... По крайней мере, я буду думать, что ему стыдно смотреть мне в глаза...

Я, конечно, промолчал. Но, чтобы не терять зря время, стал заниматься четырьмя делами сразу. Дремать! Слушать отца! Левой рукой сжимать теннисный мяч в

кармане пижамы! Правой ногой, упираясь на носок, накачивать мышцу ноги!

В комнате наступило какое-то противное молчание, которое наконец-то нарушил голос отца.

— Ну, говори!— сказал он, обращаясь, очевидно, ко мне.

Я молчал.

— Так,— сказал отец,— перед началом разговора проведем небольшую инвентаризацию лица нашего сыночка: презрительно сжатый рот — один, царапин — пять... или шесть? Шесть. Синяк — один... Закрытых глаз — два...

Я чуть слышно скрипнул зубами и еще плотнее зажмурил глаза.

— Юрий,— снова спросила меня мама испуганным голосом,— а почему ты сидишь с закрытыми глазами?

— По рас-пи-са-нию,— снова ответил я, но с такой интонацией, что отец даже дернулся на стуле.

Мама снова начала поднимать панику в том смысле, что не нанес ли мне этот кружок хулиганов серьезную травму, но отец вовремя остановил ее.

— Начнем разговор...— сказал отец.

Наступила опять противная пауза, которую я не собирался нарушить.

— Ну, говори!— обратился отец, очевидно ко мне.

— А чего говорить, задавайте вопросы!— сказал я, сдавливая правой ногой и левой рукой теннисные мячи.

Даю голову на отсечение, что после этой фразы отец посмотрел на маму, а она стала ему делать какие-то знаки руками. Я это почувствовал по движению воздуха.

— Перестань трясти ногой и рукой,— потребовал отец.

Сами же говорят: «Жизнь коротка! Берегите время! Не теряйте ни минуты зря!» А когда начинаешь «не терять» и «беречь», то придираются.

— И вынь руки из карманов, когда разговариваешь со взрослыми! И открой глаза!— сказал отец, повышая голос.

— Нет,— сказала мама,— я все-таки считаю, что бы там ни писала учительница, наш Юрий очень серьезный мальчик!

— Чарлз Дарвин тоже был серьезный мальчик, и однажды он очень сильно об этом пожалел!— возразил отец.

Но тут отец не прав. Первый раз слышу, чтобы человека обвиняли в серьезности. В легкомыслии — это другое дело.

— Женья, ну зачем ты так? — сказала мама. — Даже враги Юрия признают, что у него во всем и ко всему выдающиеся способности.

— Есть люди, — сказал отец, — есть люди, — повторил он, — в которых с детства заложен неприятный талант делать жизнь окружающих будничной и безрадостной!..

После этих слов у меня пропала последняя надежда, что я могу услышать от него фразу: «Драки, как и войны, бывают справедливые и несправедливые!» Сквозь прищуренные глаза я посмотрел на циферблат моих часов. С начала разговора прошло уже три минуты. Интересно, как отец может уложиться в семь минут, если он еще и не начинал говорить о дневнике?

— Я повторяю, — сказал отец, делая опять большую паузу.

«У него осталось семь минут на разговоры, а он еще повторяет», — подумал я.

— Вчера они напали на него целым кружком! — вмешалась в разговор мама. — И ничего особенного, что мальчик дал волю кулакам. В конце концов, у нас даже в законе есть право на самооборону!

— Я повторяю, — сказал отец, — в третий раз повторяю...

Но мама и на этот раз не дала повторить отцу ни слова.

— Французам и итальянцам, например, — сказала она, — время от времени необходимо разрядиться вспышкой ярости или выкрикаться...

— Я повторяю, — сказал отец, не обращая внимания на мамины слова и повышая голос, — я повторяю в четвертый раз...

Именно в это время на моей руке зазвонил будильник. Я встал со стула. Пользуясь тем, что отец все еще обдумывал что-то, я произнес:

— Папа, у тебя осталось две минуты, но ты не расстраивайся. Ты можешь все остальное договорить мне завтра утром.

— Как утром? Почему утром? — опешил отец. — И это он мне разрешает не расстраиваться!

— Мальчик устал, — поддерживала меня мама. — По-

говорим с ним утром, действительно. Пусть он лучше отдохнет.

— Никаких завтра!— крикнул отец.— Только сегодня!— продолжал он четкой и громкой скороговоркой.— Ты читаешь лекции учителям, вероятно, потому, что думаешь, что знаешь больше всех учителей!

— Но я действительно решил задачу по-своему, учитель такого решения не знал. И я решил быстрее учителя,— заступился я за себя.

— Но почему ты не ответил на вопрос, до каких лет в среднем живет человек!— возмутил отец.— Отвечай: до каких лет в среднем живет человек?

— Не знаю,— ответил я.— И знать не хочу. Потому что чедоземпр все знает, все умеет и все может из всего того, что он хочет знать, уметь и мочь!..

— Боже мой!— простонал отец.— Кто мне ответит: ну почему мой сын не знает и не хочет знать такой простой вещи?!

— Узнаете через средства массовой информации почему... со временем узнаете,— объяснил я сурово.

— Но я хочу знать сейчас!— воскликнул отец.— И вообще, я просмотрел все иностранные словари — там нет слова «чедоземпр». Что такое чедоземпр!.. Ну давай, давай записывай,— взглянув на маму, засмеялся отец и тут же обратился снова ко мне:— Пока она записывает глупости, которые ты говоришь, ты преодолей свое ослиное упрямство и ответь мне: до каких лет в среднем живет человек?..

Отец свой вопрос повторил несколько раз, и я тоже несколько раз ответил на русском языке, что я не знаю, до каких лет в среднем живет человек. И даже когда отец заявил, что поможет мне с ответом и пояснил, что человек в среднем живет до семидесяти пяти лет, я все равно сказал, что я не знаю, до каких лет в среднем живет человек. Это произвело на отца ужасное впечатление, мне даже его стало жалко.

После очередного вопроса: «До каких же в среднем лет, черт возьми, живет человек?!» — я решил нарушить клятву, данную самому себе: отвечать на такой вопрос только словами «не знаю!».

Тут, дорогие товарищи потомки, должен вам объяснить, почему я, вернее, какие мотивы руководили моим нежеланием отвечать на вопрос о средней продолжительности жизни человека словами «не знаю». И не было ли

в этом ответе действительно глупого и ослиного упрямства, на которое в разговоре со мной намекал мой отец? Не знаю, дорогие товарищи потомки, как будет с возрастом у вас, но у нас в мое время было форменное безобразие! Посудите сами: у нас в среднем человек и вправду доживал до семидесяти — семидесяти пяти лет. А хотите знать мое мнение, почему так мало? Я вообще-то хотел обнародовать свои идеи не сейчас, а в другой исторический период моей жизни, но мне просто стало жалко отца, и потом, может, я не имею права скрывать это мое открытие от родителей, они ведь у меня тоже могут в среднем дожить до семидесяти пяти лет, а не, как я, до... ну, скажем, грубо-ориентировочно, до, скажем, семисот лет... Не сразу, конечно, а постепенно, со временем.

И вот здесь, дорогие товарищи потомки, я сбегал в свою комнату и принес с собой тетрадь, в которой на обложке было написано: слева гриф «Совершенно секретно», в скобках — «Для потомков» и ниже объяснительная записка, почему я на вопрос о средней продолжительности жизни человека на Земле отвечал «не знаю».

Итак, я откашлялся и хотел уже прочитать вслух, но негромко, чтобы не подслушали ненароком через стену соседи, но в самую последнюю минуту раздумал. Хорошо, предположим, я бы прочитал: «Дорогие товарищи потомки! Я, конечно, и вы, конечно, знали, что человек на Земле жил до семидесяти — семидесяти пяти лет. Но вот почему он жил только до семидесяти — семидесяти пяти лет, никто не знает, а я знаю. По-моему, люди живут до таких лет, до таких малых лет, я бы сказал, потому что они словно бы сговорились считать, что в семьдесят пять лет человек является как бы стариком. В два годика — это малыш, в десять — это мальчишка, в семнадцать — это юноша, в тридцать — это взрослый человек, в пятьдесят — шестьдесят лет — пожилой человек, а в семьдесят — семьдесят пять — это уже старик. Я глубоко убежден, если бы люди не знали, что в семьдесят — семьдесят пять лет человек является уже стариком, то они в эти годы не чувствовали бы себя такими и не были бы стариками. По моему глубочайшему убеждению, если взять младенца с Земли и отправить на какую-нибудь планету, где люди живут до тысячи лет, и там, где младенец не знал бы, что он в семьдесят лет уже будет стариком, то этот младенец вместе с другими тоже мог бы

прожить тысячу лет». На этих словах я оторвал бы свой взгляд от тетради и убедительно и победительно посмотрел на моих родителей и сказал: «Теперь вам понятно, почему я на вопрос о средней продолжительности жизни человека отвечал словами «не знаю»?»

Наступила бы пауза, во время которой мама вскочила бы со стула, хлопнула в ладоши и крикнула бы:

«Боже мой! Это же целое научное открытие! Это же сенсация! Теперь я понимаю, почему, когда я говорю, что мне меньше лет, чем на самом деле, я чувствую себя гораздо лучше, чем обычно!»

«Глупости,— сказал бы отец,— никакое это не открытие, а ослиное упрямство. Если даже у тебя есть свое мнение относительно длительности жизни человека, то ты все равно должен был отвечать не словами «не знаю», а хотя бы высказать свои мысли вслух учителю! И вообще сейчас разговор идет не об этом! Разговор идет сейчас о безобразном поведении в школе моего сына! Я хочу знать, наконец, что происходит с моим сыном! Я могу знать, что происходит с моим сыном, или я не могу знать, что происходит с моим сыном?!»

Вот почему, предполагая отношение отца к моему открытию, я не прочитал запись в тетради, а сказал еще раз: «Не знаю!»

— Ну все,— сказал отец,— больше я не желаю разговаривать с этим дрянным мальчишкой!

Пока я выключал и сворачивал магнитофон, отец очень нервно что-то писал в дневнике. Подписался еще нервнее и молча протянул мне дневник. Я так же молча, но, конечно, совершенно спокойно взял его и вышел из комнаты. Когда я закрыл дверь, я услышал, как отец сказал маме:

— Я не знаю не только, что с ним делать, но и что с тобой делать!

Лучшей фразы отец и не мог придумать, и я сейчас вам скажу почему, только прочитаю, что он написал в дневнике.

Вот что он написал: «Должен Вам сообщить, что мой сын дома ведет себя ничуть не лучше, чем в школе. Очевидно, нам с вами надо принять какие-то общие меры».

Прочитав эту запись, я не выдержал, вышел из своей комнаты в столовую, где отец все еще сидел за столом и пил какие-то лекарства.

— Есть люди,— сказал я,— есть люди, которые,

как осьминоги, в минуту опасности готовы скрыться за чернильной завесой жалких слов вроде: «Должен Вам сообщить, что мой сын дома ведет себя ничуть не лучше, чем в школе. Очевидно, нам с вами надо принять какие-то общие меры». И тому подобное.

Между прочим, даю справку из бионики. Любопытная деталь: чернильная жидкость, выпущенная осьминогом, не просто скрывает его. Она ядовита и на какое-то время парализует обоняние преследующих его рыб: те перестают узнавать осьминога, даже натываясь на него. — Я сказал это все для того, чтобы, конечно, как всегда, ошеломить отца и парализовать своей эрудицией, и я этого почти добился.

— Есть люди, — ответил ошеломленно и почти парализованно отец на мое «есть люди», — которые готовы называть своего родного отца осьминогом, — после чего с ним началась просто какая-то истерика.

К сожалению, я тоже как-то немного сорвался, что ли, или сказала небольшая усталость, но я не удержался и даже вспылал.

— Все! — сказал я. — Все, я отказываюсь быть... я не могу быть в таких условиях! Пусть другие будут выполнять это поручение!.. Я отказываюсь!.. В конце концов, и у меня есть нервы, конечно, не железные и даже не стальные, а из этого... из титана, но это тоже нервы!..

Я влетел, продолжая бушевать, в свою комнату, и за мной влетела моя мама. Я бушевал, положив руку на пульс. Пульс был как всегда: законных пятьдесят два удара в минуту.

— Пусть другим поручают это самое из самых!..

— Действительно, — поддержала меня мама, — пусть другим поручат это самое из самых!..

— Да нет, не найдут другого, — подумав, сказал я. — Других-то они, конечно, не найдут. Я же не смогу... в таких условиях полного непонимания!.. И никто не сможет в таких условиях! И именно потому, что никто не сможет в таких условиях, одна надежда на меня! Именно потому, что никто не сможет, я смогу! Поэтому все продолжается! Я продолжаю! Ты свободна, мама! Пока!

— Спокойной ночи!

Поцеловав меня, мама на цыпочках вышла из комнаты. И тут же принялась в столовой заступаться за меня, по-видимому.

— Если мои доводы тебя не убеждают, — говорила

она отцу,— послушай, что пишет по сходному поводу журнал. «...Неуверенность усложняет жизнь, мешает успеху. Уверенный в себе добивается большего. Потому что чувство уверенности обычно сопровождается появлением так называемых стенических эмоций (от греческого слова «стенос» — «сила»), которые повышают и физические и психические возможности человека. Без веры в свои силы спортсмен, например, никогда не одержит победы. Переоценка противника и недооценка собственных возможностей почти всегда ведут к поражению».

— Все это хорошо,— говорил отец,— послушай и ты меня. Надо же избегать крайностей.— И он маме тоже прочитал, вероятно, из другого журнала.— «Но если уверенность чрезмерна, не оправдана действительными возможностями, она уже становится отрицательным свойством личности, перерастает в самоуверенность. Самоуверенный берется за дело, к которому вообще не пригоден или не подготовлен. Такие переоценивающие себя люди нередко отличаются бахвальством, самомнением. Они могут принести немалый вред».

— Нет, это просто невозможно,— сказал я вслух,— все как будто сговорились срывать посекундное расписание и планирование моей жизни. Теперь я буду планировать свою жизнь не загодя, а погода: то есть сначала что-нибудь сделаю, а потом запишу в бортжурнал.

Вот сейчас вообще-то надо спать, и я уже спал бы, если бы мой отец не устроил мне эту сцену, а теперь надо послушать ленту магнитофона, на которой записана моя так называемая беседа с отцом; еще и воспоминания о себе надо записать шифрованным текстом. Хорошо бы попросить отца подписать текст сегодняшней сцены и удостоверить, что все так в точности и было. Но ведь текст будет зашифрован, и, взглянув на мой шифр, отец, наверное, взорвется: «Что ты мне подсовываешь какую-то китайскую грамоту!..» — и так далее и тому подобное. Ладно, обойдемся без подписи. Тем более, что весь разговор записан на магнитофон.

Вот, не даст соврать магнитофонная пленка, товарищи потомки! Я перекрутил пленку и нажал на клавишу проигрывателя, но звука никакого не было. Значит, где-то что-то не сработало. Неужели пропало столько времени даром? Может, попросить отца устроить мне эту сцену еще раз — специально для потомков? Они же могут не поверить, что мне приходилось жить, учиться, работать и

готовиться в такой нечеловеческой обстановке при полном взаимном непонимании. Я прислушался. Отец еще не спал. За стеной отчетливо продолжал звучать его голос:

— «Представьте себе хотя бы молодого самоуверенного врача. У него и мысли не появится, что поставленный диагноз неплохо бы перепроверить, посоветовавшись с опытными коллегами. В результате неверно определена болезнь, неверно назначено лечение... А разве приятны самоуверенные люди в общении? Жить, работать рядом с ними?...»

«Интересно, к чему это папа вдруг заговорил о врачах», — подумал я.

Снова приготовил магнитофон к записи, проверил его:

— Раз-два-три! Раз-два-три! Дается проба! Дается проба!

Прослушал звук — все было в порядке. Я вышел в столовую...

ВОСПОМИНАНИЕ ДЕСЯТОЕ

Его величество — человеческое электричество

В столовой отец действительно читал маме какой-то журнал:

— «С ними трудно. Они всегда все знают, неспособны к самокритике, не терпят возражений, обрывают собеседника на полуслове. И никогда не заметят, что обидели, унизили товарища. Если самоуверенность и приводит иногда к успеху, то он, как правило, случаен, под ним нет твердой основы. Так что не стоит им завидовать».

Не дожидаясь, когда отец закончит читать, я сказал:

— Папа, надо повторить!

— Что повторить? — удивился он.

— Сцену, — пояснил я.

— Какую сцену?

— Надо повторить еще раз сцену, которую ты здесь мне устроил, — сказал я.

— Какую сцену? — переспросил отец, вытаращив глаза. — Что ты называешь сценой?

— То, что... мы недавно разыграли здесь в столо-

вой,— объяснил я.— Да, называю это сценой, и ее надо повторить слово в слово.

— Как повторить? — удивился отец еще больше.— Почему повторить?

— Понимаешь, магнитофонная пленка не записала. Я сейчас восстанавливаю все наши реплики, и мы повторим все сначала.

Я сел за стол и стал, как всегда, делать три дела сразу (писал, разговаривал с отцом, левой рукой сжимал теннисный мяч). Я писал, восстанавливая слово за словом все, о чем мы говорили за столом.

Я вообще-то могу писать одновременно левой и правой рукой, причем разный по смыслу текст, но если бы я это стал делать, то привел бы отца окончательно в шоковое состояние. Поэтому я писал скоро, но нормально — только правой рукой.

Быстро восстановив текст нашего разговора, я протянул его отцу и сказал:

— Здесь все, что ты мне говорил, только перед записью на пленку, надо над ролью отца хорошенько поработать.

— Над какой ролью? Какого отца? Перед какой записью? — ничего не понял отец.

— Объясняю,— терпеливо произнес я,— ты, папа, только вложи в свои слова побольше ярости и говори по-четче... и вообще конфликтуй,— посоветовал я ему,— по-серьезному.

— Как? — вскричал отец, до которого только сейчас и дошло, что я буду записывать состоявшийся наш разговор на магнитофон.— Меня в моем собственном доме мой собственный сын будет записывать на магнитофон, да еще при этом будет режиссировать и называть мои слова репликами и указывать мне, что мне говорить и даже как мне говорить?! Сегодня меня записывают на магнитофон, а завтра... — на слове «завтра» отец чуть не задохнулся,— а завтра меня, может быть, будут еще и снимать на кинопленку?!

— Минуточку,— сказал я, перестав делать два дела (писать и накачивать мышцу левой руки), папина мысль мне понравилась.

Как это мне самому в голову не пришло снять документальный фильм из моей жизни. Снятый и озвученный фильм! Что может быть более достоверным!

— Минуточку! — воскликнул я.— Это идея! Сегодня

ты, папа, можешь спать, а завтра мы эту сцену и озвучим и снимем!

— Завтра снимем?!— закричал отец.— Впрочем, я не уверен, не уверен, что меня уже сегодня, сейчас почему-то и для чего-то не снимают!..— С этими словами он вскочил со стула и, схватившись за голову руками, скрылся в своей комнате.— Нет, я один с ним не справлюсь,— донесся его голос, и, неожиданно высунув голову из полуоткрытой створки двери, он сказал:— Я тебя предупреждаю, что я сейчас же обзвоню всех наших родственников. Я с тобой один не справлялся, не справляюсь и никогда не справлюсь! Вот сейчас позвоню твоему дяде Пете, и дяде Мише, и дяде Сене, и тогда ты увидишь! Вместе с дядями-то мы уж тебя скрутим в бараний рог!

— Эти слова и эту сцену,— сказал я,— тоже надо бы записать и снять на пленку.— Затем со словами «Ничего, снимем завтра, раз я сказал снимем, значит, снимем» я тоже направился в свою комнату.— А насчет помощи... это даже интересно, как это у вас получится и что это у вас получится?..

— Кстати,— оживился отец по ту сторону двери,— я не хотел тебе говорить, но скажу, что с дядей Петей к нам придет один его знакомый. Он-то тебе и внушит кое-что. Потому что, видно, только такой человек, как дяди Петин знакомый, и может внушить тебе кое-какие полезные мысли!..

На словах «внушить тебе кое-какие полезные мысли» я перебил отца и громко произнес:

— Пап, ну неужели ты веришь, что...

— Я хочу в это верить, хочу хотя бы верить! — воскликнул отец за стеной. За стеной физически ощутимого непонимания, которое стало нас разделять с отцом с некоторых пор. Но стена стеной, дяди Петин знакомый дяди Петиным знакомым, а о внушении, вернее, о контрвнушении следует серьезно подумать. При встрече со мной как с представителем земной цивилизации инопланетяне тоже могут попытаться внушить мне что-нибудь внеземное. Кое-что у меня для этого припасено. Кое-что, кое-что!.. Я подошел к книжной полке и снял с нее брошюру кандидата медицинских наук «Внушение в медицине». «Может быть, дяди Петин знакомый способен, по мнению папы, внушить мне полезные мысли, имеет какое-нибудь отношение к медицине,— подумал я.— Ничего, мы про-

верим, какое отношение имеют товарищи родственники к внушению». Затем я открыл дверь в столовую.

— Кстати, папа,— сказал я, высовывая голову из дверей,— а дядя Петя какой кончил вуз?..

— Институт тонкой химической технологии имени Ломоносова,— сказал отец.

— А дядя Миша?

— Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева.

— А дядя Сеня?

— Воздушную академию имени Жуковского. А зачем тебе это знать?

— Узнаете,— сказал я.

— Через двадцать пять лет?— спросил отец.

— На этот раз пораньше,— сказал я.

«Институт тонкой химической технологии имени Ломоносова... сельскохозяйственный вуз и воздушная академия...» — повторил я про себя и взглянул на балкон. Мне показалось, что там за стеклом балконной двери мелькнула чья-то тень, но я не придал этому никакого значения. Я потянулся и сказал:

— Ну денек, не хватает только сейчас еще обнаружить где-нибудь стихи. Сейчас вот подниму одеяло, и на простыне лежит листок со стихотворением.

Я отдернул одеяло и действительно увидел на простыне листок с написанными столбиком словами, так записывают только стихотворения...

— Ладно, почитаем,— сказал я спокойно и прочитал вслух:

Взялся ты за дело,
Взялся неумело
И гадаешь: почему?
Да потому, да потому,
Что это плохо,
Очень плохо,
Если нет в тебе,
Нету тока.
Если нет в тебе
Его величества —
Человеческого электричества.

Говоришь лениво:
«Почему все криво?
Не выходит почему?»
Да потому, да потому,
Что это плохо,
Очень плохо,
Если нет в тебе,
Нету тока.

Если нет в тебе
Его величества —
Человеческого электричества.

Между прочим, мне это последнее стихотворение про электричество больше всех понравилось, как будто кто-то мои мысли подслушивает... Словно из моего мозга идет какая-то утечка информации.

На днях я только думал, как раз на уроке естествознания, об электрическом скате. Даю справку из Большой советской энциклопедии по памяти: скаты (от скандинавского) — подотряд рыб отряда акулообразных. Кожа голая или усаженная шипами. Скелет хрящевой. Голова и туловище уплощены в спинно-брюшном направлении. Длина тела до трех метров, вес до ста килограммов. Семейство электрических скатов... Вот вам, пожалуйста, его величество — скатское электричество. Он обладает электрическими органами, расположенными по бокам головы, напряжение тока до трехсот вольт, сила тока — семь-восемь ампер... Ну, скажите мне, товарищи потомки, зачем этому скату электричество, когда им по праву царя природы должен обладать человек типа ПСИП-1. Я, значит, хожу и думаю, как бы это и где бы это расположить в теле человека эти самые электрические органы? Думаю, что лучше всего — сбоку под левой и правой рукой. (Смотри чертеж туловища ПСИПа в моем бортжурнале!) Я, значит, хожу и ломаю голову да трачу свое человеческое электричество, а мне:

...Взялся ты за дело,
Взялся неумело...
.
.
.
Что это плохо,
Очень плохо,
Если нет в тебе,
Нету тока.
Если нет в тебе
Его величества —
Человеческого электричества.

А как же:

...Идешь на бой.
Лицо открой?!

А сами!.. Анонимы бестолковые! Мобулидаи несчастные! Я не ругаюсь, товарищи потомки, мобулидаи — это значит скат, морской дьявол. Значит, мобулидаи — это морские дьяволы. С криком: «Мобулидаи!» — я вышел на балкон.

Когда я вышел на балкон, мне показалось, что мой сосед Колесников-Вертишейкин замаскировался за решеткой своего балкона и глядит в бинокль — ведет наблюдение за моей комнатой.

— Труссы! — сказал я еще громче. — Труссы! Сами пишут: «Идешь на бой, лицо открой — вот смелости начало!» А сами, — сказал я, возвращаясь в комнату, — стреляют из-за угла отдельными самодельными стихами! Вы стреляйте в меня полными собраниями сочинений!

При слове «стреляйте» дверь открылась, и в комнату заглянул испуганный отец и скрылся.

— Я не боюсь! Чедоземпр не боится ничего и никого на свете. Он боится только одного: не-по-ни-ма-ния!

Как чедоземпр, я думаю, что если между людьми существует понимание, то оно должно быть полным. Если же понимания нет, а есть полное непонимание, — тем лучше! В конце концов, чедоземпр должен уметь переносить не только физические перегрузки, но и моральные. Пусть все дается нелегко. Зато будет о чем вспомнить на пресс-конференции.

ВОПРОС сверхкосмонавту Иванову **СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ»:** Товарищ Иванов, говорят, что в детстве вы тренировались в трудных условиях и окружены были, ну, что ли, некоторым непониманием взрослых... Правда ли это?

ОТВЕТ сверхкосмонавта Иванова (*просто*): Что было, то было, скрывать не буду! Есть документы. Я имею в виду школьный дневник с «резолуциями» классной руководительницы и отца! Есть магнитофонные записи... (*Смех!*) Есть кое-какие документальные фильмы... (*Аплодисменты.*)

ВОПРОС СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА НЬЮ-ИОРКСКОЙ ГАЗЕТЫ «ТАЙМС» сверхкосмонавту Иванову: Господин Иванов, говорят, что вы стали единственным и первым в мире чедоземпром, псипом и сверхсом, потому что еще в детстве провели курс специальных, вами разработанных тренировок? Не расскажете ли вы, в чем именно был секрет этих тренировок?

ОТВЕТ сверхкосмонавта, чедоземпра и псипа Иванова: Будет время, все расскажем! (*Смех. Аплодисменты.*)

Были мне заданы и еще какие-то вопросы, но это уже когда я спал.

Обычно я засыпаю сразу же и сплю без всяких сновиде-

дений, но на этот раз почему-то впервые в жизни сработала только первая половина обычного. То есть заснул я, как всегда, сразу же, но вскоре мне приснился редкий сон в моей жизни. (Откуда я узнал, что «вскоре», это я объясню позже).

Снилось мне, будто бы я, как обычно, иду в Измайловский парк тренироваться на карусели, как на центрифуге. Иду нормально, как будто бы даже не во сне. По сторонам оглядываюсь, чтоб за мной никто не следил. Вдруг навстречу Колесников. «Чего это ты в парк зачастил?» Я ему в ответ ничего не сказал и прошел мимо. Оглянулся. Смотрю, Колесников-Вертишейкин за мной голову поворачивает. На сто восемьдесят градусов (как в жизни!). Я ему погрозил пальцем. Тогда он поворачивает голову на все триста шестьдесят (это уж как во сне, конечно!) и исчезает. Тогда я подхожу к кассе за билетом. А вместо кассирши сидит в кассе из нашего класса... ну та, которая в космос, может быть, стюардессой полетит. Но я все равно на нее, как тигр, смотрю — сквозь нее — и протягиваю молча деньги в окошко. А она мне вдруг говорит: «Вам, Иванов, сегодня без денег!» Я отвечаю: «Тем лучше». Подхожу это я к калитке. Смотрю, вместо контролера Маслов с физиками и лириками стоит. А вместо детской карусели за забором настоящая центрифуга — длинный горизонтальный рычаг, на одном конце противовес, а на другом конце кабина космонавта, только какой-то странной формы. Я, конечно, про себя немного удивился, очень незаметно. Подхожу к центрифуге (как кошка к аквариуму). Разглядываю. Странная кабина. Заграничная, что ли? Впереди четыре ребра и какой-то большой выступ. «Ну, Иванов, — спрашивает меня Маслов, — как думаешь, какой фирмы центрифуга?» Но меня на детский вопрос не поймает. Я в центрифугах разбираюсь, как большой, и не только во сне, как Маслов. «Это — центрифуга, — говорю я, — скорее всего, американской фирмы «Локхид»!» Лирики и физики как захохочут. А Маслов вдруг говорит громко, будто в гигантский мегафон, словно на весь мир хочет меня опозорить: «И фирмы не «Локхид», а фирмы «Фиганим», потому она и называется не центрифуга, а цен-три-фи-га!» Я смотрю свирепо на кабину и вижу: четыре ребра — это четыре согнутых пальца, а большой выступ — это кукиш. Значит, Маслов правильно меня информировал. И все это действительно не центрифуга, а самая позорная цен-три-фи-га! А вокруг все сме-

ются, заливаются. Всякие реплики бросают: «Садись, Иванов! Все равно бесплатно!», «Она у нас пятикратно усиливает перегрузки!..»

Так. Значит, от этих лириков и физиков и во сне уже покоя нету?..

С этими мыслями я набросился на всех сразу и стал бросать ребят по одному за ограду цен-три-фи-ги. Думал я в это время об одном: только бы в эту минуту мне не приснилась наша классная руководительница. Еще приснится и помешает расправиться с этими ченеземпрами. Хоть и во сне, а все-таки помешает. Но она мне, к счастью, не приснилась. Только Маслов, когда я его схватил за грудки, сказал почему-то папиным голосом: «Все тот же сон!..» Я размахнулся изо всех сил, чтобы дать трепку Маслову, но в это время меня кто-то схватил за руку. Причем этот кто-то был не во сне, потому что, когда я оглянулся во сне, я чувствовал, что меня кто-то держит, но не видел кто. Тогда я сразу же нарочно проснулся, чтобы расправиться с тем, кто меня держит. Я открыл глаза и... увидел отца. Это он держал мою руку не во сне, чтобы я не расправился с Масловым во сне.

— Все тот же сон, — мягко сказал отец, отпуская мою руку. — Можешь полюбоваться, — сказал он маме, — он уже не только наяву, он уже и во сне воюет!..

— Чедоземпр Юрий Иванов контролирует все свои поступки только наяву, но теперь я должен научиться держать себя в руках и во сне, — сказал я в свое оправдание.

— Во сне? — вскричал отец. — Да ты наяву...

Здесь мне в голову пришла до смешного простая и, я бы сказал, великая мысль: «А что, если научиться бодрствовать во время сна и спать во время бодрствования?» У меня даже дух захватило от перспективы, которую открывала эта мысль. Только бы научиться! Можно было одним этим прибавить к своей жизни чистых семьдесят пять лет! Ведь в среднем семьдесят пять лет мы проводим наяву и семьдесят пять лет во сне! $75 + 75 = 150$ годам! Я стал вспоминать, есть ли в природе существо, которое работает во сне и спит во время работы? В моих энциклопедических знаниях явно было какое-то «белое пятно». Существует, конечно, анабиоз. Анабиоз — это состояние организма, при котором жизненные процессы настолько замедленны, что отсутствуют все видимые проявления жизни. Анабиоз наблюдается при резком ухудшении условий существования (низкая температура, отсутствие

влаги). При наступлении же благоприятных условий у организмов, впавших в состояние анабиоза, происходит восстановление жизненных процессов.

Нет, анабиоз — это бездейственное состояние организма. А что, если анабиоз... А что, если ты в анабиозе, но... но ты не спишь! Ты двигаешься, разговариваешь, ходишь с открытыми глазами, занимаешься, что-то делаешь, но вместе с тем ты в одно и то же время спишь. Это будет такое состояние, в котором ты одновременно и работаешь и отдыхаешь, то есть ты тратишь силы и в то же время восстанавливаешь их. Это же что-то вроде вечного двигателя! Я так раз... разволновался (разволновался, конечно, спокойно), что даже представил себе такую пресс-конференцию.

Скажем, кто-то, где-то, когда-то собирает советских и иностранных журналистов и даже не где-то, а именно в шахматном клубе. В зале, кроме журналистов, конечно, полно перворазрядников и гроссмейстеров. Ведущий пресс-конференцию просит соблюдать в зале абсолютную тишину. За столом сижу я, представители различных спортивных организаций и какой-нибудь очень известный врач. Ведущий просит задавать мне вопросы. Предположим, меня спрашивают, как я познакомился со спортом. Я отвечаю, что познакомился со спортом еще в детстве. Увлекался всеми видами спорта, и в том числе шахматами.

— Нам известно,— говорит кто-то,— что вы должны были играть со многими гроссмейстерами.

— Не только с гроссмейстерами,— отвечаю я,— очень интересные люди есть и среди не очень именитых представителей шахматного искусства.

— Случалось ли вам играть с вашими друзьями?

— Я их слишком уважаю,— отвечаю я,— чтоб навязывать себя в партнеры, и не эксплуатирую их доброго отношения.

Затем мне будут заданы еще всевозможные вопросы на разные темы. И после того как любопытство присутствующих будет удовлетворено, ведущий пресс-конференцию скажет: «А сейчас состоится сеанс шахматной игры. Псип, сверкс и чедоземпр Юрий Иванов вызывает любого на бой».

Тогда на сцену выйдет какой-нибудь гроссмейстер, и я сыграю с ним партию. И может быть, даже и выиграю, то есть даже наверняка. Затем ведущий снова попросит

тишины в зале и сделает следующее чрезвычайное заявление: «Дорогие товарищи,— скажет он, обращаясь к зрительному залу,— в том, что Юрий Евгеньевич Иванов выиграл или, скажем, даже проиграл эту партию, казалось бы, нет ничего удивительного, но дело в том, что как раз во всем этом есть кое-что удивительное: Юрий Евгеньевич выиграл партию в спящем состоянии».

В зале, конечно, после этих слов поднимется шум, все закричат: «Как в спящем? Ведь он же не спит! Он же разговаривает, шутит, смеется и даже играет в шахматы!»

И тут ведущий снова скажет: «В том-то и дело, что Юрий Иванов, Юрий Евгеньевич Иванов, хотя и разговаривал, шутил и играл, все же находился и сейчас находится в спящем состоянии, что и удостоверит присутствующий здесь профессор».

Седовласый профессор удостоверит, что я действительно нахожусь по частоте пульса, по глубине дыхания в спящем состоянии, и все придут в необычайное изумление. А ведущий скажет, что это и есть новое и невероятное открытие псипа, сверкса и чедоземпра Юрия Евгеньевича Иванова, заключающееся в том, что человек спящий может бодрствовать, а бодрствующий — может спать, не теряя даром ни минуты времени.

На этом воспоминания Иванова обрываются. Затем он начинает вспоминать утро следующего дня...

ВОСПОМИНАНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Зеленый шум

...Когда я проснулся, первое, о чем я подумал: как мне проучить всех этих жалких шпионов. Я решил это сделать сегодня же утром, после зарядки и завтрака. Я вышел на балкон на яркий утренний свет, потому что услышал на дворе какой-то подозрительный шум. Но вы знаете, что «лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать», гласит народная мудрость. Ну, а что делать, если наши глаза не все способны разглядеть? Взять, к примеру, свет (самое темное место в физике, как считают ученые). Видимый свет — это электромагнитные излучения, которые мы ощущаем. Такое излучение дают волны, длина которых лежит в определенном диапазоне. Но стоит только волне «перебежать» границу в правую

или левую сторону, как она превращается в невидимую. Инфракрасную и ультрафиолетовую области оптического спектра мы не видим. Но я, как вы сами понимаете, вышел на видимую часть света, и что же? Вертишейкин рассматривал меня в упор в бинокль.

— «Большое видится на расстоянии!» — сказал он мне нахально вместо «здравствуйте!». — Это как сказал Есенин, — пояснил Колесников-Вертишейкин.

— Большое видится и на расстоянии, как сказал Иванов, — поправил я Вертишейкина и Есенина.

Я нарочно потянулся и прислушался к себе. Все анализаторные системы моего организма работали прекрасно. Кристаллы углекислых солей давили на мембрану моего уха, сигнализируя об идеальном состоянии моего слуха. Я прекрасно слышал все, что происходило вокруг меня, надо мной и подо мной.

Внизу, возле ворот дома, дежурила, громко о чем-то переговариваясь, масловская дружина.

— «Все равны, как на подбор. С ними дядька Черномор!» — пояснил Вертишейкин, кивнув головой в сторону Маслова.

А я сказал:

— Зеленый театр... зеленый шум! — при этом мне показалось, что что-то когда-то вроде этого было в моей жизни.

Вот так же кто-то стоял, чего-то от меня требовал, я с кем-то ругался... Или я что-то об этом читал в какой-то книжке?.. А не все ли равно с кем, когда и что было? Не отвлекайся, Иванов, не отвлекайся от перигея, который ты сейчас покажешь своим одноклассникам. Они хотят проникнуть в твой апогей, но пока еще рано, рано еще проникать им в твой апогей. Вообще-то апогей самое дальнее удаление сверхкосмонавта от Земли. Мой апогей — это когда я выполню порученное мне самое трудное задание на свете, а перигей — это самое близкое приближение к Земле сверхкосмонавта. Это примерно вообще, а в данном случае мой перигей — мое самое близкое приближение к моим земным делам и заботам. И сегодня, скажем через час, я начну, как говорится, приоткрывать завесу, я позволю заглянуть в щелочку забора, как бы существующего вокруг меня в моей жизни, я позволю заглянуть в щелочку этим сгорающим от любопытства ченеземпрам! Колесников-Вертишейкин не сводил с меня молящих глаз, стараясь при этом даже не моргать,

чтобы не пропустить чего-нибудь. У него даже слезы на глазах выступили от напряженного внимания.

— Часа через два мы многих недосчитаемся,— сказал я задумчиво.

— В живых?— заинтересовался Вертишейкин.

Эта фраза для него сразу же запахла антологией таинственных случаев. Он поджидал моего ответа и вежливо переспросил:

— Недосчитаемся в живых?

— В еле живых,— объяснил я.— Пересчитай всех по цифровой системе!— приказал я Вертишейкину.

— Ох и интересный же ты человек,— сказал Вертишейкин, и как мне показалось, с неподдельным восторгом.— Ну до чего же ты интересный человек, Иванов! Вот есть цирк, кино, телевидение, театр, а ты один — все, вместе взятое!

— Ты вот что, Вертишейкин, ты слов так зря не бросай, ты пойди и запиши, что я интересный человек и, так сказать, что я все, вместе взятое, запиши и покажи это моему отцу.

— И маме?— спросил Колесников.

— Маме не надо, мама и без тебя знает, что я интересный человек и, так сказать, все, вместе взятое!

— Хорошо,— сказал Колесников.

— Не «хорошо»,— поправил я Колесникова,— а слушаюсь.

— Слушаюсь,— поправился Вертишейкин.

— И вот что еще... Раз уж антология таинственных случаев так антология,— сказал я, а про себя я подумал, что это хорошо и правильно, что я уже сейчас записываю о себе воспоминания, но еще лучше, если будет записывать обо мне воспоминания еще кто-нибудь, ну, скажем, тот же Колесников-Вертишейкин. И еще я подумал, что этот Вертишейкин со своим заурядным умом сам не разберется, что произойдет в парке на его глазах, поэтому я сказал:

— Ты, Вертишейкин, со своим детективным умом сразу не разберешься и не поймешь, что сейчас произойдет, поэтому я тебе объясню. Все это тоже, между прочим, запиши. Значит, так: сейчас я выйду на улицу и побегу в ЦПКиО, в парк, туда, где аттракцион, понял?

Вертишейкин кивнул головой, что он все понял.

— До парка со мной добежать сумеет только Маслов, остальные не выдержат и отстанут. Чтобы не подумали,

что Иванов сбежал, и чтобы не искали по всему парку попусту, я тебе скажу, где мы с Масловым будем.

— Это тоже записывать?

— Это тоже записывай,— сказал я.— Значит, там в парке есть всякие аттракционы: ну, «Трабант», «Миксер», «Веселый поезд», «Чашечки», там автодром, кареты, карусель, «Музыкальный экспресс», аттракцион «Твистер», двухрядная карусель, «Ракетоплан-1», «Ракетоплан-2», «Мертвая петля». Так вот, я, в основном, буду развлекаться на аттракционах, возле которых висят такие предупреждающие таблички: «Лицам, страдающим головокружением, сердечными и другими недомоганиями, посещать аттракцион не рекомендуется». Значит, все будет происходить, как я тебе сказал, понимаешь?— спросил я Вертишейкина.

— Фифти-фифти,— ответил Колесников-Вертишейкин,— как говорят американцы, пятьдесят на пятьдесят. Ох и интересный же ты человек, Иванов. С одной стороны, понятный, с другой стороны, в тебе черт ногу сломит. Все в тебе непонятно и загадочно.

— Ладно,— сказал я Вертишейкину,— только время поможет тебе во мне разобраться!— с этими словами я вышел во двор.

При виде меня все мои соученики напряглись, как один.

— Совсем недавно,— сказал я,— английская подводная лодка «Пайсез-3» с двумя исследователями на борту затонула. На глубине 1575 футов (примерно 473 метра) корма «Пайсеза-3» ударились о дно — удар был не столь ошеломляющим, как ожидали,— и на несколько десятков сантиметров лодка погрузилась в ил. Подождав несколько минут, подводники обшарили лучом карманного фонаря внутренность лодки: повреждений как будто не было.

Чэпмен сообщил о результатах осмотра на базу. «Расслабьтесь,— сказал руководитель работ Хендерсон тоном столь спокойным, как будто заказывал обед.— Держите атмосферное давление. Не делайте усилий больше, чем это необходимо. Мы спустимся за вами, как только на место прибудет еще одна «Пайсез». Совет «не напрягаться» имел глубокий смысл. Дело в том, что запас кислорода, рассчитанный на семьдесят два часа (девять из них уже прошли), можно было «растянуть»: если «пленники моря» сохраняют спокойствие и физически пассивны,

кислород тратится значительно медленнее. Соображаете? Так что экономьте кислород, «не напрягайтесь»... Расслабьтесь... Кутырев, ты, например, очень напряжен. Сначала ноги расслабь, потом руки. Смотрите, как я стою. Видите, как у меня спокойно висят руки вдоль тела. Левая нога свободно отставлена в сторону, правая, хоть я на нее и опираюсь, тоже не напряжена.

Мои одноклассники зашевелились, задвигали руками и ногами, стараясь внять моему умному совету.

— Это я вам вместо «здравствуйте», — продолжал я, — а вместо «как живете» я вам вот что скажу: объем тела самого крупного муравья измеряется кубическими миллиметрами, объем же муравьиной кучки вместе с ее подземной частью — кстати, тоже удивительное творение из лабиринтов сложнейших ходов и камер — в сотни тысяч раз превосходит размеры «строителя». Если сопоставить объем всех сооружений крупной муравьиной колонии с отдельным ее жителем, то получится, что относительный размер муравейника в восемьдесят с лишним раз превосходит масштабы пирамиды Хеопса. Значит, с одной стороны, мураши, мурашишки, мурашишечки, а с другой стороны, что?..

Все напряженно молчали.

— Что же все-таки с другой стороны? — переспросил я всех сразу.

— А с другой стороны, «я царь или не царь?» — сказала, набравшись смелости, Вера Данилова.

— Правильно, Данилова, — поддержал я. — Только чего «царь или не царь»? — переспросил я Веру Данилову и всех сразу и сам ответил: — «Я царь или не царь природы?!» Нет, не царь! Пока не царь! «Пока» я говорил как бы в двух смыслах сразу: в смысле: пока человек еще не царь природы и пока в смысле: до свидания. Понятно? А сейчас, — продолжал я, — давайте мысленно произведем четкую загрузку мышечной системы. Даю команду: бегом шагом марш! Вы, конечно, подумали: опять этот Иванов дает какую-то странную команду. А ничего странного, между прочим, в этой команде нет. Поясняю: то, что для всех бегом, для Иванова — шагсм! Значит, бегом, шагом марш!

И я побежал по московским улицам по направлению к Центральному парку культуры и отдыха имени Горького.

ВОСПОМИНАНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Я сам себя сыграю

«Сначала все полезут за мной на любой аттракцион, — думал я на бегу. — Потом с каждым новым аттракционом желающих будет все меньше и меньше, а я буду кататься и развлекаться до тех пор, пока Маслов тоже не выдержит и, как говорится, сойдет с дистанции. Я же все равно буду продолжать кататься и развлекаться. И когда я накатаюсь досыта, тогда я пойду в Сандуновскую баню попариться. Часть ребят, наверное, потащится за мной и в баню, но париться, конечно, никто ~~не~~ будет вместе со мной, разве только Маслов. Я попарюсь, потомкупаюсь в бассейне, потом опять попарюсь, потом опять покупаюсь в бассейне, потом немного отдохну и приду в школу. Наш класс занимается во вторую смену, но говорят, что в будущем учебном году мы будем все учиться только в первой смене».

Дальше в тетрадке сохранились лишь обрывки фраз. В ЦПКиО имени Горького на аттракционах все происходило так, как и предполагал Юрий Иванов: «развлекаться» с ним на аттракционах начали все ребята, а закончил эти испытания развлечениями он в полном одиночестве, даже будущий космонавт Маслов и тот не выдержал перегрузок, предложенных Ивановым.

Обкатав все аттракционы, Юрий ~~направился~~ в Сандуновскую баню. До бани с ним еле доплелся один Маслов, но что произошло в бане, неясно, так как в тексте ~~отсутствуют~~ еще страницы три-четыре. Затем Иванов продолжает описывать, как он сидел в актовом зале школы, ожидая начала уроков, и занимался сразу пятью делами...

...Итак, после посещения ЦПКиО имени Горького и Сандуновской бани я как ни в чем не бывало сидел в актовом зале нашей школы и занимался сразу пятью делами, самым серьезным из которых были мои размышления о книге «Ораторское мастерство». Эту книгу я купил в книжном магазине по дороге в школу. Еще я купил книгу «Судебные речи». По книге «Ораторское мастерст-

во» я собираюсь овладеть искусством красноречия, а на судебных речах обвинителей я собираюсь тренировать свое красноречие. Обе книги я прочитал в сквере минут за сорок. Я не очень-то давно овладел искусством так называемого партитурного чтения, и с помощью этой системы могу прочитать примерно двести — триста страниц в час. Поэтому, когда я сидел в школе, я уже не читал, а только размышлял о прочитанном.

Дело в том, что мне как представителю земной цивилизации придется представлять ее на встрече с инопланетянами, а для общения с ними мне, конечно, необходимо овладеть достаточно сильным и могучим красноречием. Соотечественников я, конечно, могу и без всякого красноречия поразить первыми же попавшимися словами, но одно дело — соотечественники, а другое дело — инопланетяне! К инопланетянам потребуется, думаю, более научный подход.

Из прочитанного я понял, что ораторское искусство держится на философии, логике, психологии, этике, языкознании... Мысли мои прервал вошедший в зал Борис Кутырев. Я посмотрел на него и подумал: на чем держится красноречие, я знаю, но вот на чем держится Борис Кутырев, не могу понять. В парке Кутырев не выдержал и сошел с круга уже, кажется, на третьем или четвертом аттракционе, и сейчас у него было бледно-зеленое лицо, впалые щеки и какие-то блуждающие глаза. Он посмотрел на мою книгу, опустил без сил на стул и спросил:

- Еще читать можешь?
- Могу, — сказал я.
- И на уроках сидеть будешь?
- Буду, — сказал я.

Кутырев пожал плечами и сказал:

— Ну, Иванов, видал я закоренелых развлеченцев, видал и закаленных аттракционистов, но такого, как ты, встречаю в первый раз... — Затем он взглянул на книги, которые я читал, и вздрогнул. Сверху лежала книга «Судебные речи».

— Товарищи судьи! Я приступаю к обвинительной речи на данном судебном процессе с полным сознанием его огромного значения! — громко крикнул я на весь зал. Я крикнул для того, чтобы проверить, как звучит мой голос в смысле красноречия. Голос мой звучал прекрасно, просто очень даже прекрасно.

Кутырев вздрогнул, посмотрел на меня с ужасом, а в глазах его можно было прочесть: какое там — или «влюбился», или «попал в дурную компанию», или «его какая-то муха укусила», или «его инопланетяне подменили»?! Тут определенно все сразу: и влюбился, и попал в дурную компанию, и муха укусила, и инопланетяне подменили!!! Подумав так, Кутырев бессильно и тихо спросил:

— А где все?

— Ты хочешь узнать, где все хлипаки? — переспросил я Кутырева и разозлился: — Бросил бы я всех хлипаков в речку к пираньям... во время отлива.

— Ну да, — сказал Кутырев, — тебе дай волю, ты только бы и делал, что стоял на берегу реки и бросал всех к пираньям. А когда всех перебросал, тогда бы что еще стал делать?

Я, конечно, ответил самым презрительным на свете молчанием на такую ужасную картину, нарисованную словами Кутырева. Если бы я начал отвечать, пришлось бы рассекречивать многое — одно за другим. А я такое себе позволить не могу, поэтому я обязан был выслушать слова Кутырева совершенно спокойно, не дрогнув ни единым сверхмускулом на своем сверхлице. Не дождавшись ответа, Кутырев тяжело вздохнул и оглянулся.

— А где все? — переспросил он меня устало, но настойчиво.

— Если здесь я, значит, здесь все, — сказал я. — А остальные, по-моему, в медпункте.

Кутырев глубоко вздохнул и, наверное, подумал, что ему тоже надо бы сходить в медпункт, но у него не хватило сил подняться со стула, поэтому он остался сидеть. И потом, у него было какое-то ко мне, как это я чувствовал, очень важное дело. Я с жалостью смотрел на Кутырева и думал: «Да, а ведь это только мой перигей и даже не перигей, а, так сказать, самое его начало».

Кутырев, видимо, понял мой взгляд, поэтому он опять вздохнул и сказал:

— Укатали сивку...

Он даже не мог договорить до конца пословицу.

— Укатали сявку, — поправил я Кутырева.

Я прислушался к своему пульсу и к артериальному давлению, проверил аппетит — он у меня был сейчас просто волчий — и подумал: «Все в норме, все в абсолютной

норме, самочувствие сверхкосмонавта Юрия Иванова прекрасное!»

Затем я опять хотел погрузиться в изучение ораторского искусства и красноречия, но Кутырев опять отвлек меня.

— Слушай, Иванов,— сказал он как-то тускло и без особых красочных прилагательных, которые он обычно любит употреблять.— Я, значит, и группа товарищей решили называть наш кинолюбительский кружок «Веселый тир». Знаешь, вот есть фотоохота — это когда человек стреляет по животному миру не из ружья, а из фотоаппарата. Так вот мы тоже решили стрелять по живым мишеням, но из киноаппарата. Как ты на это посмотришь?

Я понимал, к чему клонит Кутырев, и прекрасно догадывался, что это они снова меня избрали мишенью для своей киноохоты. Я хотел сказать Кутыреву, по своим, мол, стреляйте, но не сказал, только подумал, а сказал вот что:

— Значит, всю жизнь будешь последним делом заниматься, Кутырев?

— Почему последним?— удивился Кутырев.

— Да потому что,— объяснил я,— ты же знаешь, всякий юмор там, всякие басенки, побасенки, всякие шаржики-маржики, пасквили-масквили обычно помещают на последних страницах каких-нибудь там журналов и газет, а раз помещают на последней странице, то, значит, это дело-то последнее.

— Ну, так ведь ты-то, Иванов, ты вот как раз на четвертых страницах и будешь работать в жизни, так что мы с тобой, в общем, одним делом будем заниматься,— ответил мне Кутырев.

— Значит, ты думаешь, что я работаю и буду работать на четвертую страницу?— спросил я Кутырева.

— А на какую же еще?— удивился Кутырев.

— А ты не уверен, что я работаю даже не на первую страницу, а на ту, которая перед первой?— спросил я снова Кутырева.

— Перед первой,— ответил Кутырев,— никаких страниц не бывает. Это только в научно-фантастических романах, может быть, бывает еще какая-то страница перед первой. Но не в этом дело.

— Вот именно, говори дело, Кутырев! Что тебе от меня надо?

— Мы хотим на тебя киносатиру снять. — С этими словами Кутырев достал из портфеля несколько страниц, отпечатанных на машинке.

— Разрешение надо спросить, разрешение у товарища Иванова, понимаете ли, а потом уже шаржики-маржики свои делать, — отрубил я.

— Так я вот и говорю с тобой, вроде как бы спрашивая разрешения, — стал оправдываться Кутырев.

Я покосился на листки в руках Кутырева, вероятно это и была киносатира на меня, и строго сказал:

— И вообще неправильно формулируете свои мысли. Надо говорить не «мы хотим», а «нам пришла в голову глупая идея» или «мы с ребятами уже давно мучаемся дурью!».

Кутырев обдумал мою поправку и нехотя согласился.

— Ну хорошо, — сказал он, — нам пришла в голову глупая идея, и мы давно мучаемся дурью... снять на тебя киносатиру, то есть выстрелить по тебе из киноружья.

— А что это за киносатира? — спросил я строго.

— Да так, небольшой сюжет из твоей прошлой жизни и будущей под названием: «Звонок на перемену, или Что было бы, если бы Юрия Иванова назначили старостой класса».

— Покажи текст! — приказал я.

Кутырев с готовностью протянул мне листки бумаги.

Товарищи потомки, во избежание фальсификации всего что я прочитал, прилагаю к моим воспоминаниям текст, сочиненный Борисом Кутыревым, и затем продолжу свои воспоминания.

ЗВОНOK НА ПЕРЕМЕНУ, ИЛИ ЧТО БЫЛО БЫ, ЕСЛИ БЫ ЮРИЯ ИВАНОВА
НАЗНАЧИЛИ СТАРОСТОЙ КЛАССА

Фальшиво напевая «Когда я на почте служил ямщиком...», Юрий Иванов подмывает сцену перед занавесом. Вбегает Миша Холин.

Миша. Иванов, хватит тебе мести, первого урока не будет.

Юрий. А что будет?

Миша. Перевыборы старосты!

Юрий. Миша, мне у тебя прическа нравится... Может, мне сделать такую...

Юрий и Миша скрываются за занавесом. Из репродуктора, висящего на авансцене, доносится шум. Голос: «Предлагаю выбрать старостой

класса Юрия Иванова. Он хорошо учится, дисциплина у него тоже хорошая, скромный, деловитый, в общем, хороший парень... Кто «за»? Прошу поднять руки!.. Единогласно! Принимай дела, Иванов! Поздравляем!..»

Снова шум.

Занавес открывается.

Миша. Все свободны!

Коля. Кроме участников концерта. Уточним программу... и кое-что подрепетируем...

Миша. Я думаю, по поводу программы надо с Ивановым посоветоваться, он теперь староста — значит, это его тоже касается...

Зоя. Правильно!

Коля. Согласен. Юра Иванов, иди сюда!

Юрий. Я здесь. В чем дело?

Коля. Юра, сегодня вечером выступает наш кружок самодеятельности.

Юрий. Ну и что?

Миша. Каждый участник концерта составил программу, а какая из них лучше, мы не знаем, решили с тобой посоветоваться. Как ты думаешь, с чего лучше начать концерт? Маша предлагает с художественного чтения, а Зоя — с пения.

Юрий. Ребята, ну какой же я вам советчик? Концерт меня не касается...

Коля. Что значит — не касается? Ты староста. Руководитель. Вот и начинай. Тебя теперь все касается. Так с чтения или с пения начинать?

Юрий. Ребята, консерватории я не кончал, в пении я ничего не понимаю. Мне медведь на ухо в детстве наступил, так что... И вообще... я простой ученик.

Коля. Ну, положим, ты, Юрий, был простой ученик, а теперь ты наш староста, и у тебя уже есть стаж руководства нашим классом...

Юрий. Ну какой стаж, ребята, у меня... Я староста всего пять минут...

Сережа. Всего пять минут!.. Ты хочешь сказать: целых пять минут стажа!

Маша. А у нас, например, ни одной минуты.

Сережа. Соображаешь?.. Поэтому тебя уже и уважают в классе, и уже ценят твоё мнение.

Юрий. Ценят уже, говоришь?

Сережа. Очень ценят.

Юрий. И меня все касается?

Миша. Старосту все и должно касаться.

Коля. С тобой уже считаются. Больше того, твоим мнением уже дорожат.

Юрий (*с достоинством*). Это ты, Коля, хорошо сказал... удачно... Со мной уже считаются. Моим мнением уже дорожат.

Вадим. В конце концов, ты же умница.

Юрий. Это верно, я умница.

Лена. У тебя есть вкус, Юрий.

Юрий. Что есть, то, кажется, есть... Кто хочет еще что сказать?

Коля. У тебя верный глаз, легкая рука. Поэтому тебя в классе уже пять минут ценят!

Юрий (*смотрит на часы*). Пять минут и сорок секунд! Прошу выражаться поточнее.

Миша. Скажу больше, тебя, Юрий, уже в нашем классе любят! Да, да, любят и даже гордятся...

Юрий. Стой, стой! Повтори, как ты сказал. Меня... что?

Коля. Тебя любят.

Юрий. Мной... что?

Коля. Тобой гордятся!

Юрий. А почему?

Миша. А потому, что у тебя есть... это... Ну, как ее...

Юрий (*подсказывает*). Ярко выраженная индивидуальность у меня есть. И я, как староста седьмого класса «А», что?

Коля. И ты... как староста, просто... это самое...

Юрий (*подсказывает*). Явление!

Миша. Точно... Явление...

Юрий. Я — личность!

Коля. Безусловно! Если бы ты не был личностью, разве бы тебя выбрали...

Юрий. Не возражаю...

Коля. Вот поэтому мы с товарищами и решили посоветоваться с тобой, то есть решили вместе программу концерта...

Юрий. Вместе, значит? Ну, ну, давайте, давайте, попробуйте вместе. Посмотрим, как это у вас получится... (*Многозначительно расхаживает по сцене*). Ну, говорите вместе. Что у вас там?

Сергея. Здравствуй!.. Мы тебе уже двадцать минут растолковываем... Вот программы, мы не знаем, на какой остановиться...

Юрий. Попрошу с уважением, с уважением попрошу... Мы еще на одной парте с тобой не сидели... так что на «вы» попрошу...

Сережа. Пожалуйста... Юрий, но мы с тобой, то есть я с вами шесть лет сидел на одной парте...

Юрий. Сидел, а больше сидеть не будешь... Трифонов, Воробьев!

Голоса. Здесь мы!

Юрий. Возьмите у завхоза пилу и... отпилите...

Голоса. Что отпилить?

Юрий. Часть моей парты от его.

Голоса. Да, но...

Юрий. Выполняйте!

Трифонов и Воробьев убегают.

(Ставит стул на стол, влезает на стол, садится на стул.) Вместе захотели! Никаких вместе, понятно? Я достаточно вырос на ваших глазах, чтобы решать самостоятельно все вопросы нашего класса. Как-никак незаурядное явление — староста, а не какой-нибудь там простой ученик... *(Читает программы и рвет их)*. Ерунда... Глупости... Примитив... Сейчас я вам составлю программу...

Коля. Хорошо, Юрий, составляй, но тогда разреши помочь тебе советом.

Юрий. А ты кто такой, чтобы мне советовать?

Коля. Я твой товарищ по седьмому классу «А».

Юрий. Правильно... Товарищ по седьмому «А», а не по советам! И вообще никаких советов! Понятно?.. Сами говорили, у меня вкус, у меня ум...

Миша. Я говорил: один ум хорошо...

Юрий. Хорошо?.. И хватит!

Миша. Ты не дослушал. Я говорил: один ум хорошо, а два...

Юрий. У кого это два? Не у тебя ли? Тоже мне мыслитель нашелся... Спиноза... И прическа мне у тебя не нравится. Что это за прическа?

Миша. Раньше она тебе нравилась.

Юрий. Раньше она могла мне нравиться, а теперь она может не нравиться и может нравиться, а может не нравиться, а может...

Миша. И вообще прическа тебя не касается.

Юрий. Минуточку. Сами говорили, что меня все касается! Говорили?

Миша. Говорили, но...

Юрий. Никаких «но»... Кто хочет что сказать, пусть поднимет руку.

Все поднимают руки.

(Снисходительно.) Говори, Коля, говори...

Коля. Знаешь, это просто хамство. В конце концов, мы можем обойтись и без твоих советов. Ты староста класса, а не кружка самодеятельности, консерватории ты не кончал...

Юрий. Кто не кончал консерватории?.. Я не кончал консерватории?.. Ха-ха! Да вы знаете, что я окончил Московскую консерваторию?!

Миша. Это когда же ты ее окончил?

Юрий. Когда я был вундеркиндом... От двух до пяти... по вокалу!

Коля. Слушай, Юрий, ты же говорил, что тебе медведь наступил на ухо в детстве.

Юрий. Мне медведь?.. Это я медведю наступил!.. На ухо! Понятно?

Зоя. Что с ним такое случилось?.. Неужели мы его так перехвалили?

Маша. А по-моему, это звонок.

Зоя. Какой звонок?

Маша. На первую перемену — видите, как человек переменялся... с первого звонка. Выбрался старостой, и вот вам пожалуйста...

Юрий (*пишет и бормочет*). Ни один ваш номер у меня не пройдет, а вот мои номера...

Коля. А вот твои номера у нас не пройдут! Ну-ка слезай! Десять минут, как староста, а насорил... Снимай его, ребята!.. А то он что-то очень оторвался от пола.

Мальчишки и девчонки снимают со стола стул,
на котором сидит Юрий Иванов.

Миша. И совершил мягкую посадку в районе своего взлета! (*Протягивает Иванову метлу*.) Держи!.. Подметешь мусор, приходи в класс на свои переборы!

Юрий (*тихо, вежливо*). Ребята, а как же насчет советоваться? Вы ведь как будто хотели со мной что-то обсудить... вместе, как говорится...

Миша. Спасибо, Юрий, нам кажется, что мы обойдемся без твоих советов.

Коля. Лет до ста расти нам без старосты, без такого, как ты...

Юрий. Значит, все?

Мальчишки и девчонки *(в один голос)*. Все!
(Скрываются за занавесом.)

Юрий *(задерживает Мишу)*. Хорошая у тебя прическа, я все думаю: не сделать ли и мне?

Коля. Думай... Думай! Кстати, Иванов, поздравляю тебя с рекордом!

Юрий. С каким?

Миша. С всесоюзным!.. Ты был старостой класса всего десять минут и восемь секунд.

Юрий *(смотрит на часы)*. Извините, десять минут и девять секунд... Поточнее надо считать...

Миша. Все равно — рекорд! *(Уходит.)*

Оставшись один, Юрий Иванов взмахивает щеткой и метет пол, фальшиво напевая: «Когда я на почте служил ямщиком...»

Пока я окидывал взглядом сочинение, которое вы только что прочитали, Кутырев, по-видимому во избежание неприятностей, оказался у самых дверей.

— Кто меня будет играть?..— спросил я грозно.

— Маслов...— заикаясь, ответил Кутырев.

— Не пойдет! — отрезал я.

— Но лучше его тебя никто не сыграет.

— Есть, которые сыграют и получше,— ответил я загадочно и задумчиво покачал головой.

— Это, к примеру, кто же?— удивился Кутырев.

— К примеру... это я! Я могу сыграть самого себя лучше всякого Маслова...

ВОСПОМИНАНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

К директору! Срочно!

Кутырева так удивило мое предложение, что он долго молча просто стоял и просто не верил тому, что я сказал, и только когда я еще раз подтвердил свое желание, он сказал изумленно:

— Слушай, Иванов, а ты можешь сам себе разрешить сняться в фильме, где ты будешь играть самого себя?— спросил меня Кутырев.

— Почему это не разрешу, себя я разрешу, а другим

никогда. Только я сам себе и могу разрешить, а больше мне никто не сможет разрешить,— подтвердил я.

— Тогда вот тебе роль. Выучи.

Я взял из рук Кутырева текст киносценария. Какого киносценария?! Между нами говоря, это была чистая фальшивка, не похожая ни на мою прошлую жизнь, ни на будущую. Но меня во всем этом заинтересовало вот что: во-первых, отсняв сам себя, я могу потом отснять с помощью Кутырева и сцену с отцом, которую я грозился ему заснять на пленку; во-вторых, мне было интересно, как говорится, сравнить две мои жизни, одну — мою истинную жизнь, которой я жил, и вторую — жизнь, которая представлялась моим соотечественникам. А текст?.. Что ж текст... Текст со временем можно переделать, я имею в виду дикторский текст. Об этом я и поведал все еще ошалело глядевшему на меня Кутыреву.

— Текст, конечно, нужно будет изменить,— сказал я.

— Как изменить?— забеспокоился Кутырев.

— Нет, не сейчас,— успокоил я его,— а со временем... Пойми же, из всего, что ты накорябал, только два слова имеют ко мне, и то очень отдаленное, отношение!

— Какие два слова?— обиделся Кутырев.— Почему только два? Здесь к тебе имеют отношение все слова! Я не корябал, а написал их в минуту вдохновения... И ведешь ты себя так вот нахально, и поешь фальшиво. И с уроков пения сбегаешь...

— А почему я вообще-то не занимаюсь пением, вы об этом не задумывались? И если пробовал петь на уроках пения и пел фальшиво, то почему? Вы об этом не подумали?— спросил я Кутырева.

— Ну потому, что тебе в детстве, наверное, медведь на ухо наступил,— предположил Кутырев.

— Мне медведь? На ухо?— переспросил я грозно. И пошел на характер.— Мне медведь?! Это я однажды шел по тайге и наступил медведю на ухо!

— Это на тебя похоже,— смирился Кутырев.

— Но вообще — это же не снайперский выстрел из этого, как его, из... киноружья, что ли? Разве ты, Кутырев, сам не видишь?

— Мы, к сожалению, о тебе ничего не знаем,— стал оправдываться Кутырев.— Где ты учился, как ты учился?.. Но не всегда же ты был таким гигантским нахалюгой и хвастливым всезнайкой, каким ты выглядишь сейчас. Сейчас, правда, у нас создана комиссия по расследо-

ванию твоего, я не хочу сказать темного, я хочу сказать твоего неясного прошлого.

— Ах, значит, уже и комиссию создали?!— воскрился я громко, но в это время раздался звонок.

Кутырев поднялся и сказал:

— Пошли на урок, а завтра отснимем.— И он устало поплелся к двери, столкнувшись на пороге с Ниной Кисинной.

— Иванов, где Иванов? Ты здесь, Иванов? Ах, ты здесь, Иванов! Тебя срочно вызывают к директору школы! Срочно!— выпалила Кисина.

ВОСПОМИНАНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Сеанс гипноза

...Когда я вышел на разведку в столовую, мама сидела перед зеркалом и что-то делала со своим лицом. Тогда я вошел в папину комнату. Он сидел в кресле и читал книгу. Я подошел к нему и заглянул через плечо, чтобы посмотреть, что он читает. Это была какая-то медицинская книга. Про какой-то скачущий тип темперамента у нервного подростка. Я присел и прочитал на обложке: «Нервные болезни». Так, значит, отец действительно решил докопаться до какой-то болезни в моем организме. Это у меня-то! Ну ладно! Я на пресс-конференции тогда им все припомню. Все расскажу всем.

— Я надеюсь, ты по своему расписанию сегодня пойдешь дома?— спросил меня отец.— С минуты на минуту к нам должны прийти дядя Петя и... остальные,— добавил отец каким-то неуверенным голосом.

— Сегодня вечер школьной самодеятельности,— сказал я,— необходимо мое присутствие.

— Это что-то новое,— сказал отец.— Юрий Иванов на вечере самодеятельности.

Что-то новое в этом было, и с отцом действительно нельзя не согласиться. Ни на какой вечер самодеятельности никакого свободного времени я, конечно, не имел, но на афишу, висевшую в школе и призывно извещавшую о генеральной репетиции, я обратил внимание, главное — на три слова: «Слепой космический полет, клоунада». «Это еще что за «слепой», и что это еще за «полет», да еще «космический», и что это еще за «клоунада»?» — размышлял я, невольно хмурия и без того свое хмурое лицо.

«Посмотрим, посмотрим,— подумал я тогда у афиши,— над чем и над кем это и, главное, кто это вздумал

посмеяться?! Там клоунады. Здесь консилиум, а по расписанию у меня еще столько нагрузок. Время! Где взять еще бы сутки? Да какие там сутки, как прибавить к этим суткам еще бы часов двенадцать-тринадцать? Да какие уж там двенадцать-тринадцать, хоть бы часов пять-шесть», — думал я, возлагая бесстрашно свой дневник на стол перед глазами отца.

«Выход только один, — продолжал я думать, — надо спать в то время, когда не спишь, и не спать, когда спишь. Не может быть, чтобы природа не запатентовала такое изобретение у животных, или у птиц, или у насекомых. Человек должен это обнаружить, разгадать и взять себе на вооружение...»

Между прочим, отец все еще не прикасался к дневнику. Я пододвинул его к отцу поближе. Отец вздрогнул, весь как-то съежился и даже, по-моему, отодвинулся от дневника вместе со стулом, на котором сидел. Отец по отношению к дневнику вел себя, в общем-то, правильно. Дело в том, что меня вызывали к директору школы в этот исторический для меня и для всех день два раза: перед уроком и второй раз прямо с первого урока, когда выяснилось, что тот аттракцион, который я устроил классу в Парке культуры и отдыха, не прошел для них даром и для меня тоже. Почти весь класс не явился на уроки. О том и было записано в моем дневнике рукой директора: «Заманил весь класс и укатал всех на аттракционах до такого состояния, что почти никто не явился на занятия!» Хорошенькое «почти никто»! Я же пришел в школу как ни в чем не бывало...

Я постоял немного возле отца и вернулся к себе в комнату, чтобы прорепетировать свою роль в кинофильме, который собирался снимать Борис Кутырев: «Звонок на перемену, или Что было бы, если бы Юрия Иванова назначили старостой класса». Я надел на плечи специальное приспособление, с помощью которого можно читать книги, расхаживая по комнате на руках. Надев наплечный пюпитр, я закрепил на нем роль. Расхаживая на руках по комнате, я стал произносить на все лады:

— Значит, мне говорит Коля: «Ну, положим, ты, Юрий, был простой ученик, а теперь ты наш староста, и у тебя уже есть стаж руководства нашим классом».

Я. Ну, какой стаж, ребята, у меня? Я и староста-то всего пять минут.

Сереза. Всего пять минут!.. Ты хочешь сказать,

целых пять минут стажа! Поэтому тебя уже уважают в классе и ценят уже твоё мнение.

Я. Ценят уже, говоришь?

Серёжа. Очень ценят.

Я. Меня все касается?

Миша. Старосту все и должно касаться.

Коля. С тобой уже считаются. Больше того, твоим мнением уже дорожат.

Я (*с достоинством*). Это ты, Коля, хорошо сказал, удачно!.. Со мной уже считаются, моим мнением уже дорожат.

Вадим. В конце концов, ты же умница.

Я. Это верно, я умница...

В комнату вошёл отец, вероятно привлечённый звуками моего голоса. Продолжая расхаживать на руках по комнате, я говорил вслух:

— Я (*с достоинством*). Это ты, Коля, хорошо сказал, удачно!.. Со мной уже считаются, моим мнением уже дорожат.

Вадим. В конце концов, ты же умница.

Я. Это верно, я умница...

— Что ты делаешь?— вмешался в мою репетицию отец, с осторожностью приближаясь ко мне.

— Что делаю? Учю роль,— объяснил я, отходя от отца на руках дальше.

— Какую роль?— спросил меня отец.

— У нас в классе снимают про меня фильм,— снова объяснил я.

— Фильм про моего сына?!— переспросил сам себя отец.— Это интересно. Покажи-ка мне свою роль.

Я подошёл к отцу на руках и, сделав стойку на левой руке, другой протянул ему сценарий. Отец вслух прочитал название сценария и сказал:

— Действительно, что было бы, если бы Юрия Иванова назначили старостой класса?..

Он взял в руки сценарий и стал читать с интересом и, я бы сказал, с большим любопытством.

— Ты видишь,— обратился отец как бы к себе самому,— на него снимают сатиры, и он же снимается в главной роли. Играет самого себя. Непостижимо!..— С этими словами он вышел из комнаты.

А я встал на ноги и сказал:

— Все будет по-моему лет через двадцать пять. Неужели нельзя немного потерпеть?

— Но я не проживу двадцать пять лет,— сказал отец из столовой,— если и дальше в доме все будет происходить так, как происходит сейчас.

Это было уже сентиментально, а я не имел права реагировать на сентиментальность. В это время в прихожей раздался шум.

«Кто-то из дядей приехал»,— подумал я и вышел на балкон, так как у меня по расписанию был отдых.

На соседнем балконе в шезлонге сидел Колесников и что-то быстро-быстро писал в толстой общей тетради. Я кашлянул, чтобы Колесников не подумал, что я подсматриваю, а не просто так смотрю вокруг. Колесников-Вертишейкин сразу же оторвался от своей писанины и расплылся в улыбке, я бы сказал, не совсем умной.

— Вот,— сказал он,— заканчиваю воспоминание о тебе.

С этими словами он достал из стоявшего на балконе шкафчика еще одну общую тетрадь. Я еще тогда сразу подумал: «Не много ли этот Колесников навспоминал об эпизоде аттракционов, который был маленьким штришком в моей жизни, а у него уже две общие тетради?!» Но ничего похожего не сказал. Мне было интересно, как это все выглядело со стороны.

На первой странице рукой Колесникова было написано вст что: «В то памятное историческое утро Юрий Иванов вышел на свой балкон, что находится рядом с моим балконом».

— Ну, как?— спросил меня Колесников, когда я прочитал всего лишь несколько строк его воспоминаний.

— Ничего,— сказал я,— чем хуже, тем лучше! Чем тяжелее, тем легче. Чем сложнее, тем проще!

— Это я понимаю,— сказал Колесников, который, как видно, уже привык к моим несколько странным выражениям мыслей.— Я спрашиваю: ну, как мои воспоминания?— переспросил он меня.

Я стал читать вслух:

— «Колесников, его воспоминания обо мне».— Чтобы он сам уловил, что к чему, сказал при этом:— Сейчас, сейчас, я тебя покормлю твоими мемуарами.— Перевернул страницу и начал читать дальше.

— Слушай, Иванов,— восхитился Колесников своей работой,— правда здорово?!

— Вот меня и смущает, что это слишком здорово для

тебя. Не мог ты сам так написать. Тут есть какая-то антология какого-то таинственного случая,— усомнился я и добавил:— Нет, это, вообще-то, хорошо. Тут ты что-то ухватил во мне, особенно вот в этих словах: «Он великолепно сложен, силуэт благороден и завершен. Лаконичность, строгость, присмотритесь к гиганту — и вас станет «мучить» двоякое впечатление: то несет он тяжесть великую с громадным напряжением, то играючи — могучие мышцы «вспыхнули» в легком усилии. Вот эта смена состояний приносит ощущение борьбы — атлант сражается с тяжестью, невидимой для наших глаз...» Но...— Я посмотрел на Колесникова рентгеноскопически.

— Но...— покраснел Колесников, не выдерживая моего взгляда,— но я это списал из одного журнала,— признался он.

— Это неважно,— не обиделся я на Колесникова за такое признание,— если это выражает какую-то во мне суть, тем более что ты признался. Но дальше?.. Что ты пишешь дальше?.. Ты начал, в общем-то правдоподобно, но дальше-то, Колесников, как ты дальше описываешь мой разговор с одноклассниками во дворе и в ЦПКиО. Я подчеркнул тут вот отдельные слова и выражения. Вот слушай, что я тут подчеркнул: «Пожалей свою теплоэлектроцентраль, короче, ТЭЦ, одним словом, голову,— сказал Иванов Маслову...» Но когда это я говорил такие слова Маслову? Или: «Ты, Иванов, всех переплюнщик,— сказала Вера, глядя Иванову в лицо...» Ну когда и кто посмел бы мне сказать это, да еще «глядя в лицо»? Или вот ты пишешь, что меня кто-то обозвал Хампьютером! Ну кто бы посмел меня назвать так в моем присутствии? Мне кажется, что это ты сам все обо мне подобное думаешь, а приписываешь все другим... Или еще вот: «Беспокойная серость,— сказал Иванов». Не говорил я этого. «Тебе это вдомек или нет?» Ну, что за выражение?! «Этот Иванов все время что-то из себя соображает!..» Ну, тут хоть есть что-то... «все время» и «соображает». Но я не помню, чтоб это кто-нибудь сказал... «Я сто первый раз вижу...»—«Сейчас увидишь в последний раз»,— сказал Иванов». «Спрячься и сделай так, чтоб ты исчез и я тебя долго-долго не мог найти...»,— сказал Иванов». Не говорил я этого! И вообще, Колесников, должен я тебе сказать, если ты сейчас такое пишешь, такую, с позволения сказать, телегу катишь на меня, то что же ты будешь писать об этом историческом эпизоде через сорок лет?

Я-то уж мог сам о себе все что угодно понаписать, но разве я себе могу позволить? — сказал я.

— А разве ты сам о себе что-нибудь пишешь? — насторожился Колесников.

— Пишу не пишу, дело не в этом. Дело в том, что ты, Колесников, не знаешь, что такое мемуары и как они пишутся. Или я ошибаюсь?

Колесников согласился со мной, что он не знает, что такое мемуары, и тем более не знает, как они пишутся.

— Мемуары, — пояснил я, — это литературные записки, являющиеся воспоминаниями автора, рассказами очевидцев — понимаешь, очевидцев! — о различных событиях личной и общественной жизни. Некоторые мемуары представляют собой ценный источник, позволяющий раскрыть обстоятельства, связанные с важнейшими историческими событиями. А какой же это ценный источник, если ты в своих мемуарах врешь на каждом шагу! Возьми свою тетрадь и перепиши все, как было.

Не успел я сказать Колесникову, чтобы он вернулся к себе и переписал всю эту филькину грамоту, как в гостиной у нас раздался какой-то шум. Вернувшись к себе в комнату, я снова вложил свою роль старосты в заплочный пюпитр, встал на руки и только начал было репетировать, как в комнату вошел отец с дядей Петей и с каким-то еще неизвестным мужчиной.

— Привет, Юрий, — сказал дядя Петя, помахав мне рукой.

— Привет, дядя Петя, — сказал я и помахал ему ногой.

— Вот видите, — сказал гостям огорченный отец, — ходит все время на руках.

— Ничего, — успокоил его дядя Петя, — я в его годы ходил на голове.

— Встань на ноги, когда разговариваешь со взрослыми, — сказал отец.

— Но ведь разговаривать лучше вниз головой, — отпарировал я.

— Ну, почему вниз головой? — стал сердиться отец.

— Ну, хотя бы потому, что к голове приливает больше крови, а кровь... — начал я с пылом, а кровь — это...

— А кровь — это, — перебил меня незнакомый мужчина, — это жидкость, циркулирующая в кровеносной системе животных и человека и переносящая вещества в организме, является одним из видов ткани внутренней

среды. — Мужчина остановился и спросил: — Хватит или продолжать?

Лекцию о крови я дослушал уже стоя на ногах, думая о том, уж не тот ли это мужчина, что должен будет сегодня выяснить, чем я дышу, и затем внушить соответствующие мысли? Интересно, кто он по профессии? Врач, что ли?.. Уж больно точно знает, что такое кровь.

— Ну, здравствуй еще раз, племянник, — сказал дядя Петя, похлопав меня по плечу. — Пошли варить уху. Я такую уху сварю, брат, пальчики оближешь! Так вот, старики, — сказал дядя Петя, обращаясь к отцу и, видимо, продолжая еще в кухне начатый разговор, — рыба — хороший барометр. Иногда она не берет в самую, казалось бы, рыболовную погоду. Не клюет, и все тут! И никакие насадки, прикормки не помогут. И вот ты пустым возвращаешься домой, и вдруг как наскочит на тебя шквальный ветер или хлынет из невесть откуда набежавшей тучки проливной дождь, и лишний раз убеждаешься в правоте рыбацкой мудрости: рыба — лучший барометр! И сама не клюет, и тебя еще задолго до наступления ненастья предупреждает об этом, представляете?

И дядя Петя снова стал распространяться о рыбалке. Сколько раз он был в гостях, только про рыбалку и рассказывает, а мне в нем это не нравится. По образованию он химик, окончил Институт тонкой химической технологии имени Ломоносова, но о химии никогда не разговаривает.

Я прервал его рассказ и неожиданно спросил:

— Дядя Петя, кстати, о рыбе. Знаете ли вы, что есть рыба, которая задыхается в воде?

— Да такого и быть не может! — воскликнул дядя Петя.

— Вот, оказывается, вы и о рыбе не все знаете! — сказал я, довольный собою. — Оказывается, есть такая рыбка, которая задыхается в воде. И зовут ее периофтальмус кельрейтери. И по-русски — рыбка-прыгун. Это странное существо с посаженными близко друг к другу башенками-глазами, длиной не более пяти сантиметров, она может совершать прыжок на расстояние свыше метра. На суше она ловко ловит насекомых.

— Не может быть! — опять воскликнул дядя Петя.

А я сказал:

— Таких знатоков рыб, как вы, дядя Петя, надо бросать к пираньям... во время отлива!

Отцу наш разговор, видимо, не понравился, потому что он оборвал дядю Петю в самом начале рыболовецкой истории, которую он начал было снова рассказывать.

— Хватит тебе про рыбалку, я тебя не для этого по- звал.

— Ах, да!— всплеснул руками дядя Петя и хотел уже обратиться ко мне, но я посмотрел на часы и сказал:

— Ребята! Даю вам на себя полчаса времени. Я очень занят. Так что коротенько! Конспективно! С полуслова! Засаекаю время!..

Я посмотрел на часы, потом я посмотрел на отца, по- тому что он сразу же впал в какую-то истерику:

— Вы слышите, «ре-бя-та»,— обратился он к дяде Пе- те и его знакомому,— «ре-бя-та»! Вот так!.. У него на нас только полчаса времени!..

— Уже не полчаса, а двадцать девять минут,— внес я поправку, от которой мой отец чуть не задохнулся; хоро- шо, что дяди Петин знакомый успокоил папу словами:

— Вы не волнуйтесь... я уже говорил вам по телефо- ну, что среди наших подростков с общественной направ- ленностью есть те, для кого важнее всего — достичь како- го-то блага для других, своих товарищей, класса, для ро- дителей, иногда для всего человечества...

При словах «для всего человечества» я насторожился.

— Я в одной школе познакомился с пареньком, ко- того одолевают планы переустройства не только сво- его класса, но и всей вселенной!.. Растут деловые под- ростки.

Дослушав слова дяди Петиного знакомого, я успоко- ился: я сверхподросток, и я сверхделовой, и ко мне все это не относится.

— А вы разве знаете про эксперимент с деловыми подростками, о которых писали в журнале «Знание — си- ла»?— спросил я небрежно дяди Петиного знакомого.

Дяди Петин знакомый удивился.

— А ты интересовался этим экспериментом?— спро- сил он.

— Да так,— ответил я уклончиво.— Посмотрел статью под названием «Вы меня спрашивали?».

— Ну и как?

— Да так... но одна мыслишка есть стоящая, помни- те? Цитирую: «...деловые подростки могут быть просто детьми других масштабов, и их могут заинтересовать ка- кие-то сверхважные и уж обязательно полезные для ко-

Какие-то задачи: научные или хозяйственные, серьезно меняющие жизнь людей. Одним словом, не «детские», а взрослые цели...»

Я посмотрел на отца лазером своих глаз так многозначительно, что он даже слегка отпрянул от моего взгляда.

— Других, других масштабов,— повторил я.— И их могут заинтересовать какие-то сверхважные и уж обязательно полезные для кого-то задачи. Одним словом, не «детские», а взрослые цели. Добавлю от себя,— сказал я многозначительно,— и, может быть, даже сверхвзрослые сверхцели.

— Уж не собираешься ли ты стать врачом?— спросил меня несколько ошарашенный таким началом разговора дядя Петин знакомый.

А дядя Петя, который ничего не понял из моей короткой, но фехтовальной разговорной вспышки с его знакомым, сказал:

— Ты тут знанием и силой взрослым зубы не заговаривай! Ну и молодежь пошла! Что не надо — они знают, а что надо — извините. Ты дело говори: чего это отец на тебя жалуется? Плохо учишься, ведешь себя черт знает как?!

— Это еще кто плохо учится?— удивился я.

Отец поморщился и сказал:

— Ты, Петр, все перепутал. Он учится так, что для него уже отметок не хватает. Это он когда-то плохо учился, четыре года назад, а теперь я даже не знаю, как назвать то, как он теперь учится. Ему один учитель ставит не пятерки, как обычно отличникам, а целые восьмерки и девятки! Он однажды десятку получил. Ты его дневник видел? Одни шестерки и семерки с плюсом. Он, понимаешь, как бы это тебе сказать... все знает и про все, уже за всю десятилетку!

— За всю десятилетку?— удивился дядя Петя.

«Кажется, придется пустить в ход секретное оружие и доказать этому консилиуму, что я знаю не только за десятиый класс,— подумал я.— Конечно, со взрослыми справиться будет потруднее, но для сверхкосмонавта сверхпреград нет».

— Почему только за десятилетку, я могу и за вуз!

— Это за какой же вуз ты можешь?— удивился дядя Петя.

— Ну, например, за тот, который вы окончили! За

Институт тонкой химической технологии имени Ломоносова. Вот «Введение в химию и технологию полимеров», возьмите учебник Бильмейера.— Я протянул дяде Пете книгу в переплете коричневого цвета.— Откройте на любой странице и задавайте мне любой вопрос.

— Ну, это уже просто наглая самоуверенность!— возмутился отец.

А дядя Петя сказал:

— Так, так, так,— и расхохотался, и потом стал перелистывать учебник, видимо подбирая для меня вопрос потруднее.— Значит, за институт тонкой химической технологии?— сказал он с недоверием.

— Кстати, папа,— обратился я к отцу,— пока дядя Петя изобретает для меня вопрос, я бы хотел сразиться с твоей счетной машиной. Возьми свой арифмометр.

— Это каким образом ты с ним сразишься?— удивился отец.

— Перемножу в две секунды любые числа. Дай мне для начала два крупных двузначных числа!

— Ну, это вообще уже ни на что не похоже!— возмутился отец.

— Ты сначала дай два крупных двузначных числа, а потом уже будешь говорить — похоже это на что или не похоже!

— Нет, как и о чем он разговаривает со своим отцом!— закипятился отец, обращаясь к дяди Петину знакомому.

Дяди Петин знакомый посмотрел на меня, укоризненно качая головой, но все же посоветовал отцу назвать два крупных числа.

— Обязательно крупных?— спросил отец все еще с возмущением в голосе.

— Желательно,— сказал я спокойно.

— Ну хорошо, допустим... восемьдесят девять... на... девяносто два.

— Восемь тысяч сто восемьдесят восемь!— сказал я, не помедлив ни минуты.

— Как это ты смог так быстро?!— пробормотал отец совершенно растерянным голосом.

С этими словами он поднялся, быстро прошел в свою комнату и вернулся, неся в руках арифмометр. Схватившись за ручку счетной машины, он завертел ею, затем записал результат. Потом взял лист чистой бумаги и стал

вручную перемножать заданные цифры. Когда отец уходил за арифмометром, я успел сказать дяде Пете:

— Между прочим, время идет, задавайте скорее вопросы!

— Да, да, да,— сказал дядя Петя, качая в недоумении головой.— Сейчас, сейчас!..

— Вас я тоже попрошу, между прочим, задать мне поскорее какой-нибудь вопрос,— обратился я к дяди Петину знакомому,— чтобы мне ответить сразу вам обоим. Кстати, можете мне задавать вопросы и вы и дядя Петя одновременно.

— Раз вы интересуетесь вопросами психологии, то, может быть, вы читали статьи о групповом общении?— спросил меня дяди Петин знакомый.

— Мы не «может быть, читали», а мы, конечно, читали статьи о «групповом общении»,— заявил я.— Я, знаете ли, вообще против общения, тем более против группового! Тому, кому много надо... (слова «успеть лично» я не сказал), тот не может тратить время на... (на «групповое общение» я тоже не договорил, поэтому вся фраза, как всегда, у меня получилась несколько загадочной: «Тому, кому много надо... Тот не может тратить время на...»).

— А мне кажется, что вам как раз не хватает этого самого «группового общения»,— сказал дяди Петин знакомый.— Тогда не было бы того, что я замечаю в вас: вы не умеете находить правильные реакции на свое окружение. Достойно приспособиться к нему, что ли. Речь идет не о приспособленчестве в позорном смысле слова. Это ваше неумение — особенность характера: так вас воспитали, так сложилась ваша личная судьба... Короче, вы даете неправильные реакции на людей, а люди дают неправильные реакции на ваши реакции... Может быть, вы думаете, что вам попадает от других не по заслугам, но на деле — все нормально: как аукнется, так и откликнется.

— Вот,— сказал дядя Петя, отрываясь от учебника и вмешиваясь в наш разговор.— Ну-ка, скажи ты мне, что такое, к примеру, фрикция и чем отличается пластикация от пластификации?

— Фрикция — это характеристика вальцов (валковых смесителей), применяемых для приготовления и окрашивания полимерных смесей. Фрикцией называется отношение окружной скорости переднего вала к окруж-

ной скорости заднего. Вам понятно? — спросил я. — А чем отличается пластикация от пластификации? Пластикация — это размягчение полимерной смеси в результате перемешивания при мягком нагреве. Пластификация — это введение в полимерную смесь пластификатора.

— А ты что, — спросил меня дяди Петин знакомый, — собираешься поступать в институт тонкой химической технологии?

— Нет, не собираюсь, — ответил я.

— М-да, — сказал дяди Петин знакомый. — Тогда я попробую тебе внушить пользу «группового общения». Вот я замечаю в тебе неукротимое стремление к лидерству, но лидеры ведь бывают, и отрицательными. Не так ли?..

«Это лидеры! — подумал я. — А сверхлидеры не могут быть отрицательными, так что на это можно и не отвечать. Не разгадал меня дяди Петин знакомый, не разгадал. У этих взрослых воображение выше лидера не поднимается. Они даже не могут представить, что среди обыкновенных лидеров может появиться сверхлидер».

— Продолжаю, — сказал дяди Петин знакомый. — Часто трудности в характере человека проявляются при столкновении противоречивых внутренних тенденций, одну из которых человек не хочет признавать у себя. Когда у подростка появляется завышенная самооценка (по сравнению с его реальными способностями и возможностями), его завышенные притязания, естественно, не могут быть удовлетворены. Эта неудовлетворенность травмирует психику подростка, у него возникает необходимость защищать свою высокую самооценку, а это в свою очередь...

— К чему это «в свою очередь» приводит, — это всем известно, — вмешался я в разговор, — в свою очередь, это приводит к явлению, которое психологи называют «эффект неадекватности» — состояние, когда возбужденная нервная система заставляет человека действовать не в соответствии с окружающей обстановкой. Я вас правильно понял? — обратился я к дяди Петинскому знакомому и, не дав ему опомниться, продолжал. — А вы знаете, — сказал я, обращаясь ко всем, — мнение человека о себе самом и мнение, которое имеют о нем другие, например мнения некоторых взрослых и некоторых подростков, очень часто значительно расходятся? Ибо люди видят лишь то, что человек сделал до сих пор, а он сам считает себя творцом как настоящего, так и будущего. Поэтому истина

обыкновенно находится посредине: достоинства человека не только в том, что он уже сделал, но и в том, что он намеревается сделать.

— Точно!— воскликнул отец, занятый в основном проверкой моего вычисления.— Все сходится! Но как ты все это так быстро решил?

— Очень просто. А вы никому не скажете?

— Конечно.

— Сколько до ста не хватает в первом числе, в восьмидесяти девяти?

— Одиннадцать.

— А во втором?

— Восемь.

— А трудно умножить восемь на одиннадцать?

— Ну конечно, нет. Восемьдесят восемь.

— Это и есть конец результата.

— А как же ты нашел начало?— спросил меня отец.

— А еще проще,— ответил я.— От восьмидесяти девяти отнять восемь трудно?

— Нет.

— А сколько будет?

— Восемьдесят один.

— Ну вот, это и есть начало результата. А если тебе так нужно, то отними от девяноста двух одиннадцать, будет тоже восемьдесят один.

— М-да,— сказал дяди Петин знакомый.— Ты собираешься поступать в экономический институт?

— Нет,— сказал я,— не собираюсь. Теперь, ребята, разрешите мне задать вам один вопрос. Вы читали статью доктора медицинских наук «Мозг принимает решение»? Он пишет: «Среди многочисленных определений сущности живого мне особенно импонирует определение, принадлежащее академику А. И. Бергу: «Все живое отличается от мертвого наличием потребностей. Заметим, что потребности — это отнюдь не только голод, жажда, или...»

— Нет не читали,— виновато признался дяди Петин знакомый.— Разве все успеешь прочесть,— тяжело вздохнул он.

— Надо,— сказал я,— надо успевать... Вот дядя Петя успевает и работать на пользу химии, и... успевает рыбачить. Кстати, дядя Петя, а что это у вас там в химии за кинетические кривые?

Дядя Петя задумался и сказал:

— Ну, кинетические кривые — это кривые...

— А кинетические прямые у вас в химии — это, значит, прямые? — спросил я. — Ну давайте вместе со мной вспомним, что представляют из себя кинетические кривые?

— Что из себя представляют кинетические кривые? — повторил за мной вопрос дядя Петя.

— Нет, я прошу не повторять за мной, а ответить, что такое кинетические кривые?

— Кинетические кривые... — сказал дядя Петя и снова замолчал.

Тогда я ему подсказал:

— Кинетические кривые — это кривые зависимости свойств вулканизаторов от времени вулканизации. А дальше? — спросил я.

А дальше дядя Петя промолчал.

— Ну, в общем, что такое кинетические кривые, вы, дядя Петя, не знаете. Тогда, может быть, вы знаете, что такое специфика деформирования полимерных материалов?

Дядя Петя опять ничего не сказал.

— Так, — сказал я, — значит, вы не знаете и что такое специфика деформирования полимерных материалов. Это я понимаю. Но все-таки вы ведь кончили институт тонкой химической технологии и должны знать, что такое специфика деформирования полимерных материалов.

— Да я же в химии на общих хозяйственных вопросах сижу, — сказал дядя Петя, но как-то так виновато, что ли.

— А с тобой, папа, поговорить кое о чем из твоей бухгалтерии?

— Боже упаси, — сказал отец и поднял вверх обе руки. — Я сдаюсь! Вы видите, это просто какой-то ужас! Он же всех нас терроризирует своими знаниями. И никому не приносит никаких радостей! И всех приводит в отчаяние! А я, например, его боюсь! Боюсь все больше и больше! У него просто, просто... какие-то безобразные природные способности ко всему на свете! — вскрикнул отец. — Юрка думает, что это позволяет ему просто безобразно вести себя в жизни. Вы посмотрите его дневник, только посмотрите, и у вас волосы встанут дыбом!

— У меня уже не встанут, — сказал дядя Петин знакомый, погладив свою лысую голову.

— А ведь было золотое время, было, и тройки полу-

чал, даже двоечки были. Мы все ему говорили: «Юра, будь человеком, не получай двойки, не получай тройки». Вот и договорились! Был мой сын симпатичным недочеловеком, потом послушался нас, и в человека превратился, и учиться стал хорошо, и вести себя тоже, а потом стал постепенно превращаться в какого-то перечеловека.

— А вы знаете,— сказал я,— ученые говорят, что коэффициент полезного действия мозга человек использует на шесть процентов!

— Значит, у всех шесть, а у тебя шестью два — двенадцать? — спросил отец.

— А если шестью шесть — тридцать шесть? — спросил отца я.

— Это что же получается? Феномен Иванов, что ли? — вмешался в разговор дядя Петя.

— Так, так, так! — сказал дяди Петин знакомый. — Ах, вот в чем дело, в процентах!

— А по-моему, это какой-то трюк, — сказал дядя Петя. — Вот мне рассказывали, что на экзаменах по гражданскому праву на юридическом факультете Геттингенского университета один из студентов, получив экзаменационное задание, сразу же попросился выйти. Ну, вышел и вышел. Там по правилам во время экзаменов можно покидать аудиторию, поскольку в такие дни специальные надзиратели, на всякий случай, дежурят повсюду, даже в туалетах. Они и разоблачили злоумышленника, когда он в кабинке «тихо разговаривал сам с собой». Оказалось, что в ручных часах студента был вмонтирован мини-передатчик, а под курткой спрятан миниатюрный радиоприемник. Студента к дальнейшим экзаменам не допустили, но, отдавая дань его инженерному таланту, комиссия порекомендовала ему заниматься изучением технических дисциплин. Дело в том, что приемно-передаточное устройство, «радиошпаргалку», этот будущий юрист сконструировал и собрал сам. Юра, встань, я тебя общу. Может, у тебя тоже что-нибудь вроде этого.

1. Я встал и позволил себя обыскать.

— Нет, это какой-то сверж... сверж... — сказал отец.

2. «Ну-ну, папа, поднатужься, ну, догадайся, кто у тебя сын, ну...» — хотелось мне сказать отцу.

— Это какой-то свержумный, свержзагадочный свержбезобразник!

— Знаете что, ребята, я хочу в конце нашей беседы

внушить вам одну очень полезную мысль,— сказал я.

И эти слова просто взорвали моего отца.

— Мунуточку!— воскликнул отец.— Что здесь происходит? Кто кого проверяет? Кто в ком разбирается? Кто кого воспитывает? Кто и что кому внушает? И кто кого здесь гипнотизирует?

«Ах, вот в чем дело!— мелькнуло у меня в голове.— Отец пригласил к себе на помощь не просто врача, а гипнотизера».

— Нет, ему в нормальном состоянии ничего внушить невозможно, я вас очень прошу, загипнотизируйте Юру, с его согласия,— сказал отец.— Ты согласен загипнотизироваться?— спросил меня отец.

— Конечно, согласен,— сказал я,— если дело приняло такой оборот.

— Вы согласны его загипнотизировать?— обратился отец к дяди Петиному знакомому.

— Я согласен,— ответил дяди Петин знакомый.— Но я не убежден, поддастся ли он гипнозу.

— Поддамся, поддамся,— успокоил я гипнотизера.

— И когда будешь загипнотизирован, дашь нам всем честное слово, что ты с завтрашнего дня станешь учиться умеренно и получишь по какому-нибудь предмету хотя бы тройку!.. Вы можете внушить ему,— обратился папа к дяди Петиному знакомому,— что он... нет, уж лучше в спящем состоянии вы объясните, для чего это все нужно!

Мы ушли с дяди Петиным знакомым в мою комнату, и ровно через полчаса я как ни в чем не бывало вернулся в столовую. Дядя Петя и отец сидели не сводя глаз с дверей моей комнаты. Увидев, что я вышел из комнаты один, отец спросил:

— А где же доктор?

— Он спит,— сказал я.

— Как спит?!— вскрикнули в один голос отец и дядя Петя.

— Очень просто. Я его загипнотизировал.

— Как ты его загипнотизировал?— не понял отец.

— Но он не смог меня загипнотизировать, а я его смог,— объяснил я.— Он со мной разговаривал, потом стал говорить: спать, спать, спать! Но ты же знаешь, папа, что сегодня по расписанию у меня сон в десять часов, а сейчас только половина пятого.

— Ну, всем досталось, и гипнотизеру больше всех!— захохотал дядя Петя и все хохотал и хохотал до слез.

ной части неба сияет зодиакальное созвездие Льва. Над ним — известное еще с детства созвездие Большой Медведицы. Несколько ниже — созвездие Волосы Вероники.

Левее созвездия Льва, на юго-востоке, повисло зодиакальное созвездие Девы с голубовато-белой звездой Спикой. Созвездие Девы весьма интересно. В этом направлении сосредоточено грандиозное скопление галактик. Число этих далеких звездных систем достигает двух тысяч пятисот.

Среди них выделяется эллиптическая галактика М87, обладающая огромной массой, значительно превышающей массу такой гигантской галактики, как туманность Андромеды».

По дороге в школу меня вообще-то ничего не беспокоило. Единственное, что меня немного беспокоило — это то, что дни перед этим днем и весь этот день были у меня так заняты и загружены, что я не успел даже мельком хотя бы перелистать учебники и материалы, необходимые для встречи с участниками театральной самодеятельности. У них ведь тоже свои ученые записки, учебники и всевозможные пособия. Положение было почти безвыходным, но у нас у сверхкосмонавтов, безвыходных положений не бывает.

«Посмотрим, посмотрим,— подумал я,— какой же у меня будет выход из этого безвыходного положения».

Вбежав в здание школы, я в несколько прыжков поднялся по лестнице к актовому залу. Возле дверей актового зала стоял целый отряд учеников, охраняющих вход в школьный храм самодеятельного искусства.

Я остановился, чтобы оценить обстановку. Маслов и Лев Киркинский посмотрели на меня и многозначительно переглянулись. Лена Марченко с Даниловой Верой тоже переглянулись и сделали большие глаза.

— Те же и Всесторонний,— сказал Лев Киркинский.

«Так, еще одно прозвище»,— подумал я, не обращая внимания на слова Киркинского.

— Ну, что нового? Какие новые безумные идеи носятся в нашем воздухе?— спросила Вера Лену Марченко.

— В воздух носится такая сумасшедшая идея,— сказала Лена Вере,— что когда ты не спишь, то ты спишь, а когда ты спишь, ты не спишь!..

— Эта идея сумасшедшая!— согласился с девчонками Маслов.

— Но достаточно ли она безумна, как сказал Нильс

Бор,— спросил всех Лев Киркинский,— чтобы быть во-истину гениальной?

При этом разговоре все, конечно, не сводили с меня глаз, а точнее, с догрузочного мешка. Я поставил его перед собой на ступеньку лестницы.

— Еще одна загадка,— сказала Вера Данилова,— мешок... Что это за мешок? И что бы это значило?

— По-моему, это исторический мешок, которым кто-то когда-то кого-то из-за угла прибил,— предположил Киркинский.

Я, конечно, мог прихлопнуть сразу, лично, но мне нужно было прихлопнуть сразу всех.

— Римский поэт и сатирик Ювенал около двух тысяч лет назад писал,— сказал я, обращаясь ко всем и в особенности к Кутыреву, который то выглядывал из-за широкой спины Маслова, то скрывался,— что люди, слоняющиеся без дела (слова «слоняющиеся без дела» я подчеркнул интонацией), требуют только хлеба и всяческих зрелищ!..— С этими словами я попробовал пройти в актовый зал. Но охрана, сплотившаяся вокруг Маслова, не пустила меня.

— Всесторонним и посторонним вход воспрещен,— сказал Маслов, обращаясь ко мне.— Посторонним в том смысле, кто не участвует в спектакле.

— У вас здесь будет генеральная репетиция?— спросил я Маслова.

— Генеральная,— подтвердил Маслов.

— А знаешь, почему она называется генеральная?— спросил я у Маслова.

— Почему?— спросил Маслов.

— Потому, что на этой репетиции буду присутствовать я, генерал Иванов. Я вообще удивлен, что не получил приглажительного билета на генеральную репетицию. Вам бы следовало пригласить меня, посоветоваться со мной, получить, в конце концов, мое разрешение.

— Крупноблочная мысль,— сказал Лев Киркинский.

— А что ты от него хочешь?— удивился Маслов.— Ведь он сейчас спит, а во сне человек не отвечает за свои слова и поступки.

«Что такое? Что такое? Что такое?— запрыгало у меня в голове.— Откуда они знают о сне наяву и о яви во сне? Идет утечка информации, но каким образом и откуда?» Я снова попытался пройти силой в актовый зал, не очень идя на обострение, но меня снова не пустили.

— Вы что, хотите, чтоб в воздухе появились неопознанные летающие предметы? — спросил я.

— Потомок Чингис-Хама, — сказала Лена Марченко.

— Частица нейтрино, — сказал я, — не вступает в реакцию ни с кем и ни с чем на свете.

— Вот тебе за все пора бы и голову оторвать, — сказал Маслов.

— Есть такие... так называемые, я даже не знаю, как их назвать, ну, одним словом, планарии. Если у планарии оторвать голову, она у нее снова отрастает, — возразил я.

— У планарии отрывать голову не стоит, — сказал Лев Киркинский, — а у тебя стоит.

— Когда вы успеете, я не говорю — сможете, оторвать мне голову, к тому времени она у меня уже будет регенерироваться.

— А неужели и вправду есть такие, планарии, что ли? — спросила меня на этот раз вполне серьезно Вера Данилова. — Я думала, что только у ящериц хвост отрастает.

— Да, есть! Когда оторванная голова будет отрастать, я вам позволю оторвать свою голову, чтобы продемонстрировать.

— Представляю, как это будет ужасно, — сказал Виктор Маслов, — две головы Юрия Иванова! Тут от одной-то столько неприятностей, а там две!.. Хоть с планеты Земля убегай!..

— Ребята, да пропустите вы его, — сказал Кутырев, — его все равно не переговоришь.

Я вскинул догрузочный мешок на плечи и...

— А это, — спросил Кутырев, скосив глаза на мой мешок с прессованными опилками, — это у тебя не взорвется?

— Если мне ваши штучки-мучки понравятся, то не взорвется...

— Но он же действительно посторонний, — остановил мое продвижение Маслов, — посторонний для нас и для всего нашего дела. Я понимаю, что, если бы он что-то понимал в театре...

— Когда с ним дерешься, — поддержал Маслова Киркинский, — то от него действительно можно что-то почерпнуть. А тут... Чего он будет нам глаза мозолить?!

— Я, конечно, в ваши дурацкие игры не играю, но я знаю правила всех, даже самых дурацких игр!

— Сказал мистер Икс плюс Игрек минус Зэт...— съязвила Марченко.

— Знаешь, Иванов,— сказал Борис Кутырев,— хоть мы и считаем тебя всесторонне развитым человеком, но в твоём развитии есть ущерб и предел. Зачем ты лезешь к нам на репетицию, ничего в ней не понимая?

— Ты же в системе Станиславского ни бум-бум,— поддержал Кутырева Лев Киркинский,— а у нас здесь собрались звезды школьной самодеятельности.

— Так,— остановил я Киркинского одновременно волевым жестом и еще более волевым взглядом.— Значит, вы звезды школьной самодеятельности и, как звезды, вы считаете, что я не знаю теории Станиславского?

— Да, мы в этом убеждены,— заупрямился Киркинский.— Читал ты умопомрачительно много и знаешь только то, что знаешь и сколько знаешь, но не больше, но о системе Станиславского, я убежден, ты не имеешь никакого представления.

— Ты, Киркинский, прав только в одном: в том, что я не изучал систему Станиславского, не изучал, но...— я обвел звезд школьной самодеятельности телескопическим взглядом и добавил:— Но я ее знаю назубок.

Наступила такая, я бы сказал, фокусническая пауза, во время которой со мной случилось что-то удивительное для меня, хотя я и привык ничему не удивляться в себе. Во мне возникло ощущение, что я знаю и прекрасно разбираюсь в системе Станиславского, хотя я ни разу не брал в руки книгу об этой системе.

Кажется, удалось выжать из моего мозга в смысле КПД еще часть капэдэшек! Это вам уже не шестью шесть, как сказал дядя Петя, это уже, может быть, все шестью восемь.

То, что произойдет дальше, дорогие товарищи потомки, я должен сначала объяснить. Сначала для самого себя, а потом и для вас.

Как могло случиться, что я, не изучая систему Станиславского, вдруг прекрасно в ней разбираюсь? Как это получилось? Вычислительная машина может решить любую математическую задачу, начиная с таблицы умножения и кончая самыми невероятными интегралами, так как всякое, даже самое сложное решение есть точная комбинация всевозможных цифр. Вот и мои знания о системе Станиславского родились сами собой из какой-то таинственной таблицы уважения к знаниям, накоплен-

ным человеком, таблицы уважения, которой мой мозг, вероятно, владел чисто механически. Ведь любое знание — это тоже точная комбинация точных слов.

— Значит, вы считаете, что я не знаю систему Станиславского? — Я обвел взглядом все созвездие школьной самостоятельности.

Все смотрели на меня с недоверием, и больше всех сомневался в моих словах Арутюн Акопов — звезда фокусов и самостоятельной манипуляции. Последний фокус, который он показывал вчера в классе перед уроком, он назвал: «Законы физики не уважая». Фокус в общем-то ерундовый. Акопов клал на ладонь линейку, потом переворачивал ладонь к полу, и линейка по законам гравитации падала на пол. Потом он снова поднимал линейку, снова клал ее на ладонь и опять переворачивал ладонь к полу, и на этот раз линейка не падала на пол.

— В общем-то в каждом деле есть свой фокус, — сказал я, обращаясь больше всего к Акопову. — Твой фокус, Арутюн, заключается в том, что у тебя пришита к манжете и надета на средний палец тонкая прочная нить под цвет кожи. Вот под эту нить ты второй раз, чуть сгибая ладонь, незаметно подсовываешь линейку. — Я помолчал и продолжил: — Но в системе Станиславского нет фокуса, в ней есть секрет. А секрет этот заключается в том, что... — Я снова сделал паузу, напоминающую многоточие, и продолжал: — Взгляды Станиславского на мастерство актера складывались на основе реалистических традиций русского театрального искусства XIX века, заложенных творчеством Александра Сергеевича Пушкина, Николая Васильевича Гоголя, Александра Николаевича Островского и нашедших воплощение в игре Щепкина, Шумского, Мартынова, Садовского, — перечислял я фамилии, и это перечисление доставляло мне истинное удовольствие.

Затем я сказал, что он, то есть Станиславский, стремился достигнуть общие законы актерского творчества. Потом я остановился на том, что у него была (и я чуть было не сказал: «как и у меня») большая склонность к самоанализу, о чем свидетельствуют его дневники (и я чуть было не сказал: «как мои»). Но здесь меня неожиданно перебил голос Льва Киркинского:

— У меня есть слабая надежда, что ты, Иванов, не знаешь, в каком году встретился Станиславский с Немировичем-Данченко?

— В 1897 году,— сказал я, набрав побольше воздуха,— произошла встреча Станиславского с Немировичем-Данченко,— в результате которой возникло решение...

— Пропустите Всестороннего,— сказал Кутырев, бледнея и хватаясь за перила лестницы. Маслов отошел от двери, и я, рванув ее на себя, вступил в актовый зал.

— Ты видел, как летает моль?— спросил меня Маслов, увязавшийся за мной.

Я остановился. Маслов прочертил указательным пальцем в воздухе глупо запутанную линию.

— Так и мысль твоя, ее путь проследить невозможно... Вот ракета летит и... моль летит тоже. А какая разница!— бубнил он, идя следом за мной.

Но я его уже не слушал. Я уселся в седьмом ряду. Хотя я и предупредил, войдя в актовый зал, всех участников генеральной репетиции, что я пришел и поэтому можно начинать, и хотя Борис Кутырев несколько, как мне показалось, несерьезно повторил за мной мои слова: «Иванов пришел! Можно начинать!», но генеральная репетиция никак не начиналась. Все время кого-то или чего-то не было на месте. Затем, когда кто-то или что-то исчезнувшее появлялось, то исчезал еще кто-то или что-то опять пропадало. Нет, это дело несерьезно и несерьезны люди, которые этим делом занимаются. Все кричат, спорят, препираются, а больше всех Борис Кутырев.

— Слушай, Кутырев,— сказал я, обращаясь к Борису,— вот я смотрел документальный фильм о запуске космического корабля, у них все как-то по-другому делается. Там каждый на месте, никто никого не ищет, ничто вдруг не исчезает и не появляется вдруг. Почему бы и тебе, по их примеру, не объявить сначала пятнадцатиминутную готовность, потом десятиминутную, потом одномоментную, потом: семь, шесть, пять, четыре, три, два, один... и — пуск!

Кутырев посмотрел на меня как-то невразумительно, и я понял, что это предложение для него слишком сложное. Поэтому я снизил свои требования и сказал:

— Слушай, Кутырев, есть такая брошюра, под названием «Психологические аспекты расстановки кадров». Там говорится, что при подборе и расстановке кадров целесообразно руководствоваться положением о соотношении врожденных и приобретенных качеств человека, на базе которых формируются способности. Способности

в психологии — это комплекс выработанных в процессе деятельности достаточно стойких свойств личности, являющихся условием успешного выполнения некоторых видов деятельности.

После этих слов Кутырев посмотрел на меня еще более невразумительно и сказал:

— Иванов! Пощади!

И я его пощадил. Я замолчал. А Кутырев опять спросил:

— Ты работал над ролью?

— Если вы все это (я обвел руками зрительный зал) считаете работой, то я работал!

Наконец всё и все очутились каким-то чудом на своих местах, и Борис Кутырев произнес длинную и пространную речь, похожую на лекцию об актерском мастерстве и технике речи...

Слова-то какие: «мастерство», «техника речи»! В конце своей речи Кутырев призвал на помощь Александра Сергеевича Пушкина, который будто бы гениально сформулировал в стихах всю суть актерского мастерства: «как роль свою ты верно поняла, как развила ее...» — в смысле развила, пояснил Кутырев, «с каким искусством, как будто бы слова рождала не память рабская, но сердце!».

«И на это,— подумал я про себя, яростно сжимая теннисный мяч в руки,— тратить свою память и сердце». Я положил руку на пульс,— сердце билось как всегда, пятьдесят два удара в минуту.

Конечно, посещение генеральной репетиции было для меня самой большой перегрузкой за последнее время. И это вполне понятно: у меня не было никакой адаптации к театру. Я уже даже не помню, когда я был в последний раз в кино.

Так как легче всего человек переносит перегрузки по направлению от груди к спине, это показал опыт космических полетов, то наилучшим положением космонавта в кресле является положение под углом сорок пять градусов к направлению, по которому действует ускорение. Правда, под углом восемьдесят градусов к действию ускорения космонавт способен выдержать необычайные перегрузки — в двадцать шесть с половиной раз. Но я, конечно, здесь, в зрительном зале, не мог принять такое восьмидесятиградусное положение перед перегрузками школьного концерта. Тогда бы мне пришлось смотреть

концерт лежа, что вызвало бы у звезд школьной самостоятельности полное недоумение.

И вообще с удовольствием бы я сейчас сидел в своей комнате, смотрел бы в телескоп на настоящие звезды, а не на эти «звезды школьной самостоятельности», как называл свою труппу Борис Кутырев.

Я занял соответствующее положение под углом в сорок пять градусов и сказал:

— Можно начинать! Давайте, давайте, показывайте, по какой такой системе вы тут все вместе теряете даром время! Или вы здесь тоже на стыке систем готовы сделать открытия?!

— Юрий Евгеньевич, пощади! — взмолился Кутырев.

— Ключ на старт! — сказал я и пояснил: — Это значит, что начинает действовать автоматика старта!.. Протяжка один!.. Ключ на дренаж! Протяжка два!.. Пошла команда: восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один. Пуск!..

— В общем, ребята, начинайте! — перевел Кутырев мои космонавтские слова на обыкновенный человеческий язык.

Занавес стал медленно раздвигаться.

ВОСПОМИНАНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Слепой космический полет и неожиданное прозрение

На сцену вышла Аня Брунова с балалайкой в руках. Подойдя к рампе, она, тяжело вздохнув, остановилась. «Волнуется», — подумал я, разглядывая Брунову.

— Иванов, — вдруг обратилась ко мне Брунова, — ты не смотри на мою балалайку, как кот на аквариум, и без тебя знаю, что... Сколько лет балалайке? — так неожиданно продолжила она свою мысль. — Среди народных инструментов она самая «молодая» — нет ей и трехсот лет. Впервые о балалайке упоминается в 1714 году, в «Реестре», составленном Петром I. По распоряжению императора одно из свадебных торжеств должно было сопровождаться шествием ряженных, огромным оркестром, в котором «шла» и балалайка...

— Брунова, ты не по программе! — закричал на нее Борис Кутырев.

— А что он сидит с таким видом, что сейчас разразится лекцией о балалайках!

— Я тебя очень прошу,— сказал мне тихо Кутырев,— ты во время просмотра не раздражайся и... не делай никому никаких замечаний.

Я промолчал.

— И еще просьба,— снова сказал Борис Кутырев, обращаясь ко мне с тоской в голосе.— Теперь, когда все мы убедились в том, что ты знаешь даже систему Станиславского, прошу тебя, сиди в зале, пожалуйста, молча — не губи мой авторитет! Если бы я знал, что ты знаешь систему Станиславского назубок, я бы... И вообще, ты здесь случайно!.. Ивановы на генеральную репетицию приходят и уходят, а Кутыревы остаются.

Брунова все еще спокойно стояла на сцене и не начинала свое выступление.

«А мне как-то показалось, что Брунова волнуется,— подумал я,— а она вон что, она хочет меня привести в... или, наоборот, вывести меня из... Не выйдет, Брунова, не выйдет! Не привести меня «в»... не вывести меня «из»... Жаль, что она не занимается, как Маслов, в кружке космонавтов... А то ее можно было бы и порекомендовать в экипаж, который меня доставит на место моего галактического назначения. А то еще зачислят этого Маслова... а что он такое? Да так... Лучший космонавт среди артистов... или, точнее, лучший артист среди космонавтов...»

— Когда я была маленькая, я очень любила сказки. И сейчас я их тоже люблю. И завидую тем, у кого есть свой волшебник со своими волшебными словами,— произнесла тем временем Брунова как-то искренне и, я бы сказал, честно, именно по той системе Станиславского, которую я, к моему удивлению, знал наизусть.

А Брунова между тем как по системе Станиславского начала, так по системе Станиславского и продолжала:

— В детстве я пыталась воспользоваться чужими волшебными словами, но у меня ничего хорошего из этого не получалось.

Вот очень мне нравились такие волшебные слова: «Он ударил в медный таз и вскричал: «Кара-барас!» У нас был такой таз, в котором бабушка варила варенье. Однажды, когда все ушли из дому, я села учить уроки. Но ничего у меня не решалось, ничего не запоминалось. Тогда я взяла медный таз, ударила кулаком и закричала: «Кара-барас!» Никакого результата. Тогда я сказала, как

сказочник из «Снежной королевы»: «Снип-снап-снурре-пурре-базелюрре...» Но все равно из этого ничего не вышло, и задачи не решались. Еще я совсем зря крикнула: «По щучьему веленью, по моему хотенью — решитесь все решенья!» — не решились. И тогда я поняла: надо искать своего волшебника со своими волшебными словами, если чужие не помогают.

И я пошла по городу. И стала слушать, что говорят люди, когда работают. Вот строят дом. И кричат: «Май-на!», «Вира!» Стена дома стала расти у меня на глазах. Заглянула к футболистам на стадион: «А ну, Миша, дай-ка еще по воротам». Заглянула к хоккеистам: «Еще пас, еще пас. Г-о-о-л!» Человек плывет. Почему не тонет? Смотрю: «Раз-раз-раз-раз!» Вошла в цирк: «Гоп-ля! Еще раз!» Заглянула в балетное училище, а там: «И-и-и раз! И два! И три! И — еще раз!» «Давай, давай! — говорил бульдозерист, нажимая на рычаги. — Еще давай!»

«Чудеса!» — подумала я, догадываясь, что в слове «раз» есть что-то волшебное. «Раз, два, взяли! Раз, два, взяли! Еще взяли! Еще раз!» И тут я все поняла. Вот они, волшебники, и вот они, волшебные слова: «ЕЩЕ РАЗ, ЕЩЕ РАЗ!» И так мне захотелось тут же самой стать волшебником! ЕЩЕРАЗОМ! Я взяла и стала сочинять свою волшебную песенку. Потому что какой может быть волшебник без песенки?

Получилось так: «Я ЕЩЕРАЗ, волшебник, и в добрый час я помогаю всем, кто от неудачи льет слезы, а работать надо весело, не напоказ, чтоб никто не удивлялся, а при этом, конечно, повторять: «Еще раз, еще сто раз, еще тысячу раз...» Песенки не получилось.

«Никакой я не волшебник, — подумала я, прочитав все это. — Какая же это песенка, когда все так нескладно? А потом вспомнила, что надо еще раз, и еще сто раз попытаться стать волшебником. И вдруг, может быть, в двухсотый еще раз у меня из-под пера полились стихи:

Я, волшебник ЕЩЕРАЗ,
Помогаю в добрый час
Тем, кто с первой неудачи
Растеряется и плачет.
Чтоб в работе и за книжкой
Дело спорилось у вас,
Говорите все мальчишки,
И девчонки и мальчишки:
«Еще раз! Еще раз!

Веселей работай снова,
Повторяя каждый раз
Два моих волшебных слова:
«Еще раз! Еще раз!»

Между прочим, пока Аня Брунова исполняла по системе Станиславского свою сказку про волшебника ЕЩЕ-РАЗА, я, конечно, не терял времени даром и, как всегда, занимался сразу четырьмя делами: правой рукой в кармане сжимал теннисный мяч, носком левой ноги ритмично прижимал теннисный мяч к полу, решал кроссворд (по горизонтали: 12. Плата за перевозку груза водным путем. 13. Щипковый инструмент. 15. Курорт в Крыму. 17. Вулканическая горная порода, употребляемая как строительный материал) и размышлял о методе физических действий.

Оказалось несколько неожиданным и для меня самого, что я разбираюсь не только в системе Станиславского, но и еще в одном методе, применяемом режиссерами в работе с артистами,— этот метод называется методом физических действий. И заключается он вот в чем, но это так... грубо и ориентировочно: в отличие от системы Станиславского, которая приводит актера к правильному внешнему состоянию через правильное внутреннее состояние, то есть через внутреннее к внешнему. Метод же физических действий старается через правильное физическое поведение актера привести его к нужному внутреннему состоянию, то есть, наоборот, через внешнее к внутреннему...

— Иванов, ну, как тебе сказка про волшебника ЕЩЕ-РАЗА?— спросил Кутырев.

— Всех бы вас,— сказал я, помедлив,— к пираньям во время отлива... всех... кроме Ани... А так ничего, ничего, я немного доволен.

— Иванов немного доволен! Иванов немного доволен! Иванов немного доволен!— пронеслось по залу и по сцене.

— Но потом, когда... имейте в виду... но, несмотря на... это, я разрешаю, только я не очень-то разобрал, по какой все-таки системе вы работаете? Борис, кстати, о стыке театральных наук... Вы, конечно, не знаете, что, кроме системы Станиславского, в работе с актерами есть еще так называемый метод физических действий,— меня так и подмывало все-таки прочитать этим начинающим и ленивым и нелюбопытным людям лекцию о методе физических действий.

— Юрий Евгеньевич! Не губи мою режиссерскую карьеру,— взмолился Борис Кутырев,— ты же обещал не раздражаться?

— Не знаешь — не берись, не можешь — не борись,— прошептал я одними губами и решил про себя: «Ладно, погублю я этого Кутырева, но потом! Позже!.. Чтобы не занимался бессистемно театральным искусством!»

— И так в твоём присутствии бог знает что происходит,— продолжал жаловаться Кутырев.— Жонглер раньше не ронял ни одной булавы, а сегодня, в твоём присутствии, он ни одной булавы не поймал. Актеры не выполнили ни одной из поставленных перед ними сценических задач. Кроме Ани...

— Как, разве выступал жонглер?— удивился я.

Выступление жонглера я и вправду как-то не заметил, поглощенный своими мыслями.

— Слушай, Брунова, у меня есть к тебе серьезный разговор, ты ко мне зайди.

— Когда?— спросила Аня.

От такого моего предложения она так растерялась, что даже покраснела, что даже воскликнула:

— Господи, твоя воля! Счастье-то какое! Иванов свидание мне назначил! Где это записать?!

— Как где? В воспоминаниях,— вырвалось у меня невольно.

— А когда зайти-то?— продолжала причитать Брунова.

— Зайдешь... лет через пятнадцать — двадцать.

От такого моего предложения она растерялась еще больше и еще больше покраснела.

— Через пятнадцать лет у меня будет ревнивый муж,— сказала она.

Мне понравилась ее находчивость, в конце концов, все сотрудники, окружающие сверхкосмонавта, должны быть находчивыми, а сам сверхкосмонавт должен быть сверхнаходчивым. Все нормально.

— Друзья, но давайте все-таки работать,— взмолился Кутырев.

— Давайте, давайте,— согласился я, зная, что сейчас начнется то, ради чего я пришел.

— Сейчас мы тебе сыграем клоунаду,— сказал Кутырев, обращаясь ко мне.— Только дай слово, что ты до самого конца не будешь перебивать нас своими знаниями!..

— И больше того,— поддержал я Кутырева,— если

мне твоя клоунада понравится, я твоим клоунам подарю способности гекконов!

— Каких еще гекконов? — испугался Кутырев.

— Тех самых гекконов, которые ходят по потолку. — И я быстренько скороговоркой проинформировал всех о том, что семейство гекконов из отряда ящериц знаменито тем, что его представители могут передвигаться по вертикальным, совершенно гладким поверхностям и в погоне за мелкими насекомыми бегать по потолку, словно по полу.

— А зачем нам от тебя такой подарок? — удивился Кутырев.

— Как зачем? — сказал я. — Вы же играете клоунаду про космос, вот твои клоуны и будут ходить по потолку, как гекконы.

— Но я надеюсь, — сказал Кутырев, — ты не сейчас нам подаришь эти способности.

— Нет, нет, — ответил я, — со временем, конечно.

— Ах, со временем, — успокоился Кутырев. — Тогда другое дело. Можешь не торопиться со своим подарком.

И с этими словами Кутырев побежал за кулисы. Затем вышел из-за занавеса на просцениум. Я с настороженным любопытством уставился на Кутырева.

— Предлагаю вашему вниманию клоунаду, — неуверенно громким голосом объявил Борис Кутырев, — под общим названием «Слепой космический полет!». Часть первая: «Три, два, один. Пуск!» Часть вторая: «Вдоль по Юпитерской!..»

Занавес открылся, и то, что я увидел на сцене, привело меня в некоторое замешательство: на заднике были срисованы космические сюжеты с картин художника Соколова, а также космонавта и художника Алексея Леонова. Но вместе с этим на площадке сцены под тремя металлическими трубами, сваренными треногой, стоял обыкновенный стул. На треноге, перекинутая через блок, висела толстая веревка, один конец которой был привязан к спинке стула, другой конец веревки держали в руках пять или шесть ребят в противоперегрузочных костюмах. Я-то думал, что увижу на сцене хотя бы макет ракеты с заправочной мачтой или что-нибудь похожее, а тут — стул и рядом со стулом почему-то цинковое ведро с дужкой.

Затем раздались записанные на магнитофон звуки электронно-космической музыки, и на сцену вышли Бо-

рис и Виктор. Они были в преувеличенно-космонавтских скафандрах и в дурацких клоунских ботинках с длинными носами. Костюм Виктора был расшит ослепительно сверкающими, как звездное небо, белыми блестками, среди которых сверкали синие луны. А костюм Бориса был расшит огненно-рыжими блестками, расцвечен сверкающими спиралями и красными звездами. Вообще-то это все было очень эффектно и впечатляюще.

«Понятно,— подумал я.— Ребята выступают в старых классических масках рыжего и белого клоуна, только в художественно-классической разработке. Неплохо»,— подумал я и хотел было уже спросить: эта клоунада — «цирковое антре» или клоунада «буфф»? Спросить с тем, чтобы тут же разъяснить участникам представления, какая разница между двумя видами этих клоунад, но удержался, потому что я дал слово Борису Кутыреву не прерывать своими знаниями репетицию. Вот поэтому я даю в моих воспоминаниях эту клоунаду, мизансцена в мизансцену — так, как она запечатлелась у меня в памяти и как она была написана и поставлена ее автором и режиссером Борисом Кутыревым.

СЛЕПОЙ ПОЛЕТ

Клоунада

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Три, два, один. Пуск!»

Белый космонавт. А сейчас, Витя, я тебя буду тренировать...

Рыжий космонавт. Ты меня уже тренировал... Сейчас моя очередь! (*Униформистам.*) Дайте шлемоведр!

На манеж выносят обыкновенное ведро с дужкой. К ведру прикреплены наушники, провода и множество замысловатых трубок.

Белый космонавт. А это что такое?

Рыжий космонавт. Это... навигационный прибор, предназначенный для слепых космических полетов... шлемоведр! Надевай!

Белый космонавт. Зачем?

Рыжий космонавт. Полетишь в пробный клоун-

ский космический слепой полет... (*Надевает на голову Бориса шлемоведр.*) Чего ты трясешься?

Белый космонавт. Ой, мама!.. Темно!

Рыжий космонавт. Темноты боится... а еще на Луну собирался лететь... Не бойся, когда будет надо, мы тебе включим звездовизор... Будешь смотреть на экран и рассказывать, что видишь в космосе... Дайте звездолет!

Униформисты выносят на манеж обыкновенный стул с рукоятками от носилок. Стул покрыт пластмассовым ковриком.

Садись, Боря! Звездолет подан!..

Борис трясется.

Боря! Если ты так будешь трястись, то звездолет может развалиться в воздухе!..

Белый космонавт. Я больше не буду... (*Трясется еще сильнее. Садится на стул. Поет.*) «Напрасно старушка ждет сына домой...»

Виктор прицепляет к Бориному поясу лонжу.

Рыжий космонавт. Через пять секунд после старта мы дадим команду, и звездолет начнет снижаться. Понятно?

Белый космонавт. Понятно!.. Витя! Я надеюсь, ты мне по знакомству обеспечишь мягкую посадку...

Рыжий космонавт. Обеспечу...

Белый космонавт. А как я с вами буду обеспечивать связь?

Рыжий космонавт. Вот через этот шлемоведр... Даю пробу... Ты меня слышишь?

Белый космонавт. Слышу!

Рыжий космонавт. Ты не передумал лететь?

Белый космонавт. По-о-о-оздно-о!

Рыжий космонавт. Правильно! А какое ты хочешь сделать заявление перед полетом?

Белый космонавт. Ва-ва-ва-ва...

Рыжий космонавт. Что?

Белый космонавт. Ва-ва-ва-ва...

Рыжий космонавт. Не волнуйся, Боря! Я перевожу нашим зрителям... Боря хотел сказать, что он очень счастлив и горд, что в первый пробный клоунский полет к звездам летит он, а не я...

Белый космонавт. Ва-ва-ва-ва...

Рыжий космонавт. Вот речугу закатил... приготавливаться к старту!

Униформисты берутся за рукоятки стула.

Боря! Слушай меня! Я — Витя!

Белый космонавт. Ва-ва-ва-ва-а!

Рыжий космонавт. Все еще говорит речи!.. *(Бьет деревянным молотком по ведру.)* Ты будешь меня слушать?

Белый космонавт. Слушаю! Слушаю!

Рыжий космонавт. Слушай, Боря!.. В начале полета звездолет будет медленно набирать скорость, ты будешь пролетать мимо верхушек деревьев. Не пугайся, если заденешь за них... Приготовиться к старту!..

Белый космонавт. Ой, мамочка!

Рыжий космонавт. Да я с тобой! *(Витя кладет руки на плечи Боре.)* Включить первый двигатель!

Взрыв.

Белый космонавт. Братцы! Я раздумал лететь!

Рыжий космонавт. Поздно, Боря! Ты уже в полете!

Униформисты начинают поднимать стул. Витя опускается на колени. У Бори впечатление, что Витя остается внизу, а он сам поднимается. Стул поднимается еще выше. Боря хватается Витю за руки. Униформисты раскачивают стул.

Я — Витя! Витя! Боря! Ты подлетаешь к верхушкам деревьев... Осторожнее!.. *(Щекочет Борю веткой.)*

Белый космонавт. Ой, мамочка!.. *(Хватается за ветку.)*

Витя вырывает из рук Бори ветку.

Рыжий космонавт. Спокойно! Сейчас на тебя начнут действовать перегрузки.

Униформисты за лонжу подтягивают Борю повыше. Витя и еще человека четыре виснут на Боре.

Белый космонавт. Это что такое?

Рыжий космонавт. Перегрузка!

Белый космонавт. Ой, тяжело!..

Униформисты вместе с Витей обрываются, стягивая при этом с Бори штаны. Он остается в трусах.

Караул! Раздевают! Куда милиция смотрит?!

Рыжий космонавт. Спокойно, Боря! Какая в космосе милиция!

Белый космонавт. А кто с меня штаны снял?

Рыжий космонавт. Это перегрузка! Сейчас начнется состояние невесомости... *(Поднимают Борю на лонже повыше, теперь он висит в воздухе, делая руками плавательные движения.)*

Униформисты дергают руками лонжу.

Белый космонавт. А это что такое?

Рыжий космонавт. Воздушные ямы!

Белый космонавт. Ямы? А что их, засыпать не могли?.. Ну и дорожка!

Рыжий космонавт. Держи! *(Дает в руки Боре кусок ваты.)*

Белый космонавт. А это что такое?

Рыжий космонавт. Это ты пролетаешь облака!

Белый космонавт. А нельзя мне дать свет?

Очень темно.

Рыжий космонавт. Включаю звездовизор! Боря, ты видишь звезды?

Белый космонавт. Ничего я не вижу!..

Рыжий космонавт *(бьет деревянным молоточком по ведру)*. А сейчас видишь звезды?..

Белый космонавт. Сейчас вижу...

Рыжий космонавт. Откуда летят звезды?

Белый космонавт. Они летят у меня из глаз...

Рыжий космонавт. Красивое зрелище?..

Белый космонавт. Я бы не сказал...

Рыжий космонавт колотит деревянным молоточком по ведру.

Войдите!

Рыжий космонавт подносит к вытянутой руке Белого космонавта горящую свечу.

Ой-ой-ой! Горячо! Почему так горячо?

Рыжий космонавт. Это раскаленный метеорит.

...Для человека с нормальной нервной системой такое зрелище было бы, я бы сказал, равносильно стрессу. Стрессы прежде всего предъявляют повышенные требования к нервной системе. В результате возрастает выработка тех гормонов, с помощью которых организм приспосабливается к изменениям внешней среды. Но часто в ходе такой гормональной перестройки страдает сердечно-сосудистая система — непосредственный исполнитель главных приспособительных реакций. Но моя сверхнервная сверхсистема была спокойна, а на сцене тем временем происходило вот что.

Рыжий космонавт дает знак униформистам, те выносят на сцену два ведра воды. Белый космонавт неожиданно снимает с себя шлем.

Наблюдает за Рыжим космонавтом.

Белый космонавт. А сейчас что будет?

Рыжий космонавт. Сейчас ты попадешь в зону космических дождей.

Белый космонавт. Я попаду?! (*Рыжему космонавту.*) Это ты сейчас попадешь в зону космических дождей...

Рыжий космонавт оборачивается, видит Белого космонавта без шлема. Униформисты опускают лонжу. Белый космонавт хватается за ведро воды и гонится с ним за Рыжим космонавтом.

«Да, — подумал я. — Сегодня они смеются над космонавтом, а завтра и до единственного сверхкосмонавта доберутся... Надо с этими «добирательствами» покончить раз и навсегда, чтобы и впредь было никому неповадно!..»

Я выскочил на сцену для того, чтобы, выражаясь языком дипломатического протокола, выразить энергичный протест. Я закричал во весь свой сверхголос, а уж то, что мой голос у меня не голос, а сверхголос, я мерил на шумометре. Между прочим, в одной из лондонских школ провели недавно необычайное соревнование — кто громче крикнет. Попробовать силу своих голосовых связок вызвалось около двухсот школьников. Микрофон с измерительным прибором находился на расстоянии одного метра от кричащего. В среднем испытывавшие свою силу школьники кричали с громкостью 114 децибелов. Победительницей оказалась двенадцатилетняя девочка, громкость крика которой — сто двадцать два децибела. Из

мальчишек никто не подошел к победительнице ближе чем на два децибела. Это естественно! А на что способны эти девчонки? А только на то и способны, чтобы поднимать самый большой шум.

Но, конечно, это громкоголосая англичанка могла с кем угодно соревноваться, только не со мной. С криком в двести сорок четыре децибела я выскочил на сцену: «Вы представляете, что вы делаете?!» Я подлетел к этим рыже-белым комедиантам: «Ведь, как показали многочисленные опыты, проведенные советскими учеными на большой центрифуге, при увеличении веса испытуемых в десять — двенадцать раз они на некоторое время перестают видеть. Перед их глазами появляется черная пелена. Если же перегрузка возрастает в пятнадцать раз, то «высидеть» в таком положении более десяти секунд человек не в состоянии! А вы что здесь делаете? Ведь после длительных опытов установлено, что под углом восемьдесят градусов к действию ускорения космонавт способен выдержать необычайные перегрузки — в двадцать шесть с половиной раз! А вы здесь чем занимаетесь?!»

Они потом говорили, дорогие товарищи потомки, что якобы я толкнул Рыжего клоуна-космонавта, того самого, что держал в руках горящую свечу. На самом деле, я сам видел: сила звука, с которой я выкрикивал слова, была такая, что пламя свечи оторвалось и полетело в кулисы. Вспыхнула декорация, и девчонки в один голос закричали: «Пожар! Пожар! Пожар!»

Часть вторая

ГДЕ ЖЕ ВЫ БЫЛИ РАНЬШЕ, ЧАРЛЗ ДАРВИН?

ВОСПОМИНАНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

*Час без секунды — это не час,
а только 59 минут и 59 секунд*

— А может быть, мы действительно недостаточно используем коэффициент полезного действия своего мозга? — услышал я за стеной голос отца. — Может быть, ученые действительно правы?

Я прислушался. Отец продолжал:

— А может, это акселерация мозга? Вот, например, я страдаю из-за своего сына бессонницей, принимаю всякие снотворные, а оказывается, существует естественное снотворное. Ученые извлекли из мозга спящих кроликов венозную кровь, пропустили ее через специальный фильтр, чтобы отделить макромолекулы. Эту выделенную фракцию ввели другим кроликам, и через десять — пятнадцать минут электроэнцефалограмма этих кроликов показала удвоение активности дельтаволн мозга, характерных для легкого сна. Этим «веществом сна» оказался белок.

— Да, да,— сказала мама,— я, например, все стараюсь похудеть и сижу на всяких диетах, а, оказывается, есть гормон, регулирующий аппетит. Стоит этому гормону выделиться в кишечнике, как пропадает интерес к пище. Но это все я помню только час-два, а как Юрий помнит все и все время — ума не приложу.

— А надо как раз прикладывать ум,— посоветовал отец маме.

«Что такое, что такое? — запрыгало у меня в уме.— Откуда у моих родителей такая эрудиция?» Я подбежал к двери и сквозь приоткрытые створки увидел: мама и отец сидели за столом, заваленным газетами и журналами, и читали друг другу всевозможные небезынтересные сведения.

«Ну, так-то, кажется, можно». Я лег в постель, продолжая свой прерванный отдых, слушая доносящийся из-за стены голос отца.

— Вот, например, есть ассоциативный метод памяти,— сказал он, шурша газетой.— Оказывается, что феноменальную память некоторых людей связывают с какими-то фокусами и трюками. Но это совсем не так. Такие люди, кроме неординарных способностей к прочному запоминанию, обладают, например, сильной концентрацией внимания, ярко выраженным ассоциативным мышлением и более или менее сознательно выраженной техникой запоминания...— Здесь отец прервал свое чтение и продолжал говорить от себя: — А может быть, дело в том, Маша, что человек должен или работать, или отдыхать, а то ведь чаще всего человек делает ни то ни се. Может, Юрий открыл этот простой секрет?

Вообще-то по расписанию у меня отдых должен быть закончен, но так как мой полет на планере продолжался на пятнадцать минут дольше, чем он должен был бы

продолжаться, то я эти пятнадцать минут приплюсовал к своему отдыху. А все случилось из-за того самого догрузочного мешка с прессованными опилками. Отправляясь в полет, я забыл его засунуть в кабину. То есть тренер подумал, что я его забыл засунуть, а на самом деле я его просто не взял с собой. Мне было интересно узнать, как поведет себя планер в недогруженном по правилам весе. Тут еще восходящий поток воздуха невесть откуда взялся, и облегченная машина взмыла чуть было не в космос. Еле-еле я с ней справился и посадил на пятнадцать минут позже, чем должен был по расписанию, поэтому я на пятнадцать минут увеличил свой отдых и с удивлением прислушивался к разговору моих родителей.

— Я всегда говорила, что моего сына ждет огромное будущее,— сказала мама.

— Такое огромное, что он с ним не справится, пожалуй,— с иронией сказал отец.— И вообще ты не очень-то задавайся своим сыном. Он такой не один на свете. Есть и не хуже его. Вот, пожалуйста.

«Есть и не хуже меня?— Я даже приподнялся на постели.— Есть не хуже меня!»— повторил я про себя и стал ждать, как отец сможет объяснить это совершенно фантастическое предположение, что на свете может существовать человек не хуже меня.

— Вот, пожалуйста,— продолжал отец.— Двенадцатилетний Давид Арутюнян стал студентом Ереванского политехнического института. Он блестяще сдал вступительные экзамены и учится на отделении вычислительных машин факультета кибернетики. В средней школе полный учебный год Давиду потребовался лишь дважды — в предпоследнем и выпускном классах.

— Подумаешь там, какой-то Давид Арутюнян поступил в какой-то политехнический институт,— возмутилась мама.— Да сегодня наш Юрий, если он захочет, может поступить не только в политехнический институт, а во все институты, которые существуют на свете!

«Молодец, мама!»— подумал я. Мне в ней нравится, что она никогда не преувеличивает мои способности, а даже их несколько преуменьшает.

В это время раздался телефонный звонок. Отец снял трубку с аппарата, и по его репликам я понял, что это кто-то из звезд школьной самодеятельности жалуется на меня и рассказывает о пожаре на генеральной репетиции.

— Ну, вот,— сказал отец, возвращаясь к разговору с моей мамой и вешая телефонную трубку.— Вот еще одна новость: наш сын устроил в школе пожар, но я почему-то совершенно спокоен.

— Потому, что этот пожар кто-то устроил, а свалили все на нашего сына,— ответила мама.

— Ты его всегда защищаешь, и это меня не возмущает так же, как меня не возмущает пожар. Знаешь, почему?— спросил отец у моей матери. И ответил сам и по моей системе:— Потому что у меня уже образовался условный рефлекс на всякие неприятности, которые мне приносит мой сын. А что такое рефлекс, ты можешь вспомнить? Не помнишь. Тогда я тебе отвечу, что такое рефлекс по системе нашего сына.

Я услышал, как отец, порывшись в каких-то бумагах, громко произнес:

— Рефлекс — это ответная реакция организма на раздражение. А если раздражение часто повторяется, то организм уже может не реагировать. Можно среагировать на одну неприятность, на две, на десять, на двадцать, но на тридцатую уже никакой реакции не будет.— Видно, отец не на шутку разволновался. После этих слов он ультимативно заявил:— Все, хотя у меня уже нет рефлекса, но у меня и терпения уже нет. Все,— повторил он.— После этого пожара я просто не знаю, что делать!..

Отец стал нервно рассказывать по комнате, то и дело восклицая:

— С одной стороны, он всё знает! С другой стороны, он не знает, до скольких лет живет человек?! С третьей стороны, он гипнотизирует гипнотизера!.. С двадцать третьей стороны, он спорил стиральные метки со своего белья и сам стирает его!.. С сороковой стороны, его фотографии появляются в газетах под другой фамилией!.. С пятьдесят шестой стороны, он перемножает любые цифры со скоростью электронно-вычислительной машины!.. С шестидесятой стороны, я нахожу записку, из которой явствует, что он играет в карты! «Завтра карты! Ставка больше чем жизнь!»

«Боже мой,— заскрипел я зубами, ворочаясь в постели,— карты! Это не игральные карты, это маленькие детские гоночные автомобили-карты. Я же еще и гонщик!.. Я занимаюсь картингом. Ну ладно, читайте сейчас, поймете позже».

— С семидесятой стороны, звонили из милиции и сказали, что наш сын торгует цветами!.. Нет, мой сын — это... это какой-то сверх... сверх... сверх... — сказал отец.

«Ну, папа, ну, поднатужься, ну, догадайся, кто у тебя сын, ну?...» — просил я мысленно отца.

— Это какой-то сверхумный сверхбезобразник!..

Во время таких необъяснимо сильных переживаний отца раздался звонок, на этот раз в прихожей, и я почувствовал, как там, за стеной, отец вздрогнул.

— Я не могу, — воскликнул он после небольшой паузы, — иди открой ты! Я не могу! Я боюсь!..

Мама открыла входную дверь в прихожей, и спустя минуты три раздался стук в дверь моей комнаты. Потом открылась дверь, и я увидел испуганное лицо моего отца.

— Тебе пришла бандероль, — сказал боязливо отец. Его все пугает в последнее время. — Ты от кого-нибудь ждешь бандероль? — Отец держал в руках довольно толстую книгу, завернутую в бумагу и перевязанную крест-накрест бечевкой.

— Жду. Я жду.

— Что ты ждешь? — спросил почему-то очень испуганно отец.

— Стихи, — сказал я. — Жду стихи. — Я был уверен, что это мне прислали стихи.

— Почему стихи и от кого стихи?

— Не знаю почему и не знаю от кого, но я их жду.

Я взял бандероль и распаковал ее. В пакете была книга под названием «Моя автобиография», и ее автором был знаменитый естествоиспытатель Чарлз Дарвин. «Это что-то новое», — подумал я, раскрывая обложку книги, и там, за обложкой книги, я увидел листок бумаги со стихами.

«А это что-то старое», — подумал я, разглядывая страницу с рифмованными строчками. На странице было написано вот что:

Ах как это грустно и печально —
Человек не любит танцев, песен, смеха...
Это ж все ведет к эмоциональному
Ослаблению природы человека.
Ах как это все не идеально:
В голове задач одних решенья!..
Это Дарвин звал эмоциональным
Человеческой природы ослабленье.

Ах как это все рационально:
Нет печали даже на невзгоды,—
Это Дарвин звал эмоциональным
Ослаблением человеческой природы!

В конце стихотворения была приписка: «Когда прочитаешь эти стихи, открой автобиографию Чарлза Дарвина, там, где торчит бумажная закладка, и прочти то, что подчеркнуто красным карандашом». Раскрыв книгу, я сделал все, что мне было подсказано,— прочитал подчеркнутые строчки и первый раз озадаченно потер свой лоб. Никогда не думал, что Чарлз Дарвин принесет мне в жизни столько неприятностей!

Ну и пилюли преподнес мне этот великий естествоиспытатель Чарлз Дарвин! Уж лучше бы я не читал его автобиографию. Из-за него теперь мне придется вставлять в мой бортжурнал занятия пением, танцами и чтением стихов. А как мне быть, если старик написал в своей биографии, что «если бы ему пришлось заново прожить свою жизнь, то он бы не замкнулся бы целиком только в своей науке...». Он так и заявил, что занятие одной какой-либо наукой «ослабляет эмоциональную сторону нашей природы». И, мол, не только «равносильно утрате счастья», но и «вредно отражается на умственных способностях...». Конечно, петь или танцевать — это небольшое удовольствие. Можно сказать, просто мучение, но если это надо для того, чтобы мозги не сохли, то какой может быть разговор, надо петь!

Размышляя, я быстро зашагал. Вернее, чуть было не забегал по комнате. Так меня искренне расстроил Чарлз Дарвин своими словами о том, что я, как и он, столько времени «ослаблял эмоциональную сторону нашей природы» и что это «равносильно утрате счастья»! Я тут же решил начать немедленное «усиление эмоциональной стороны нашей природы», что было, вероятно, равносильно обретению счастья.

«Ну и преподнес мне пилюлю этот знаменитый естествоиспытатель, Чарлз Дарвин», — думал я.

— От кого бандероль? — спросил отец, заглядывая в дверь.

— От Чарлза Дарвина, — ответил я.

— Не может быть! — вздрогнул отец. — Чарлз Дарвин умер, и ты не можешь получить от него бандероль!

— Но эта бандероль не лично от него, — пояснил я. Отец скрылся, как бы растворился в пространстве...

Я уже и позывные себе придумал: «Я — Круг! Я — Круг! Слышу вас хорошо!.. Прием!»

Я почему взял себе в позывные «Круг»? Круг — это самая завершенная фигура на свете. Вот шестиугольник в пчелиных сотах — это такая фигура, которая требует для постройки минимум материала, а получается максимум прочности, а круг — это, по-моему, самая завершенная, самая красивая линия на свете. Недаром Земля и все планеты круглые. Вот поэтому я хотел взять себе в позывные слово «Круг».

Но теперь, после того как я, по Чарлзу Дарвину, не занимаясь искусством, ослабил свою человеческую природу, я уже не могу считать себя КРУГОМ. Линия круга у меня не смыкается, а несмыкающаяся линия круга — это не круг, так же, как час без секунды — это только пятьдесят девять минут и пятьдесят девять секунд, так же, как арбуз, из которого вырезана долька, — это уже не целый арбуз. Вот почему я уже завтра вставил в свое расписание первое посещение урока пения. При этом у меня на губах, конечно, будет весь урок играть ироническая улыбка, чтобы никто не подумал, что я это всерьез делаю.

Правда, в этом учебном году я все время сбегал с урока пения. Должен вам сказать, что у нас в этом смысле школа несколько необычная. Она у нас с музыкальным уклоном. И поэтому уроками пения у нас занимаются все с первого класса по десятый. Так вот, когда я не смог сбежать — взял и сорвал его, — пел нарочно громче всех и назло всем фальшивил, за что и был изгнан с занятия. Но как я сейчас об этом сожалел! А может быть, начать петь мне уже поздно, может, мои сверхкосмические занятия уже так «ослабили эмоциональную сторону моей природы», что это уже, вероятно, «отразилось на моих сверхумственных сверхспособностях», а может быть, даже свертотразилось, хотя, впрочем, не может быть, чтобы свертотразилось, просто отразилось. И все это действительно «равносильно утрате счастья»?!

Да нет, не может быть! Я же еще не такой старый, как Чарлз Дарвин, каким он был, когда записал эту мысль в свой дневник. Конечно, я еще успею «усилить эмоциональную сторону моей природы». Только надо не терять ни минуты.

Быстренько! В аварийном порядке! Понапишу стихов, понапою песен, понатанцую танцев, понасмеюсь вдоволь,

понавеселю друзей и понавеселюсь сам. Тем более, что теоретически я со всеми этими премудростями знаком, остается только перейти от слов к делу, и все! И полный порядок! Я приготовил тетрадь для стихов и песен. Идея! Песни я буду петь свои и на свою музыку. Про сердце спою песню, про сердце, которое всегда бьется, делая пятьдесят два удара в минуту, в любой ситуации, тем более что сердце — это конусообразной формы полый орган. Задневерхняя, расширенная часть сердца называется основанием сердца, базис кордис. Передненижняя, суженная часть называется верхушкой сердца, апекс кордис. Сердце располагается сзади грудины, с наклоном в левую сторону. Ну и так далее и тому подобное.

Теперь об усилении эмэсэспэ!..

Только вот как я ее усилю, Эмоциональную Сторону Своей Природы, если учительница пения сказала, чтобы ноги моей больше не было в классе? Ничего, она еще извинится и еще попросит у меня разрешения, чтобы я присутствовал у нее на уроке. Кстати, надо будет сегодня же заготовить воспоминание, которое учительница пения напишет о моем пении. Ну ладно! Это потом. Это после урока пения.

— Нет, представляю, какие лица будут у этих ченеземпров, когда я добровольно заявлюсь в класс! Они и не представляют, что я берусь за это сомнительное дело, стараясь как можно быстрее возвращать к жизни клетки мозга, которые длительное время не занимались искусством.

Но все-таки как это могло случиться, что мой сверхорганизм упустил из виду это сам, и, по-видимому, на уровне генов?.. Я как-то и не задумывался над тем, что, собственно говоря, передали мне по наследству мои родители и, кстати, передали ли они мне что-нибудь эмоциональное или не передали? В детстве, я имею в виду свое младенчество, пели ли они мне колыбельные песни (не помню) и играли ли они на каком-нибудь музыкальном инструменте? На балалайке? На домре? На гитаре? В конце концов, на пианино?

С этими мыслями я вошел в столовую. Отец работал над своей диссертацией. Мама вязала. Я начал разговор спокойно и издалека:

— Вот когда младенцы засыпают, им поют колыбельную... А вы пели мне колыбельную песню?

— Нет,— сказала мама.

— А ты, папа?

— Зачем тебе было петь? Ты и так спал как убитый...

— Вот именно как убитый! Спал тогда, а как убитый сейчас... Вот, вот почему не смыкается круг.

— Какой круг? Почему не смыкается? — Отец снял очки, потер переносицу и спросил: — И почему он должен смыкаться?

— А потому, что... потому, что в Америке есть бэби-певцы. Слышали об этом?

— Что еще за бэби-певцы? — удивились мои родители.

— Мальчик в восемнадцать месяцев напевал народные песни, а девочка в четырнадцать месяцев пела колыбельные песни. А почему они это делают?

Отец с мамой переглянулись и пожали одновременно плечами.

— А потому, что и колыбельные и народные песни им пели их папы и мамы. А есть такие, которые не поют...

— Одним поют, других укачивают молча, — сказал отец, — кому что нравится. Мы с мамой не пели, потому что ни у нее, ни у меня никогда не было голоса. Между прочим, ты пошел в нас, у тебя тоже нет голоса.

— Извините, — сказал я категорично. — Лично я не пел потому, что думал, что я не должен петь, а теперь, когда я знаю, что обязан петь, — слово «обязан» я выделил интонацией голоса, — теперь я пою.

— Не хотел бы я услышать твое пение. Хотя, впрочем, от тебя всего можно ожидать. И потом, почему ты обязан петь?

Этот вопрос я, конечно, пропустил из левого уха в правое.

— Да, — намекнул я, — но есть еще и такие, которые не только сами не пытались петь, но и не пытались передать свои малые музыкальные способности своим детям, не помогая тем самым усилению эмоциональной стороны природы их ребенка...

На словах «тем самым усилению эмоциональной стороны природы их ребенка» рука отца занервничала, но я не замолчал, я продолжал:

— ...А другим нравится не петь, не шутить... Кстати, о «шутить». Одна очень полная дама решила похудеть и обратилась за советом к врачу. Врач посоветовал ей

каждое утро двадцать раз касаться носков тапочек. Через некоторое время она опять посетила врача и сказала, что от его совета никакого эффекта. Он попросил ее объяснить, как она выполняла его совет. Оказывается, она, не вставая утром с кровати, доставала тапочки, ставила их на стул рядом с кроватью и дотрагивалась до них даже больше двадцати раз — и все напрасно!

— Ну и что? — сказал отец. — Что она двадцать раз дотронулась до тапочек?

— Как ну и что? — удивился я. — Это же смешно.

— Что смешно? — спросил отец.

— Как что смешно? — удивился я и тут же решил разъяснить отцу, что в этом рассказе смешно: человеку доктор прописал, чтобы он, стоя на прямых ногах, сгибался и доставал кончики тапочек, тогда будет эффект, а она без труда дотрагивается до них, положив их еще на стул.

— Ну и что здесь смешного? — снова переспросил меня отец. — Ты здесь видишь что-нибудь смешное? Это скорей грустно.

— Но если Юрий говорит, что это смешно, значит, это смешно, он же лучше нас с тобой разбирается в юморе! — сказала мама.

— Ладно, не спорьте, — утихомирил я моих родителей, — даю вторую пробу: мальчик рассказывает отцу, что учитель им говорил на уроке, что люди все держатся на Земле только благодаря закону тяготения. Отец подтвердил это. Тогда мальчик спросил отца, а как же люди жили до того, как этот закон был открыт?

Отец посмотрел на меня с недоумением.

— М-да... Гены были лишены не только музыкального слуха, но и чувства юмора.

— Какой Гена? — спросил отец.

— Один наш общий знакомый, — намекнул я.

— Лично я не знаю никакого Гены, которого знаешь ты!

— А это порядок, что в доме нет ни гитары, ни балалайки, ни пианино? — спросил я.

— Завтра все будет, — сказала мама.

— Завтра — не сегодня, — сказал я. — Может, все-таки споем, — предложил я, — повеселимся, пошутим?

— Только этого не хватало! — возмутился отец. — А насчет пошутим и споем есть такой анекдот. Сын-двоечник приносит отцу дневник. Отец видит, что у сына по

всем предметам двойки и только по пению пятерка. Отец смотрит на сына и говорит: «И ты еще поешь!»

— Смешно,— сказал я серьезно и добавил:— Ну, ладно, если так, то мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача! — с этими словами я поднялся и вышел из комнаты.

Сегодня гитару можно одолжить у Колесникова, чтобы установить немедленно связь с генами. Ген подает голос оттуда, из глубины твоего существа, а можно и, наоборот, развеселить гены, пощекотать их под мышками, есть же у генов свои молекулярные подмышки, и научить гены петь. Научить гены петь можно, конечно, но... но план, весь план моей сверхкосмической жизни придется мне переделать, а где взять время? Где взять время?

Думая об этом, я перелез через ограду нашего балкона и через балкон Колесникова-Вертишейкина проник к нему в комнату. Колесников уже спал, я разбудил его и спросил:

— У тебя есть гитара?

— Есть,— сказал Колесников.

— Давай скорей.

Колесников протянул мне гитару и сказал:

— Ой, что вчера из-за тебя на педсовете было! Говорят, случай с пожаром разбирали, а твое поведение и вообще тебя называли феноменом. Чему, говорят, нас учит феномен Иванов? А учит он нас тому, что еще одна такая безобразная выходка окончилась пожаром на репетиции и его надо исключить из школы. Это учительница пения сказала. А учитель химии сказал: «А по-моему, феномен Иванов учит нас другому: при всех его чудовищных и необъяснимых выходках Иванов — феномен, учится у нас, учителей, и феномен нас чему-то учит. А может быть, и учителям взять с него пример: учить и учиться». Что здесь началось! Все возмущались: «Не будем учиться!.. Не будем!» Я это все запишу в новых воспоминаниях о тебе, хорошо?

— Хорошо,— сказал я, вылезая с гитарой из окна через балкон на карниз дома.— У вас еще какой-нибудь музыкальный инструмент есть?

— Есть,— сказал Колесников,— пианино.

— Сейчас же садись и играй, Колесников. А то поздно будет. Мне поздно никогда не будет, а тебе будет.

Я задержался на карнизе, посмотрел на Колесникова и спросил:

— А вдруг мне эти стихи присылают оттуда? — Я показал глазами на небо. — Какой-нибудь там инопланетянин видит оттуда, что именно мне будет поручено самое... самое... на земном шаре... и он мне сигнализирует. Может, у них там и прозы нет, а все стихами говорят. А я себе взял экслибрисом круг... Слушай, Колесников, меня сейчас — поймешь позже.

С этими словами я полез по карнизу дома, дошел до своего балкона, перелез через перила и вошел в комнату. Затем я смодулировал в своем мозгу тройную экспозицию и соответственно занялся одновременно тремя делами сразу.

Тройная экспозиция — это когда на одну и ту же пленку снимают три сюжета. Одним словом, я рассматривал в телескоп ночное небо Москвы, облокотившись на гитару, пальцами левой руки строил на грифе аккорды, правой — перебирал струны и тихо, в одну двадцать шестую своего голоса, запел.

Через некоторое время дверь тихо открылась, и в дверях появилось насмерть перепуганное лицо моего отца.

— Что здесь происходит? В чем дело?

Я пропел:

— «Вдоль по Пи-те-рской...» — и сказал: — Слушай сейчас! Поймешь позже!

— Ты с ума сошел! Ты же всех разбудишь! — закричал отец. — Все, я больше не могу!

— Понимаешь, папа, — сказал я, — ты пойми меня по-хорошему. Ты даже не представляешь себе, как это для меня важно, чтобы круг сомкнулся, потому что несомкнутый круг — это не круг, и поэтому, — продолжал я, — ты должен, ты обязан понять, что любое художественное произведение обязательно состоит из двух компонентов: информационного, к которому относятся слова, мелодия, изображение, и ритмического — наиболее ярко выраженного в музыке и танце.

— Все, все, все, не могу, ни по-хорошему, ни по-плохому не могу, — повторил отец.

Отец прошел в прихожую, накинул плащ и выскочил на лестничную площадку, забыв закрыть дверь. Мама, молча наблюдавшая за всей этой сценой, выскочила вслед за отцом на лестницу и крикнула вдогонку:

— А может быть, ты, не разобравшись, требуешь от сына того, что, на его взгляд, делать нет смысла? Тогда

упрямство Юры — признак первой, может быть, несколько неуклюже проявленной самостоятельности?! И надо не убегать, а...

Но отец был уже на улице и не слышал слов матери, в которых, как всегда, была заключена большая доля истины, чем в поступках моего отца.

Когда я вернулся к себе в комнату, на моем столе лежал неизвестно откуда взявшийся листок со стихами. Первый раз в жизни, не показывая вида, конечно, я обрадовался стихами. Вот эти стихи:

ИСПЫТАНИЕ НА ФЛАГ

Всегда впереди развевался наш Флаг.
Его уничтожить замысливал враг.
Но Флаг шел в атаку, хоть пулей пробит...
Из самой он прочной материи сшит.
Оставили нам деды завещание,—
Они хранили флаги на груди:
Пройти на Флаг,
Пройти на смелость испытание,
А смелые, как флаги, впереди!
Флаг вьется над стройкой, над пиками гор.
Венчает он мачту и моря простор.
Флаг с нами навечно, и мы с ним навек.
Несет его свято в руках человек.
Флаг прочность проверит мою и твою.
Нельзя быть с ним слабым в труде и бою.
Флаг чувствует руку и тверд ли твой шаг.
Равняйся, товарищ, равняйся на Флаг!
Оставили нам деды завещание,—
Они хранили флаги на груди:
Пройти на Флаг,
Пройти на смелость испытание,
А смелые, как флаги, впереди!

ВОСПОМИНАНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Сверхжесткая сверхпосадка

С утра лил холодный дождь. Я лежал на земле в глухом уголке Измайловского парка и думал о сюрпризах генетики. Сюрприз генетики — это особый склад организма. Людей, не восприимчивых к простуде и с удовольствием плавающих в ледяной воде, называют моржами. Но я среди этих моржей, конечно, считался бы сверхморжом. Пролежав два часа на земле под дождем, и это перед самым уроком пения, я затем забежал домой за портфе-

лем и за гитарой Колесникова. Переоделся и с гитарой под мышкой появился в класс. Я сел за парту и стал анализировать свои действия в меняющихся условиях внешней среды и пришел к выводу: надо успеть подтянуть эмоциональную сторону своей природы. А то завтра вдруг, как гром с ясного неба, телеграмма-«молния» с планеты Нонплюсультра: «Вылетаем! Встречайте!» Кругом паника: кому встречать? И тут как глас с ясной земли: «Встречать Юрию Иванову!» Такие, как Маслов, завопят: «А почему? А почему Иванову Юрию?..» А им в ответ: «А потому... А потому, что он все знает! Все умеет! И все может!..»

Это если они к нам завтра прилетят. Ну а если мы к ним туда через определенное количество лет, то кому лететь? Ну, естественно, мне! Иванову! Конечно, еще вчера бы Маслов завопил бы: «Как, Иванов? Он, конечно, сверхкосмонавт, и даже сверхчеловек, но он же незавершенный, у него концы круга не сходятся, он же в искусствах ничего не понимает и не любит их. С ним за столом даже хорошей космонавтской песни не споешь хором».

Теперь-то, когда я все знаю про пение, уж теперь-то я покажу этим — и Маслову, и Ботову (он у нас лучший певец!), как надо петь! Да я один при моей силе голоса за весь хор мальчишек свою, могу под аккомпанемент, могу а капелла. (А капелла — это пение без музыкального сопровождения.)

Перед пением я скажу небольшую речь о том, что человек должен быть цельной личностью и обладать всей полнотой душевных качеств, чтобы выполнять свое общественное и духовное предназначение, подобно тому, как тело его должно обладать всеми органами для того, чтобы хорошо осуществлять жизненные функции. Однако, к сожалению, наши заботы о теле остаются значительно более сильными и важными, нежели заботы о душе. Жалуют, например, человека, у которого одна нога короче другой, но не жалуют того, что короток умом и лишен идеала, хотя второй недостаток значительно серьезнее и опаснее и для того, у кого он есть, и для других людей, из-за него страдающих...

И тем, кто страдал из-за меня до сегодняшнего дня, скажу: извините! И еще я скажу, нет, вернее, намекну, что: «Слушайте слова мои, народы, человек планеты властелин, он полное собрание изобретений всей природы,

или сокращенно ПСИП-ОДИН!» И здесь я разовью эту мысль в том смысле, что в будущем каждый человек будет не только петь своим человеческим голосом, но и голосом любой, самой диковинной певчей птицы.

Когда в класс вошла учительница пения и увидела меня, лицо ее пошло искажаться, как говорят на телевидении, по строкам и по кадрам...

— Иванов,— сказала она, обращаясь ко мне,— что тебе здесь надо?

— Я, Агриппина Михайловна, буду петь.

Агриппина Михайловна с невероятным недоверием покачала головой и, подойдя к роялю, сказала:

— Друзья, вы все, конечно, помните миф об Орфее? Когда Орфей играл на кифаре и пел, дикие звери переставали враждовать между собой и затихали. Даже море затихало, а деревья и скалы двигались со своих мест и приближались к певцу. Там, где бессилён был меч, песня Орфея делала чудеса.

В трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» Брут, желая подчеркнуть человеческую неполноценность Цезаря, восклицает:

Он горд и скрытен,
Музыки не любит.

Шекспиру принадлежат и такие слова:

Кто музыки не носит сам в себе,
Кто холоден к гармонии прелестной,
Тот может быть предателем, лгуном,
Такого человека — стерегись!

Впрочем, стоит ли призывать на помощь Шекспира, чтобы еще раз доказать огромную роль музыки в формировании человеческой личности. Это и так всем ясно. А теперь кто мне скажет, из каких компонентов состоит музыкальное произведение?

В классе наступила долгая и тягостная пауза. Пришлось взять, как всегда, слово первым мне.

— Разминка капитанов,— сказал я, откашлявшись, и продолжал:— Любое художественное произведение, в том числе и музыкальное, состоит из двух компонентов: информационного, к которому относятся слова, мелодия, изображение, и ритмического — наиболее ярко выраженного в музыке и танце, но, по-видимому, присутствующего также в живописи, архитектуре, графике. Именно ритмический компонент, «внутренний ритм» произведения

создают фон для восприятия всей заложенной в нем информации, усиливают своеобразный эмоциональный настрой. А теперь,— сказал я,— разрешите мне перейти с обычного языка на музыкальный и спеть вам свою песню под названием «Сердце-52». Музыка и слова мои. Расшифровываю: «Сердце-52» — это песня о сердце, у которого в любой ситуации количество сокращений не превышает пятидесяти двух в одну минуту. Это о сердце, а теперь о музыке: могучей силой воздействия обладает музыкальный язык, понятный людям всех народов. Но если словесной речью человек овладевает чуть ли не с колыбели, то, к сожалению, не так обстоит дело с «речью» музыкальной. А ведь чем раньше развивается понимание музыки и любовь к ней, тем восприимчивее человек к музыкальному искусству на протяжении всей своей жизни.

— Ты, Иванов, пой,— сказал Ботов,— ты пой! А то все говоришь...

Я, конечно, сознательно не торопился петь, потому что все, и особенно Ботов, с музыкальным и певческим уклоном, и Маслов торопились поскорее услышать мое пение.

— Иванов споет,— сказал кто-то из хора.

— Не споет,— не согласился кто-то в хоре.

Шум нарастал. Агриппина Михайловна все это время держалась за сердце и смотрела на меня с испугом.

— И чтоб не было вопросов, как это Иванов запел и с чего это, объясняю почему: съел много салата. Объясняю, что это значит: норвежский ученый Олаф Линдстрем изучает влияние овощей на человеческую психику. Если верить профессору, салат развивает музыкальность, лук-порей — логическое мышление, морковь и шпинат внушают меланхолию, картофель действует успокаивающе. Так что выбор овощей к столу — дело не простое. А теперь специально для Бориса Кутырева, он у нас веселый человек, так вот... Группа ученых работала на побережье Шри Ланки, где еще в XIX веке был замечен такой феномен: в светлые вечера из воды доносились тихие звуки. Они как бы блуждали из конца в конец лагуны. Прибывшая на побережье экспедиция привезла фотоаппараты с телеобъективами и мощными вспышками, магнитофоны, эхолоты и другую электронную аппаратуру. Она-то и помогла выяснить наконец природу таинственных мелодий. Певцами оказались тропические мелко-

водные моллюски. Звуки эти имеют, как выяснилось, весьма прозаическую причину — они как бы помогают моллюскам переваривать только что проглоченную пищу. Шутка, — сказал я и добавил: — Но в каждой шутке есть доля правды.

— Если Иванов сейчас действительно споет песню на свои слова и музыку, — я умру от удивления, — сказала Нина Темкина.

— Тогда, чтобы продлить жизнь Темкиной, скажу еще два слова о дыхании во время пения. «На умении набрать достаточно воздуха и умении его правильно и экономно использовать зиждется все искусство пения» — это сказал Карузо. А голос, как известно, рождается в результате взаимодействия колеблющихся голосовых связок с воздушной дыхательной струей, проходящей через их сомкнутые края. Если нет этого воздушного потока, то голос не образуется, несмотря на то, что колебания голосовых связок, как это утверждает теория Юссона, в принципе могут осуществляться и без тока воздуха. Таким образом, дыхательный аппарат певца — легкие с многочисленными мышцами — совершенно справедливо сравнивается по своей роли с мехами музыкальных инструментов, то есть является энергетической системой голоса...

— Иванов, рождай поток воздуха! — раздался голос из хора.

После этого я оборвал лекцию и набрал в свои сверхлегкие воздух, тронул пальцами струны гитары, мысленным взором увидел все аккорды аккомпанемента песни и расположение пальцев на грифе, а также текст песни о сердце, согласно теории стихосложения, овладевшей со вчерашнего вечера моим прозаическим воображением. Но... что такое! В чем дело? Вместо стихотворных слов я увидел тот же прозаический абзац со словами: сердце — это конусообразной формы полый орган. Задневерхняя, расширенная часть сердца называется основанием сердца, базис кордис. Передвижная, суженная часть называется верхушкой сердца, апекс кордис. Сердце располагается сзади грудины, с наклоном в левую сторону. Но петь песню на эти слова было нельзя, хотя я знал, что звуком называется воспринимаемое нашим слухом ощущение от колебания воздуха. Материалом для музыки служат только музыкальные звуки, то есть такие, которые имеют определенную высоту, силу, тембр и извлека-

ются человеческим голосом или различными музыкальными инструментами. Я не мог произнести ни звука. В музыкальной комнате стояла нехорошая тишина. «Была не была,— подумал я про себя,— запоем». И запел во всю силу моего многодецибельного голоса.

Запел на слова, что сердце — это конусообразной формы полый орган и что задневерхняя часть сердца называется основанием... Хотя ни голос, ни пальцы меня не слушались, я продолжал петь изо всех сил. Прозаические слова путались в моем мозгу, не подчиняясь мне и никак не желая становиться стихами. И хотя стрелка индикатора моего сознания ходила ходуном, но внешне я был спокоен. Пульс (я успел наложить пальцы на запястье), пульс, как всегда, глубокого наполнения, пятьдесят два удара в минуту.

О чем я хотел написать песню? О сердце! О сердце, которое бьется... Сердце бьется, как... что?.. Как метроном! А метроном — это такой прибор для отбивания ритмических частиц времени. Сердце бьется, как... как часы. А часы — это прибор для измерения точности времени... А «бьется» — это глагол, а метроном — это прибор, а часы — это часы... И что все вокруг шумят и не понимают моего спокойствия...

«Где вы, братья по разуму?.. Они бы меня сейчас поняли, не то что эти братья по пению», — думалось мне.

Более полувека назад физики обнаружили интереснейшее явление природы. Оказалось, что из космоса наша планета постоянно «обстреливается» потоком атомных ядер высокой энергии. Она так велика, что ядра атомов не только пронизывают все живое, но способны пробить довольно толстый слой свинца, проникнуть на сотни метров в глубь Земли.

Интерес к посланцам космоса был отнюдь не праздный: даже одна столь энергичная частица способна вывести из строя пятнадцать тысяч клеток человеческого организма. По сравнению с общим количеством клеток — порядка тысячи миллиардов — это не так много, но, может, эти частицы вывели из строя мои музыкальные клетки? Да нет, все это ерунда, у других же они ничего не вывели! Да и Павлов Иван Петрович был прав, когда писал, что «самые сильные раздражители — это идущие от людей. Вся наша жизнь состоит из труднейших отношений с другими, и это особенно болезненно может чув-

ствоваться». Вот люди надолго останутся наедине с космосом... и с самими собой. Теснота, необычайная обстановка, изоляция. Как тут избежать отношений, которые могут «особенно болезненно чувствоваться»? Тут не в космосе, и то вон что творится. Полное непонимание.

В музыкальной комнате мои одноклассники все были в панике, в стрессе, но я-то был спокоен, хотя мне не подчинялись ни голос, ни пальцы, ни стихи, ни...

То, что они принимали, как всегда, за мое нахальство, за желание сорвать урок, за... даже не знаю что, на самом деле было совсем не это. Просто одна из моих систем существования (из запущенных систем — по Чарлзу Дарвину) попала в аварийную ситуацию, и все, что я делал (форсировал голос, перестраивал на грифе гитары непослушные пальцы, пытался переложить прозаические слова о сердце в рифмованные строки), все это было попыткой выправить положение.

Возникла какая-то сверхпарадоксальная ситуация: я знал и не мог, я не мог, но я знал!

Это все равно что шофер, сев за руль автомобиля, включил зажигание и нажал на стартер, а у него, вместо того чтобы завестись мотору, заиграл бы радиоприемник. Мои знания особенностей научного творчества пришли в невероятное противоречие с особенностями художественного творчества; и то и другое я знал назубок, но если я знал, как извлекается корень, то я его мог извлечь, а если я знал, как писать стихи ямбом, это еще не означало, что я это могу сделать...

Я пел, испытывая такое ощущение, как будто подлетаю к неведомой планете для выполнения сверхтрудной сверхзадачи, у меня отказали все приборы, и сейчас я совершаю самую сверхжесткую сверхпосадку, правда, в которой пострадает всего лишь одна система, и то не пострадает, а как бы... не работает так, как надо!..

Нет, не все системы моего сверхорганизма отказали... Но этот нерасшифрованный язык искусства... Эти иероглифы пения и стихотворства... И неужели не удастся их расшифровать? И неужели отец прав, и у меня никогда не было музыкального слуха и голоса, не было и не будет?.. Неужели прав и Чарлз Дарвин, и я опоздал с оживлением клеток мозга, занимающихся искусством?

Как правило, у людей, лишенных слуха, он никогда не появляется. Есть правила, но ведь есть и исключения из них. Попробуем быть исключением!.. Конечно,

быть исключением очень трудно, а когда мне было легко?

Я все бы еще продолжал петь, если бы меня, вот так аварийно поющего и аварийно сочиняющего стихи, не выдворили всем хором, в полном смысле этого слова, из класса. Первый раз в жизни я выдворился из класса в спокойном недоумении и в недоуменном спокойствии, больше всего занятый не тем, что меня выдворяют из класса, а тем, что творится в моей всепонимающей и ничего не понимающей голове. «Информация принята, но не расшифрована и поэтому не обработана...» — подумал я, слушая за спиной возмущенный ропот класса. Еще я подумал, что они, умеющие петь и играть на рояле, сильнее меня, пока, конечно, временно, только временно, временно!..

ВОСПОМИНАНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

На медосмотр, как на пожар

Какая-нибудь чувствительная личность могла сказать, что это был несчастливый день. Но у нас, у сверхкосмонавтов, не принято считать дни счастливыми и несчастливыми. Просто пришлось больше попотеть, и все. Истратить больше калорий. Не может быть, что я не одолею это пение! Я негнушимися пальцами построил аккорды и запел. В прихожей зазвенел звонок.

Я открыл входную дверь и увидел на лестничной площадке мой класс почти что в полном составе. Впереди всех стояли Кутырев с Масловым. Я рванул дверь на себя, но кто-то из ребят зацепил дверь ногой, остальные схватились за нее руками. Мальчишки и девчонки гурьбой ввалились в столовую.

— И все в грязных ботинках?! — закричала в ужасе мама.

— Ребята, снимай ботинки! — сказал Маслов.

— Что здесь происходит? — удивился отец.

— Мало того, что... Сейчас же все уходите, — сказала мама.

— Мы к вам по поводу вашего Юрия, — сказал Маслов.

— Никаких поводов! Уходите сейчас же! Юра пишет стихи и сочиняет музыку, — отрезала мама.

— Вы извините, но сочинять стихи без таланта и писать музыку, не имея музыкального слуха,— занятие бесполезное,— сказал Андрей Кубышев.

— Нет, это вы извините,— налетела на Андрея Кубышева моя мама.— Наш Юрий не имеет музыкального слуха, вероятно, только потому, что он не хотел его иметь, и был неталантлив как поэт и тоже, вероятно, не находил нужды быть таковым!

Вот это ответ! Вполне согласен со словами моей мамы. И я тут же мысленно издал приказ самому себе: «Иванову Ю. Е. в самый кратчайший срок стать талантливым, и все! И точка! И никаких вариантов!..»

— А вы знаете, что он только что сорвал урок пения?— спросил мою маму Виктор Маслов.— Сорвал со своим так называемым музыкальным слухом и поэтическим талантом. Сорвал урок музыки и довел до сердечного приступа нашу любимую учительницу!..

И после этих слов весь класс хором в один голос произнес на весь дом:

— Мы пришли заявить вам официально, что все! Что хватит! Что довольно! Что наше терпение лопнуло!

— Раньше вы нападали на моего сына всем классом в школе, а теперь в его доме! Уходите!— сказала мама.

— Не уходите! Надевайте ботинки и не уходите!— крикнул отец.

— Ах, так?! Тогда или я, или... эти... как их!..— сказала мама.

— Или?! Сегодня будет или! Проходите в мою комнату! Все проходите!— сказал отец.— Ты собралась уходить?.. Сегодня твоя помощь в кавычках,— подчеркнул отец голосом слова «помощь в кавычках»,— может только помешать твоему сыну.

Отец с матерью спорили еще некоторое время, пока мамин голос не произнес решительно:

— Ваше счастье, что я ухожу!

После этого входная дверь оглушительно хлопнула.

Я слышал, как все ребята, стуча ботинками, всем классом ввалились в комнату отца, забрав с собой музейные стулья из столовой, на которых никто не сидел. Стулья были в чехлах.

— Снять чехлы!— скомандовал отец.

— А ты, Иванов, тоже заходи,— сказал Маслов,— у нас от тебя секретов нет, это у тебя есть от нас секреты!

Он постучал в дверь моей комнаты и подождал.

Я сидел за пианино и смотрел левым глазом на белые и черные клавиши. Пианино прекрасно звучало и без музыки: субконтроктава, контроктава, большая октава, малая октава, первая октава, вторая октава, третья октава, четвертая октава, пятая октава. Правым глазом я смотрел на гриф гитары, повторяя про себя инструкцию: «Чтобы настроить инструмент, нужно взять камертон, который издает звук «ля» первой октавы. Этому звуку соответствует звук первой (самой тонкой) струны гитары, прижатой на седьмом ладу; тогда открытая (неприжатая) она даст звук «ре». Вторая струна, прижатая на третьем ладу, должна звучать, как первая открытая...» Я хотел ударить по клавишам, но отец из своей комнаты крикнул голосом гипнотизера:

— Выходи!

— Конечно, выйду, только подождите три минуты,— сказал я, открывая дверь.

— Почему три минуты?— спросил Маслов.

Мне не хотелось при одноклассниках заниматься не подчиняющейся мне музыкой.

— Потому что я сейчас должен натирать три минуты полы,— ответил я.

Так как и дома и в классе знали, что спорить со мной бесполезно, то никто, даже отец, не возразил мне ни слова. А я вернулся в свою комнату, надел на ноги две щетки, включил магнитофон с пленкой и заскользил по полу. Повторяя за певцом слова песни, я выделял всякие танцевальные движения под видом натирания пола. Сгрудившиеся у двери ребята смотрели на меня и бросали всякие реплики.

— А Иванов не натирает, а, по-моему, танцует.

— И поет...

— Сорвал урок пения и поет!

— Голованова и Гранина, запишите это тоже в симптомы: вдруг запел и затанцевал.

Три минуты прошло. Усилив немного эмоциональную сторону своей природы с помощью танца, я снял с ног щетки, выключил магнитофон и в сопровождении ребят из нашего класса прошел в папину комнату.

Мне было очень неприятно, что сначала никто не решался начать разговор. Трусые ничтожные. Ченеземпыры! Сидят на стульях хором! Мнутся! Ну, кто самый смелый? Начинай! Я думал, что первым по злобе начнет, ко-

нечно, Маслов! Но первой говорить неожиданно для меня начала Голованова.

— Евгений Александрович,— сказала она,— я скажу сразу вам без всяких предисловий и дипломатии. Может, это не совсем дипломатично и даже жестоко, и даже безжалостно... Вы ведь отец Иванова... Раньше мы думали, что у Юрия просто сложный характер. Потом мы думали, что ваш сын Юрий... В общем, у нас было несколько версий... Целый месяц думали, обсуждали... У нас вот и протокол есть... Слушали... «О Юрии Иванове»... Постановили... последнюю версию считать правдоподобной. Единогласно!.. То есть почти единогласно... Двое воздержались... А один человек против... Ваня Зайцев против... Зайцев против последней версии и против предпоследней версии. Зайцев, встань!

Зайцев встал и сказал:

— Последняя версия — это вообще бред, а предпоследняя — это бред сумасшедшего. Предпоследняя — это с больной головы на здоровую.

— Да мы и сами,— сказала Вера Гранина,— от предпоследней версии отказались. Я вам просто хочу рассказать, как мы дошли до предпоследней. Говорить неудобно, но я скажу. Мы сидели и думали про диагноз... Вы нас, конечно, извините за диагноз... У нас я и Люда, мы с медицинским уклоном, мы говорим, в общем... Люда, говори, что ты говорила...

— Я скажу вам прямо, как будущий врач,— сказала Люда Голованова.— Я давно наблюдала за вашим сыном с научной точки зрения. Я даже «Историю болезни Ю. Иванова» завела для практики, конечно... Вот симптомы...

— Так,— сказал отец,— и какой же диагноз?

А Люда продолжала:

— ...записаны. Вот раздражение эндогенного и реактивного характера, плюс неожиданные разрешения эффектов, плюс бормотание и выкрикивание отдельных несуществующих ни на каком языке слов, вроде: «пураближ», «ченеземпр», «чедоземпр» и так далее и тому подобное, в итоге получился... чок...

— Какой чок?— переспросил отец.

— Ну, что он чокнутый... извините, конечно... а понаучному... псих...

— С приветом, в общем!— сказал кто-то из ребят за моей спиной.

— А вы в детстве не болели нервными болезнями? — спросила Вера моего отца.

— Нет, — сказал отец, печально глядя на меня.

— А ваш Юрий не болел?

— При мне не болел, — сказал отец, — но я часто и долго уезжал в командировки... Я фининспектор... Может, он без меня болел?

— Иванов, — спросила меня Люда Голованова, — ты в детстве не болел детскими болезнями?

— Я никогда ничем не болел, — сказал я.

— Это тоже симптом, — сказала Голованова. — Они всегда говорят, что они вполне здоровы...

— Кто они? — спросил отец Голованову.

— Ну они... — ответила Голованова.

— А я с этим диагнозом был тогда не согласен! — сказал вдруг Зайцев. — И сейчас тоже. По-моему, Иванов никакой не псих, а обыкновенный, рядовой гений... Он мне хоть и враг, я все равно так про него скажу: он со мной три раза дрался...

— Четыре, — поправил я Зайцева.

— Четыре, — согласился Зайцев. — Три раза из-за того, что я прикоснулся к его портфелю, и один раз — из-за книги — я хотел посмотреть картинки в книге «Кукла госпожи Барк»... И все-таки мне кажется, что Иванов — это самобытная и даже выдающаяся железная личность, просто незаурядный тип...

— Именно тип! — крикнула Гранина.

«А этот Зайцев в людях разбирается!.. — подумал я. — Не то что другие».

— Да он же противный! — сказала Филимонова.

— Ну и что? — ответил Зайцев. — Бывают приятные незаурядные личности, а Иванов — неприятный.

— Ты говори по существу его поступков, — сказал Маслов.

— Я по существу скажу... Атомы железа-57, как известно, существуют в двух видах. Есть возбужденные, радиоактивные атомы, испускающие гамма-лучи, и есть обычные атомы железа, невозбужденные. Так вот, Иванов, по-моему, возбужденный и активный человек.

— Это ты точно сказал, — согласился Маслов. — Только ивановская возбужденность и активность слишком дорого всем обходится.

— Потому что у Юрия Иванова в голове произошел информационный взрыв. К сожалению, этот взрыв ока-

зался неуправляемым. Поэтому оказалось столько раненных этим взрывом,— сказал Зайцев.

Все зашумели. Даже кто именно и что именно говорил, нельзя было разобрать. Слышалось только: «У него в голове произошел информационный взрыв. И из него это осколки вылетают...», «Взрыв!.. А ты слышал этот взрыв?...», «Слышал!.. А в нас вот уже третью неделю осколки информации летят...», «А это что — все раненные?! Раненные — здоровые!»

— Пострадавшие от информационного взрыва в голове Иванова, высказывайтесь!

— Он мне сказал: «Ты когда на меня смотришь, у тебя глаза какие-то большие становятся. Ты щитовидку, говорит, проверь».

— Он жестокий к людям... У него любимая поговорка: «Всех бы вас к пираньям во время отлива!»

— И ругается на каком-то непонятном языке.

— Высокомерный...

— Просто зазнайка,— сказала Лена Марченко.— Возбуждает, что он один все знает, а другие ничего не знают. Строит из себя сверхчеловека...

— Глупости все это,— сказала Голованова, обращаясь к моему отцу.— Последний диагноз наш такой: Юрий Иванов — не Юрий Иванов, одним словом, ваш сын — не ваш сын.

— А кто же он? — спросил отец.

— Он инопланетянин... Вашего сына они похитили, а вместо него подослали двойника вашего сына! Может быть, у этих наших братьев по разуму, с одной стороны, так высоко развита техника, что они могут создавать двойника человека, а с другой стороны, эти братья, может, не такие уж братья и уж не по такому разуму, если судить по Юрию Иванову, то есть, я имею в виду не его разум, а его поведение, а может, у них на планете все себя так ведут!.. Поэтому мы,— сказала Голованова,— предлагаем устроить завтра же Юрию медицинскую экспертизу!.. Если вы, конечно, не возражаете... У Веры папа профессор-психолог, он с космонавтами занимается... Мы уже с ним договорились, сделаем ему все анализы — крови, ну и всякие другие, которые нам все разъяснят!

— Я не возражаю против экспертизы,— сказал отец,— но он, мой сын, уже одного гипнотизера усыпил, поэтому я боюсь, как бы он с врачом космонавтов что-нибудь не сотворил.

— А ты, Иванов, не против экспертизы?

— Хоть две!— сказал я громко и даже обрадованно. Лучшего подарка, чем экспертиза, мне никто не мог придумать. Тем более, что мне уже было пора и самому пройти психологический практикум у хорошего профессора. Кстати, под хорошим предлогом пройти тренировочку. А я-то думал, как мне попасть к профессору, который с космонавтами занимается, а тут он мне сам, можно сказать, в руки лезет.

— Значит, завтра,— сказала Голованова.— Тут у меня записано.

— Только имейте в виду, что у меня завтра от пятнадцати ноль-ноль до шестнадцати ноль-ноль будет... В общем, я буду занят.

После этой фразы отец, ребята и все девчонки как-то по-особенному переглянулись, пошептались между собой, пошептались потом с моим отцом. А Голованова сказала:

— Хорошо, Иванов, хорошо. У профессора как раз прием кончается в четыре, так что ты, Иванов, после четырех — прямо к врачу.

— Только ты, Иванов, дай... Юрий!— сказал отец низким голосом,— только ты дай в присутствии всех ребят честное слово, что ты придешь!

— Честное слово,— сказал я.

— Запиши адрес поликлиники,— сказала Голованова.— Улица...

Но адрес поликлиники узнать в эту минуту мне не удалось. Голос Головановой покрыл оглушительный взрыв и звон разбитого стекла, раздавшийся где-то в районе кухни. Все вздрогнули, как по команде... кроме меня, конечно. Через секунду там же раздался второй взрыв. И все вздрогнули еще раз. Я продолжал сидеть совершенно спокойно, только сердце у меня чуть-чуть заныло от нехорошего предчувствия. Вскочив со стула, отец поспешно выскочил из комнаты. Ребята все как сумасшедшие опрометью бросились вслед за отцом. Самым последним поднялся я и неторопливо проследовал на кухню.

Наша белоснежная, как операционная палата, кухня представляла собой страшное зрелище. Потолок, стены и все шкафы были заляпаны красными пятнами. А возле больших, стоящих на газовой плите бутылей в луже на полу плавали раздавленные ягоды черной смородины

и осколки стекла. Посредине кухни валялось горлышко бутылки, закупоренное притертой пробкой.

— Что, что здесь произошло? — закричал отец, хватаясь за голову.

— Мама готовила витамины на зиму, — сказал я. — И если бы кто-то не поставил бутылки к газовой горелке, ничего бы не случилось. А теплота дала брожение... — добавил я.

— А почему, почему, — снова закричал отец, — все эти взрывы, подрывы происходят в моем доме?

Я промолчал. Мое дело было объяснить причину события, а не мотивы поступков, породивших явление, хотя взрывы и должны были тренировать мою нервную систему на невздрагиваемость при внезапно возникающих взрывах.

— В моем доме делают взрывы, неизвестно кто ставит бутылки к газовой горелке! — Отец опустил на табуретку и замычал, как от зубной боли.

— Ну, — сказала Голованова в коридоре ребятам, — теперь вам понятно, до чего доводят человека всякие эти сикимбрасы и чебуреки?

В коридоре раздался громкий ропот.

— Ребята! — отец вскочил с табуретки. — Дорогие ребята! А нельзя ли вам устроить этому моему сыну экспертизу сегодня же! Сейчас же! Сию же минуту!

— Я сейчас позвоню папе в поликлинику! — отозвалась Вера Гранина, и они вместе с отцом вышли из кухни в столовую.

Девчонки стали потихоньку прибираться в кухне. Кто-то из ребят попробовал ягоды и сказал: «А вкусно!» Кто-то сказал: «Стали бы делать, если бы невкусно!» Но на все это я не обращал никакого внимания. Я стоял и смотрел опасности в лицо, опасности, которая грозила мне, если мне может вообще грозить какая-нибудь опасность. «А хорошо, — подумал я, — если бы профессор признал во мне что-нибудь такое... А потом бы мой портрет в газете «Известия» — бац! «В связи с благополучным приземлением и в связи с благополучным установлением контактов...» Мы, конечно, с моей командой после рейса на Юпитер отдыхаем в том самом отдельном домике, в котором отдыхает сверхкосмонавт после возвращения. Моих космонавтов обследуют всякие академики и члены-корреспонденты Академии медицинских наук, всех, кро-

ме меня, конечно, я, как всегда и везде, абсолютно здоров.

Лежу в кресле, думаю. Вдруг отец Веры Граниной входит в комнату. Смущенно улыбается и говорит:

«Вы меня, товарищ Иванов, не узнаете?»

«Не узнаю», — говорю.

А не узнаю я, конечно, не по-настоящему, а понарошку.

«Ну как же, помните, вы, когда были вот такой... приходили ко мне обследоваться. А я вас еще в нормальные определил. Ха-ха-ха! А вы, оказывается... оказывается, сверхнормальный!»

Я, конечно, тоже рассмеюсь.

«Ха-ха-ха! Да, профессор, не разобрались вы тогда во мне. Ха-ха-ха! Ну, не вы один! Ха-ха-ха!»

«Это точно! Моя дочь-то тоже вас нормальным человеком считала. Ха-ха-ха!»

«Точно! Считала! Ха-ха-ха! А где, она, кстати! Ха-ха-ха!»

«Стоит в коридоре. Войти стесняется. Ха-ха-ха!»

«Стесняется, говорите? Ха-ха-ха! Ладно уж, пусть войдет! Так и быть!.. Ха-ха-ха!.. Пусть войдет!»

— Войди сейчас же в столовую! — раздался голос моего отца.

Я вошел в столовую.

— Одевайся и на медосмотр! Как на пожар!

Все стали собираться, стали натягивать на себя плащи, куртки, нахлобучивать на головы кепки и береты, когда на середину столовой вышла какая-то девчонка из нашего класса и громко сказала:

— Не надо его на медосмотр!

— Почему не надо? — спросил отец.

— Что это еще за «не надо»? Почему это еще «не надо»? — раздались голоса.

— Не надо никакого доктора, — снова упрямо повторила какая-то девчонка из нашего класса, а мне из-за спины ребят не видно, кто говорит.

— Кто это такая? — спросил я рядом стоящего со мной Маслова.

— Кто это такая? — удивился Маслов. — Тополева Таня из нашего класса. — И добавил: — Нет, тебя все-таки надо на медосмотр. Это же самая красивая Таня на свете...

— Вот дневник Юрия Иванова, — сказала Таня, под-

няв в руки мои зашифрованные воспоминания.— Я, конечно, понимаю, что читать чужие дневники, тем более зашифрованные, читать в одиночку, а тем более коллективно не принято, но раз вопрос зашел об инопланетянстве, тем более о докторе космонавтов, который должен поставить диагноз Юрию Иванову, то пусть уж этот диагноз поставит этот дневник. Он нам все расскажет об Иванове и поставит ему диагноз лучше всякого доктора. Сначала он расскажет нам, что Иванов — это вовсе не Иванов на самом деле, а Баранкин. Ваша фамилия ведь Баранкин? — обратилась она к моему отцу.

— Да, — подтвердил отец, — моя фамилия Баранкин. Но моему сыну не нравилась эта фамилия, и он решил учиться под фамилией своей мамы... Знаете, есть такая книга «Баранкин, будь человеком!». Так вот, когда мой сын под этой фамилией учился в школе, к нему в той школе все приставали с одним и тем же вопросом: «Баранкин, будь человеком, расскажи, как ты превращался в воробья, или бабочку, или муравья». Поэтому Юра попросил перевести его в другую школу и взял мамину фамилию.

— Теперь нам понятно, почему он перед тем как укатить нас в парке на аттракционах, говорил про муравьев. Помните? «Объем тела самого крупного муравья измеряется кубическими миллиметрами, а объем муравьиной кучи вместе с ее подземной частью в сотни тысяч раз превосходит размеры «строителя»...»

— А мне про воробьев объяснял; разве, говорит, это справедливо: воробьи зимой и летом босиком ходят, а человек... — сказал Сергей Медов.

— А мне про бабочек рассказывал. «Ты, говорит, Маслов, с Ольгой Фоминой дружишь?» Я говорю: «Дружу». — «А за сколько километров ты можешь ее присутствие обнаружить?» Я говорю: «Когда вижу, тогда и обнаруживаю». А он говорит, что вот бабочки друг друга за сорок километров могут обнаружить.

В эту минуту, когда расшифровалась моя настоящая фамилия, меня занимало не то, что она расшифровалась, а то, каким же это самым непостижимым образом мои воспоминания попали в руки ученицы нашего класса, ученицы, на которую я совсем не обращал внимания. Пока все шумели, обсуждая мое однофамилие с Баранкиным, я уставился на Таню Тополеву и впервые увидел ее объемное, как бы сказать, голографическое изображе-

ние. Таня Тополева действительно была так красива, что напомнила мне высказывание Дидро, что «красота — это то, что пробуждает в уме идею соотношения». И еще математическая мысль о красоте: в изгибах прекрасных линий всегда можно уловить математическую закономерность. Вот она откуда, утечка моей самой сверхсекретной информации, — от той самой красоты, что пробуждает в уме идею соотношения, от тех изгибов прекрасных линий лица Тани Тополевой, в которых всегда можно уловить математическую закономерность! Поэтому я и не заметил эту идею соотношения и не уловил математическую закономерность, а зря! Зря не заметил!.. Если бы вовремя заметил, глядишь — и не было бы утечки информации. Но как и почему рукописи, которые я отдал на хранение Степаниде Васильевне, оказались у Татьяны Тополевой?! С одной стороны, утечка информации, с другой стороны, приток стихотворений. И приток, и утечка! За приток я должен благодарить Тополеву, а за утечку я ее должен презирать. Что же мне делать с Тополевой? Презирать ее или благодарить? Сначала надо все-таки расшифровать, как она расшифровала зашифрованное? Я мог бы узнать и сейчас, но по железному расписанию у меня через пятнадцать минут было участие в гонках на автомобильных картах, и я не мог их отменить, но я не мог отменить и расследование, каким образом рукопись из рук сторожихи тети Паши попала к Тане Тополевой. Это можно было сделать, только задержав всех у нас дома часа на три, но как можно было задержать всех, в том числе и Таню Тополеву у нас дома? А очень просто и единственным образом.

— Я, к сожалению, сейчас должен уйти, — сказал я. — У меня теперь от всех вас секретов нет, слушайте меня сейчас, потом поймете — это формула больше недействительна! Слушайте сейчас — поймете сейчас! — вот сегодняшняя формула взаимного понимания! Читайте сейчас — поймете сейчас! И как сказала гражданка Тополева в своих неплохих стихах: «Идешь на бой, лицо открой, — вот смелости начало!»

Я вышел из комнаты, ощущая в себе чувство спортивной агрессии, способности к максимальному напряжению своих психических и физических возможностей для достижения высоких и наивысших (рекордных) результатов.

Спустя часа два, когда я взлетел по лестнице на свой

этаж, я уже на лестничной площадке услышал точно такой же знакомый шум, который некоторое время тому назад я оставил в музыкальном классе нашей школы. Одним словом, стресс продолжается. Стресс — под ним долгое время подразумевали отрицательную реакцию организма на раздражитель (угнетенное состояние, нервный срыв и т. д.), пока автор термина — американский ученый Г. Селье не разъяснил специально, что стресс может быть как плохим (дистресс), так и хорошим (эвстресс) — радость, вдохновение...

Среди присутствующих были почти все под дистрессом, и только на лице Тани Тополевой был написан ярко выраженный эвстресс. «Она-то чему радуется?» — подумал я про себя.

Честно говоря, разглядывая из прихожей через стекла двери столовой лица одноклассников, я продолжал делать сразу два дела: с одной стороны, слушал, что говорят обо мне мои одноклассники, с другой стороны, я продолжал удивляться, как это я, умея произвести в уме, подобно хорошему математику, извлечение корня девятонадцатой степени из числа со ста тридцатью тремя цифрами, не могу написать стихотворение о своем сердце!

— И ругается он словами на каком-то непонятном языке.

— Например? — спросила Таня Тополева.

— Например... — Лена Марченко замялась. — Я не знаю, удобно ли это произнести вслух? Например, сепактакроу! — сказала она, заливаясь смехом.

— Сепактакроу — это в переводе с малайского «игра ногой в мяч», — сказала Таня Тополева.

— Он — человеконенавистник! — закричал Лев Киркинский. — У него любимая поговорка: «Всех бы вас к пираньям во время отлива!»

— Чудаки вы все, — сказала Таня Тополева. — Все дело в том, что во время отлива океана река мелеет. В это время пираньи никого не трогают, они как бы спят. Наступает прилив, повышается уровень реки, и в нее уже нельзя входить, гибель неминуема.

— Зато, — крикнул Колесников, — он все время знает, который час!..

Я вошел в комнату, и наступила тишина. Все смотрели на меня, как будто меня действительно подменили инопланетяне. Между прочим, среди моих одноклассни-

ков появились каким-то образом и врач-гипнотизер, и даже дядя Петя.

— Вот спросите, спросите его, — заорал Колесников, — сколько сейчас времени?

— Юра, — спросил меня отец, — который сейчас час?

— Пять часов тридцать минут двадцать три секунды, — ответил я, не задумываясь.

Все, у кого были часы, посмотрели на циферблаты, а доктор-гипнотизер, проверив мои показания, цокнул языком и пожал плечами.

— Самая трудная задача на свете — это быть в одном месте с этим фантастическим Ивановым, который оказался вовсе не Ивановым, а сверхфантастическим Юрием Баранкиным! — сказала Нина Кисина.

— Доверь ему встречу с инопланетянами, он нашу Землю поспорит со всеми галактиками!

— И пусть он скажет, он тот Баранкин или не тот? — крикнула Вера Гранина.

— В конце концов, мы все живем, — сказал Лев Киркинский, — и летим на космическом корабле «Земля», и желательно, чтобы экипаж этого корабля был бы совместим и во взрослом возрасте, и в детском.

— Нет, пусть он скажет, он тот Баранкин или не тот? — не унималась Вера Гранина.

— Кстати, это еще Эйнштейн говорил, — крикнул Маслов, — что любое, самое великое, открытие стоит меньше и дешевле проявления человеческих качеств.

Потом Алла Астахова сказала:

— Академика Велихова спросили, что такое современный человек. И знаете, что он ответил? Что современный человек — это такой человек, который способен чувствовать ответственность за все, что происходит рядом с ним и далеко. А Баранкин — это такой человек, которому наплевать, что происходит далеко, ему важно, что происходит с ним, вокруг него и в нем.

— И пусть он скажет, он тот Баранкин или не тот? — не унималась Вера Гранина.

— Нет, я не тот Баранкин, а этот Баранкин!

— А какой этот? — продолжала допрашивать меня Кисина.

На такой вопрос я не нашел нужным отвечать, но за меня ответила Таня Тополева:

— Я вам могу сказать, какой это Юра Баранкин. По-моему, это самый фантастический из всех реальных

и самый реальный из всех фантастических!— И еще она добавила:— Вы знаете, что это за человек? Вот есть люди, которые испытывают самолеты на всякие перегрузки или даже катастрофы, а он, а он...— сказала Таня два раза,— а он...— сказала она даже в третий раз,— себя, вы понимаете, себя на эти перегрузки и, может быть, на эти катастрофы...

— А ты бы полетела с Баранкиным на выполнение самого трудного задания?— спросила Нина Кисина.

— Нет,— сказала Таня,— я бы не полетела. Я бы не полетела, потому что у Баранкина его фантазия сильнее его самого. Мне кажется, что не он владеет своими фантазиями, а его фантазии владеют им самим.

Я почему-то только при этих словах обратил внимание на то, как во время моего отсутствия изменилась наша столовая. Вся комната была в книгах и журналах. Они кипами лежали на столе, на полу. Они походили на баррикаду, из-за которой велся по моей особе огонь отдельными словами и целыми очередями слов. С обложек книг и журналов на меня смотрели Павлов, Галилей, Горький, Кеплер, Ломоносов, Станиславский и так далее. И те слова, что я принимал за жалкие нравоучительные цитаты, на самом деле были как бы не цитаты, а как бы просто слова тех ученых и мыслителей, от имени которых они произносились. «Жалко, что эти ученые и мыслители представлены всего лишь рисунками или фотографиями,— подумал я,— а то бы они были по эту сторону баррикад, то есть на моей стороне, на стороне сверхкосмонавта».

— И можешь порвать свои воспоминания и свой бортжурнал. И вообще перестань терять время на свою сверхожесточенную сверхподготовку к сверхкосмическим сверхполетам. Я не понимаю,— говорил отец, все повышая и повышая голос,— зачем зря терять время? Зачем готовиться к тому, что никогда не осуществится! Ты никогда не полетишь в космос! Понятно?

Я первый раз в жизни услышал, как кричит мой отец.

— Нет, полечу!— сказал я тоже громко.

— Нет, не полетишь!

— Это почему же я не полечу?— спросил я еще громче.

— Потому что,— отчеканил мой отец,— в космос летают только очень здоровые люди. А ты болен. Ты очень

болен!— Это всё он говорил от себя, не заглядывая в книги.

Если бы я был несерьезный человек, я бы на такие слова просто рассмеялся. Нет, обо мне можно сказать все, но сказать, что я нездоровый человек?!

— Ты тяжело болен!— продолжал отец.— Тяжело! Очень тяжело! Сейчас мы тебе поставим диагноз, от которого тебе не поздоровится.— Он стал рыться в журналах и книгах, нервно повторяя:— Нет, это не то! И это не то!

«Интересно,— подумал я про себя,— кого это отец ищет на помощь? Что за консилиум? И так здесь почти весь класс!..»

— Ага! Вот!— сказал отец, беря со стола и разворачивая какой-то журнал. Потом он надел очки и, поглядывая на меня поверх стекол, прочитал следующее:— «Несколько слов о психологической несовместимости... (Пауза.) В длительную экспедицию исключительно важно подобрать состав участников так, чтобы им было приятно вместе жить и работать. Это исключительно важно... (Пауза.) Достаточно вспомнить эпизод из жизни замечательного полярного исследователя Фритьофа Нансена... (Пауза.) Это был крупнейший ученый, человек большой души... (Пауза.) И исключительного обаяния!.. (Пауза.) Лекция, которую он однажды прочел в Эдинбурге, называлась «То, о чем мы не пишем в книгах». Речь шла о знаменитом дрейфе корабля «Фрам». Нансен рассказывал о штурмане Иогансене. Это был его большой друг. Вместе они достигли 86-го градуса северной широты и должны были возвращаться на материк к Земле Франца-Иосифа. Этот путь у них занял около полутора лет. Ели они одну моржатину и медвежатину. Упадок сил, казалось, был полный. Но ничто не переносили они с таким трудом, как общество друг друга. Если раз в неделю они и обращались друг к другу с каким-то словами, то не иначе, как «господин главный штурман» или «господин начальник экспедиции». Это не была их прихоть или сварливость характера... (Пауза.) Это было проявлением закона психологической не-сов-мес-ти-мос-ти... который воплощал в себе всем своим существом штурман Иогансен!»

И тут, развивая папину мысль, меня стали то поодиночке, то все сразу обстреливать такими цитатами на эту тему, что я вынужден был зажать своими сверхпальцами свои сверхуши.

— Я тоже хочу сказать,— сказала, выглядывая из-за стопки книг, Нина Кисина,— я хочу сказать, что, как сказал Сервантес,— пролепетала Нина, лихорадочно перелистывая какую-то книжку,— тогда, чтобы... м-м-м... для того, чтобы приготовить пирог с яблоками за тридцать минут, надо взбить три яйца, посолить, добавить ванилин, один стакан песку и десять граммов муки... Ой, минуточку, я что-то не оттуда читаю...

— Вот именно, не оттуда,— перебил я ее.— Не десять граммов муки, а один стакан муки, иначе будет не пирог, а...

— А здесь написано, что надо взять десять граммов муки,— сказала Нина.

— Значит, опечатка,— сказал я.— Посмотри в конце, есть опечатка или нет?

— Действительно, опечатка,— сказала Кисина, осмотрев вклейку в конце книги.— А вообще вы правы, Юра, и ты хоть сверхздоровый человек,— продолжала Кисина,— но ты болен болезнью, которая у космонавтов называется... человеко-психологической несовместимостью... Третьей стадии... Тяжелой и, по-видимому, неизлечимой формой...

— У них есть такие болезни, а у сверхкосмонавтов,— сказал я,— нет такой болезни! И не может быть! И вообще, ребята, сейчас уже семь часов пятьдесят две минуты тринадцать секунд. Завтра я поступаю сразу в три института: в театральный, в литературный и в консерваторию. Теорию я уже сдал на собеседовании. Круг, как вы понимаете, должен сомкнуться. Вот так, уважаемые повара, кулинары, диетологи и пекари пирога под названием «Несовместимость Юрия Баранкина!». А теперь насчет того, что вы не хотите идти в мой экипаж, на выполнение моего задания под моим... руководством... Не пойдете вы — пойдут другие!

— Ребята! — скомандовал Маслов.— По домам! Этот всезнающий и всепонимающий человек ничего не понял!

С книгами под мышками и в руках все стали выходить из столовой.

— Я тоже уйду,— сказал отец,— уйду жить к бабушке. Ну хорошо,— бормотал он,— ты не хочешь слушать своих соучеников, ты не хочешь слушать нас, взрослых, ты не хочешь слушать и Горького, и Станиславского, и Павлова...

Отец хлопнул дверью, и я остался один.

Как жаль, что человеческий голос не может (пока не может) произнести одновременно три фразы. К сожалению, природа не запатентовала такой способности еще ни у кого, но если бы она запатентовала это, то я бы, оставшись в долгожданном одиночестве, произнес следующее: «Кис-кис-кис!» Затем бы пропел: «...то, что испокон веков неосновательно называли «колебаниями» голосовых связок, не является в строгом смысле колебаниями: это просто серия сверхкоротких и быстрых сокращений голосовых связок». И продекламировал: «Сердце бьется! Сердце бьется! А как же оно бьется?!» Все это бы произнес одновременно, потому что в одиночестве мои мысли сосредоточились на многих проблемах. На этот раз их было всего три. Хотя, если быть точным, то есть если быть, то только точным, было ощущение и четвертой проблемы: ощущение конфликта с одноклассниками. Правда, это ощущение было ощущением как бы не общим, а личным. «В конце концов, все, что произошло, это даже не конфликт, а просто противоречие, но ведь не каждое противоречие переходит в конфликт», — думал я, расхаживая по квартире в поисках кошки Муськи, чтобы ее накормить.

Заглядывая в поисках нашей кошки Муськи под стол, я увидел на скатерти кусок перфокарты и листок бумаги. На листке было написано: «Юрию Баранкину от Тани Тополевой». Я взял листок в руки и, перевернув, стал читать. «Юра, — было выведено решительным почерком, — я думала, что до этого не дойдет дело. Но до этого дело дошло. До этого — значит, до электронно-вычислительной машины. Во время разговора с нами, вернее, во время постановки диагноза твоего заболевания ты, наверное, решил, что твоя несовместимость касается только твоих одноклассников, но дело обстоит гораздо хуже. Гораздо хуже, чем предполагали мы и чем предполагаешь ты. Перед нашим разговором с тобой я с помощью одного инженера-кибернетика заложила твой психологический портрет в электронно-вычислительную машину. Не мне тебе объяснять, что предмет психологии — это закономерности формирования психических свойств человека: потребностей, интересов, привычек, способностей, темперамента, характера. Это и привело меня к инженеру-кибернетику. Мы заложили в электронно-вычислительную машину твой психологический портрет, и вот что нам ответила машина: ты, Баранкин, несовместим

ни с одним космонавтом на всем земной шаре!» И подпись: «Таня Тополева».

Говоря честно, я еще некоторое время ходил по комнате в поисках Муськи, стараясь не думать о Таниной записке, но мысль моя то и дело возвращалась к словам: «Электронно-вычислительная машина со скоростью миллион операций в секунду (человеческому мозгу эти скорости еще не под силу!) определила твою полную сверхнесовместимость с кем-либо из космонавтов на всем земном шаре». Между мною и этими словами возникло какое-то непреодолимое тяготение. И я, может быть, первый раз в своей сверхкосмонавтской жизни занялся только лишь одним делом: я думал о прогнозе, ЭВМ предсказала мне полное одиночество при выполнении самого трудного задания на земном шаре. Тяготение, тяготение критических масс, тяготение двух критических масс. Их сближение и... как сказал этот Зайцев, этот совсем не академик Зайцев, что в голове Юрия Баранкина произошел информационный взрыв, дезинформационный взрыв, и жизнь остальных мыслей в моей голове оказалась короткой. Короткой, как жизнь кометы, открытой недавно датчанином Ричардом Уэстом. Распад космической страницы фотографировали в течение месяца киевские астрономы. На фотографиях было четко видно, как ядро кометы разделилось на четыре фрагмента — каждый диаметром около километра. Окутанные газовым облаком, образовавшимся при интенсивном испарении льда, части небесного тела постепенно разошлись в разные стороны.

Думая о комете Уэста, я прилег на папин диван просто так, без всякого расписания, товарищи потомки, лег глупо, бессмысленно, совершенно не ощущая беспрестанного тиканья в моем существе биологических часов. На диване высилась кipa журналов и газет, с помощью которых совсем недавно отец собирался дать мне вместе с моими одноклассниками решительный бой. Я взял лежавшую сверху «Литературку» и взглянул на последнюю страницу. Со страницы на меня смотрели смешной рисунок, рассказы, рассказыки, фразы, пародии... Мой взгляд остановился на переводе с датского «Маленькая утренняя радость», и я прочитал его вслух:

Как утром весенним приятно проснуться,
И сладко зевнуть, и слегка потянуться,
Следить за мерцанием солнечных бликов

И слушать часы, не уставшие тикать
За долгую, но уходящую ночь...
Дремоту свою не спеша перевозмочь
И своему безмятежному телу
Отдать приказанье сурово и смело:
«Доброе утро! Пора бы вставать!»
И после в постели остаться лежать.

Я повторил слова стихотворения: «Дремоту свою не спеша перевозмочь и своему безмятежному телу отдать приказанье сурово и смело: «Доброе утро! Пора бы вставать!» И после в постели остаться лежать». И остался лежать в постели, хотя по расписанию я должен был тренироваться.

ВОСПОМИНАНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Пульс, пульс, пульс!

Утром, как это ни странно, я проснулся в своей постели. Дома уже никого не было. Очевидно, отец перенес меня, сонного, на постель. Позавтракав, я тоже не пошел ни на какие тренировки. Сначала я расхаживал бездумно по комнате, декламируя вслух: «Дремоту свою не спеша перевозмочь и своему безмятежному телу отдать приказанье сурово и смело: «Доброе утро! Пора бы вставать!» И после в постели остаться лежать».

И с этими словами на губах я вышел из дому на улицу. Очутившись на улице, я бесцельно постоял на трамвайной остановке и почему-то сел в трамвай и поехал туда, куда поехал трамвай, до самой его конечной остановки, которая называется Михалково. Потом я купался, загорал, ходил в кино, просто гулял и просто ничего не делал.

Кажется, на четвертый или на пятый день я встретил Таню Тополеву. Она подошла ко мне и сказала:

— Я тебе тогда позабыла оставить твои воспоминания,— и протянула мне мою зашифрованную тетрадку.

Я взял свой дневник и сунул его в карман куртки.

— А мне тетя Паша их передала. Она сказала: «Я живу на первом этаже, а тут, видно, очень важные документы... Ты ведь живешь на двенадцатом этаже, у тебя они лучше сохраняются».

После этих слов мы еще стояли молча, потом Таня посмотрела на небо и сказала:

— Птицы улетают...

Потом она помолчала и добавила:

— Оказывается, они в полете ориентируются по Солнцу, звездам и по силовым линиям магнитного поля Земли.— Затем она помолчала и добавила: — А мне кажется, что это не обязательно всем знать, как и по чему ориентируются птицы, улетаая на юг. Кто изучает полеты птиц, тот пусть это и знает...

Я промолчал.

— А ты эти дни не тренировался?

Я промолчал.

— Ну и правильно,— сказала Таня.— Самые великие космонавты и то ведь не все время тренируюсь...

Я промолчал.

Таня тоже замолчала. Так мы стояли молча очень долго. Затем я ее спросил:

— А стихи — это ты сама написала?

— Какие сама,— ответила Таня,— какие у папы взяла. У меня папа поэт. У него есть друг, он артист, ты его, наверное, видел по телевизору. Так вот они с папой хотели какую-то пьесу написать, но она у них не получилась, а стихи остались. Остались и, как видишь, пригодились.

— Как вижу,— согласился я.

Затем Таня кивнула мне головой и пошла по аллее. И я почему-то пошел за ней.

Мы долго бродили с Таней Тополевой по парку культуры и отдыха. Я все не решался, а потом сказал:

— Ты знаешь, я все-таки написал стихотворение про сердце. Хочешь... я прочитаю тебе вслух?

Таня обрадовалась.

И я начал читать:

Человек о сердце много
Написал стихов, баллад.
И в них сердце сквозь тревогу
Смело бьется, как солдат.
Не стучит, а бьется.
Сердце бьется, как солдат.
Огарев дружил и Герцен,
Дружбе не было преград.
Их сердца в едином сердце
Бились вместе, как солдат.
Потому, что сердце
Не стучит оно, а бьется.
Сердце бьется, как солдат.

Если сделал людям плохо,—
Сердца нету, говорят.
С самых первых в жизни вздохов
Сердце бьется, как солдат.
Не стучит, а бьется.
Сердце бьется, как солдат.
Как мотор, не заведется,
Не стучит, как агрегат,
Человека сердце бьется,
Сердце бьется, как солдат.
Не стучит, а бьется.
Сердце бьется, как солдат.
Сердце кровью обольется,
Не уйдет в борьбе назад,
Потому что оно бьется,
Сердце бьется, как солдат.
Не стучит.
Не стучит, а бьется,
Сердце бьется, как солдат.

Когда я кончил читать стихотворение, со мной произошло что-то неладное: во рту у меня стало сухо, я побледнел, а по рукам и по ногам побежали мурашки. Чтобы не упасть, я даже схватился за штaketник забора.

— Что с тобой? — спросила испуганно Таня Тополева.

— Не знаю, — сказал я.

Таня схватила меня за руку, подержала в своей руке и тихо произнесла:

— У тебя учащенный пульс! — Посчитала и сказала: — Сто ударов в минуту. Забился! — сказала она. — Наконец-то! Наконец-то у тебя забился пульс!

Я прислушался к учащенному биению своего сердца, к своим внутренним биологическим часам и сказал:

— Прошло... сколько прошло дней?

— Прошло дней пять, — уточнила Таня Тополева.

— Ой-ой-ой! — сказал я.

— У тебя на лице написано, что потерял много времени? — спросила Таня Тополева.

— Нет, — сказал я. — Сколько я нашел времени, должно быть написано у меня на лице! Даже лицо перестало мне подчиняться.

— Я тебя очень прошу, — сказала Таня, — найди еще дня два-три времени, и...

— И что?

— И начнешь тренироваться! Договорились?

— Договорились! — сказал я, глядя в небо, глядя туда, в том направлении, где когда-то и кем-то будет выполнено самое трудное задание во всей Вселенной!

Глядя на звезды, на дневные звезды, которых как будто бы и не было в небе, но которые на самом деле были...

— Между прочим,— сказал я,— ты написала в своем стихотворении, что...— Я тихо произнес: — «...Видно, парень влюбленный мечтает о глазах голубых на Земле...»

— «Под гитару он их вспоминает,— подхватила тихо Таня,— на далекой звезде, на Збюне...»

— Но такой же звезды нет,— сказал я,— я знаю все звезды в небе. Звезды Збюны там нет.

— Нет,— согласилась Таня,— нет, но будет... потому что это твоя звезда... Ведь она знаешь как расшифровывается?..— И после этого Таня замолчала.

Я не знаю, сколько бы она молчала, если бы я ее не спросил:

— А как же расшифровывается звезда Збюна?

— Звезда... Баранкина... Юрия...— сказала тихо Таня и добавила: — Новая!.. Сверхновая!..— Танины губы продолжали шептать беззвучно слова, но эти слова я уже знал наизусть. Она шептала их тихо, так тихо, как будто бы она, Таня Тополева, была вместе со мной, с Юрием Баранкиным, на той далекой звезде...

И мы видим поля в дымке синей,
Мы скучаем по мягкой траве,
И гитара поет о России
На далекой звезде, на Збюне...

СОДЕРЖАНИЕ

Счастливым круг счастливых людей. М. Коршунов	3
---	---

Книга первая

БАРАНКИН, БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ!

Тридцать шесть событий из жизни Юры Баранкина

Часть первая

БАРАНКИН, К ДОСКЕ!

<i>Событие первое.</i> Позор на всю школу!	8
<i>Событие второе.</i> Не дают даже опомниться...	9
<i>Событие третье.</i> Как в опере, получается...	10
<i>Событие четвертое.</i> (Очень важное!) А если я устал быть человеком?!	12
<i>Событие пятое.</i> Лопаты все-таки вручают... И Мишка вот-вот появится	14
<i>Событие шестое.</i> Семь выходных дней в неделе — вот что поразило мое воображение!	16
<i>Событие седьмое.</i> Единственная в мире инструкция	17
<i>Событие восьмое.</i> «Не хочу учиться, хочу быть птицей!...»	19

Часть вторая

ЧИК-ЧИРИК! ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА!

<i>Событие девятое.</i> Стоит захотеть по-настоящему и...	21
<i>Событие десятое.</i> Что на воробьином языке означает...	24
<i>Событие одиннадцатое.</i> Встреча с бесхвостым	27
<i>Событие двенадцатое.</i> Кошка Муська хочет меня съесть	29
<i>Событие тринадцатое.</i> О чем чирикают бабушки	31
<i>Событие четырнадцатое.</i> Дальнобойная рогатка с оптическим прицелом	32
<i>Событие пятнадцатое.</i> Что бывает, когда сыновья отрекаются от своей матери	34

<i>Событие шестнадцатое. Мы с Костей учимся вить гнездо</i>	35
<i>Событие семнадцатое. Драка за скворечник</i>	36
<i>Событие восемнадцатое. Костя Малинин «начирикался»</i>	38

Часть третья

Я — КАПУСТНИК И КОСТЯ — МАХАОН

<i>Событие девятнадцатое. Вредитель, известный населению</i>	41
<i>Событие двадцатое. «Спящая красавица»</i>	45
<i>Событие двадцать первое. Кепка-зенитка</i>	48
<i>Событие двадцать второе. Прощайте, ребята! Может, больше не увидимся...</i>	50
<i>Событие двадцать третье. Противочихательная прививка</i>	54
<i>Событие двадцать четвертое. ...Но в действие вступает ужасный закон природы</i>	56
<i>Событие двадцать пятое. Такая бабочка, как я, у них в коллекции есть</i>	62
<i>Событие двадцать шестое. В морилку, потом в сушилку... и в распрямилку...</i>	65

Часть четвертая

КАРАУЛ! МИРМИКИ! ГИБЕЛЬ МАЛИНИНА

<i>Событие двадцать седьмое, неприятное для Зинки Фокиной и спасительное для нас с Костей</i>	70
<i>Событие двадцать восьмое. Мы ремонтируем муравейник</i>	76
<i>Событие двадцать девятое. Это был, наверное, единственный в своем роде «бунт» на земле</i>	79
<i>Событие тридцатое. Небывалое и неслыханное на весь муравейник</i>	83
<i>Событие тридцать первое. Вот что такое мирмики и вот что такое Костя Малинин</i>	85
<i>Событие тридцать второе. Мы попадаем в окружение</i>	88
<i>Событие тридцать третье. Десять больших на двух маленьких и паутинка-самолет</i>	90

Часть пятая

БАРАНКИН, ВУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ!

<i>Событие тридцать четвертое. «Загробный» голос</i>	93
<i>Событие тридцать пятое. Мы существуем!</i>	96
<i>Событие тридцать шестое. Я хочу навеки быть человеком!</i>	101

Книга вторая

СВЕРХПРИКЛЮЧЕНИЯ СВЕРХКОСМОНАВТА

Двадцать воспоминаний Юрия Баранкина о себе самом, написанные им самим

Рукопись, найденная в школьном портфеле. Вместо предисловия	106
---	-----

Часть первая

СВЕРХПРИКЛЮЧЕНИЯ СВЕРХКОСМОНАВТА

<i>Воспоминание первое.</i> Воспоминания о воспоминаниях	109
<i>Воспоминание второе.</i> Что такое ПСИП-1?	115
<i>Воспоминание третье.</i> На стыке наук	121
<i>Воспоминание четвертое.</i> Действие равно противодействию	128
<i>Воспоминание пятое.</i> Пульс глубокого наполнения	132
<i>Воспоминание шестое.</i> Все хорошо, но где чувство юмора?	138
<i>Воспоминание седьмое.</i> Антология самого таинственного слу- чая	141
<i>Воспоминание восьмое.</i> «А я открыл, что рядом есть девчонки...»	147
<i>Воспоминание девятое.</i> Даю вам десять минут на разговоры!	156
<i>Воспоминание десятое.</i> Его величество — человеческое электриче- ство	166
<i>Воспоминание одиннадцатое.</i> Зеленый шум	175
<i>Воспоминание двенадцатое.</i> Я сам себя сыграю	180
<i>Воспоминание тринадцатое.</i> К директору! Срочно!	189
<i>Воспоминание четырнадцатое.</i> Сеанс гипноза	191
<i>Воспоминание пятнадцатое.</i> Оказывается, я знаю даже то, чего я не знаю	207
<i>Воспоминание шестнадцатое.</i> Слепой космический полет и неожида- нное прозрение	216

Часть вторая

ГДЕ ЖЕ ВЫ БЫЛИ РАНЬШЕ, ЧАРЛЗ ДАРВИН?

<i>Воспоминание семнадцатое.</i> Час без секунды — это не час, а только 59 минут и 59 секунд	227
<i>Воспоминание восемнадцатое.</i> Сверхжесткая сверхпосадка	239
<i>Воспоминание девятнадцатое.</i> На медосмотр, как на пожар	246
<i>Воспоминание двадцатое.</i> Пульс, пульс, пульс!	264

Медведев В. В.

**М42 Фантазии Баранкина: Поэма в 2-х кн.—
М.: Сов. Россия, 1985.—272 с. 1 л. портр.—
(Лауреаты Гос. премии РСФСР им. Н. К. Круп-
ской).**

Две повести про школьника Юру Баранкина.

Первая книга — «Баранкин, будь человеком!» — рассказывает про лентя и двоечника, который в поисках легкой и бездумной жизни проходит через ряд сказочных превращений (в воробья, бабочку, муравья). Пройдя множество испытаний, он понимает, что ничего прекраснее человеческой жизни нет на свете. Во второй книге — «Сверхприключения сверхкосмонавта» — повзрослевший герой проявляет необычные способности к знаниям.

**М 4803010102—244 242—85
М-105(03)85**

P2

ДЛЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Валерий Владимирович Медведев

ФАНТАЗИИ БАРАНКИНА

Редактор

М. В. Долотцева

Художественный редактор

И. И. Рыбченко

Технический редактор

Г. О. Нефедова

Корректор

Г. М. Ульянова

ИБ № 4177

Сдано в набор 07.06.84. Подп. в печать 14.02.85. Формат 84×108/32. Бумага типографская № 2 (на вкл. мелованная). Гарнитура школьная. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,39 (в т. ч. вкл. 0,11). Усл. кр.-отт. 14,60. Уч.-изд. л. 15,38 (в т. ч. вкл. 0,03). Тираж 100 000 экз. Заказ № 2913. Цена 75 к.
Изд. инд. ЛД-555.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

